ДИАЛОГ № 3

Научный патронаж:
"WORLD
MARTIAL ART TRADITIONS
&
CRIMINALISTIC RESEARCH
OF WEAPON USE"

КНИГА
ИЕРОНИМО ДЕ КАРАНЗА
уроженца Севильи, под названием

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ

И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ.
ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА

Руководитель научной группы перевода:
PH.D ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Книгу перевели:
Ирина Лопатюк и Валерия Берман

Одесса 2018

ИЕРОНИМО САНЧЕС
ДЕ КАРАНЗА

Философия оружия и мастерство владения им.
Христианская атака и защита. Диалог № 3
Переводчики: Лопатюк И. И., Берман В. А.
Язык оригинала: староиспанский
Год: 2018

Днепр
«Середняк Т.К.»
2018

ИЕРОНИМО САНЧЕС
ДЕ КАРАНЗА

Философия оружия и мастерство владения им.
Христианская атака и защита. Диалог № 3
Переводчики: Лопатюк И. И., Берман В. А.
Язык оригинала: староиспанский
Год: 2018

Днепр
«Середняк Т.К.»
2018

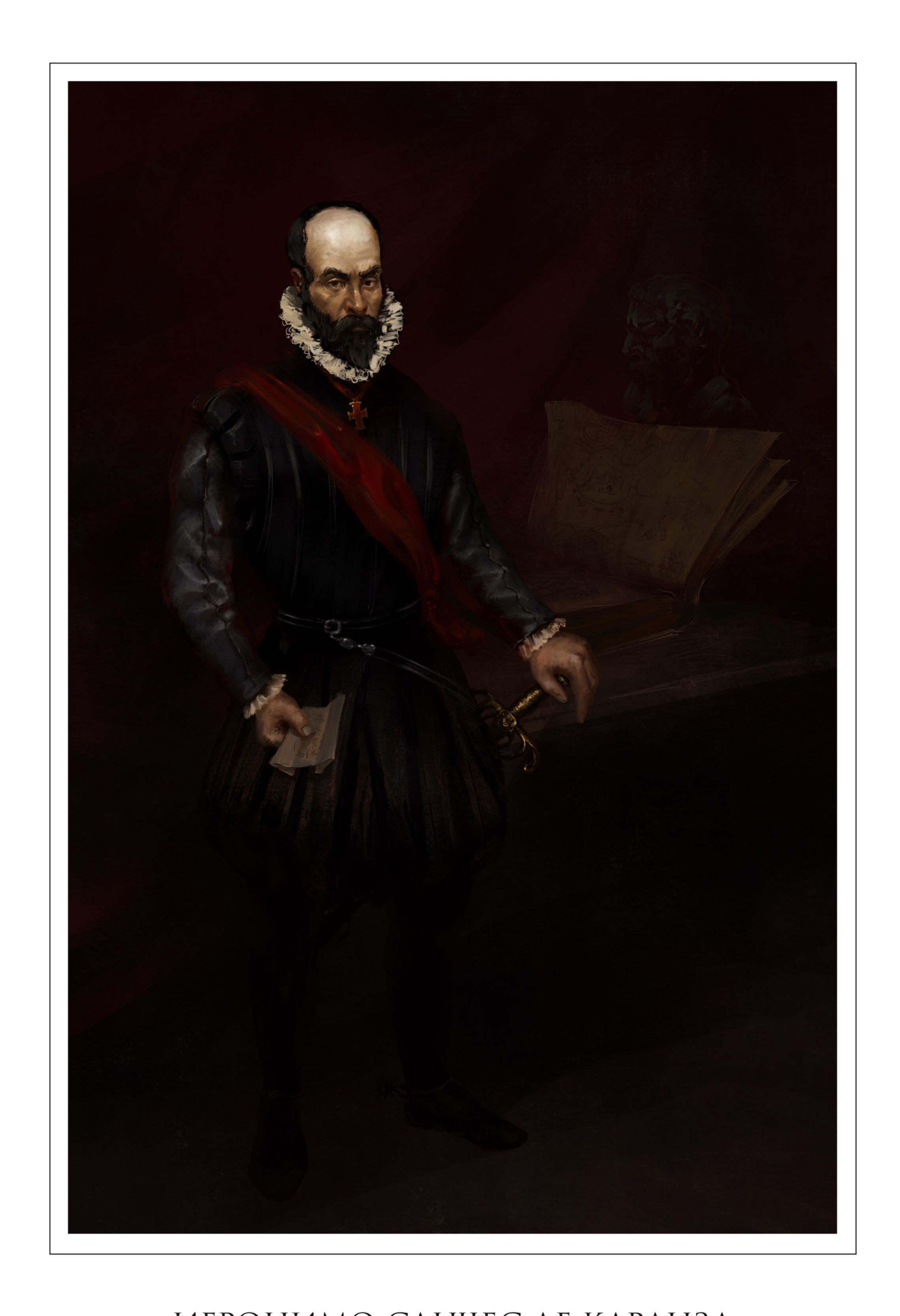
ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ
И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ.
ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА. ДИАЛОГ
№ 3 — ДНЕПР: СЕРЕДНЯК Т. К., 2018, — 91 С.

ISBN 978-617-7599-51-6

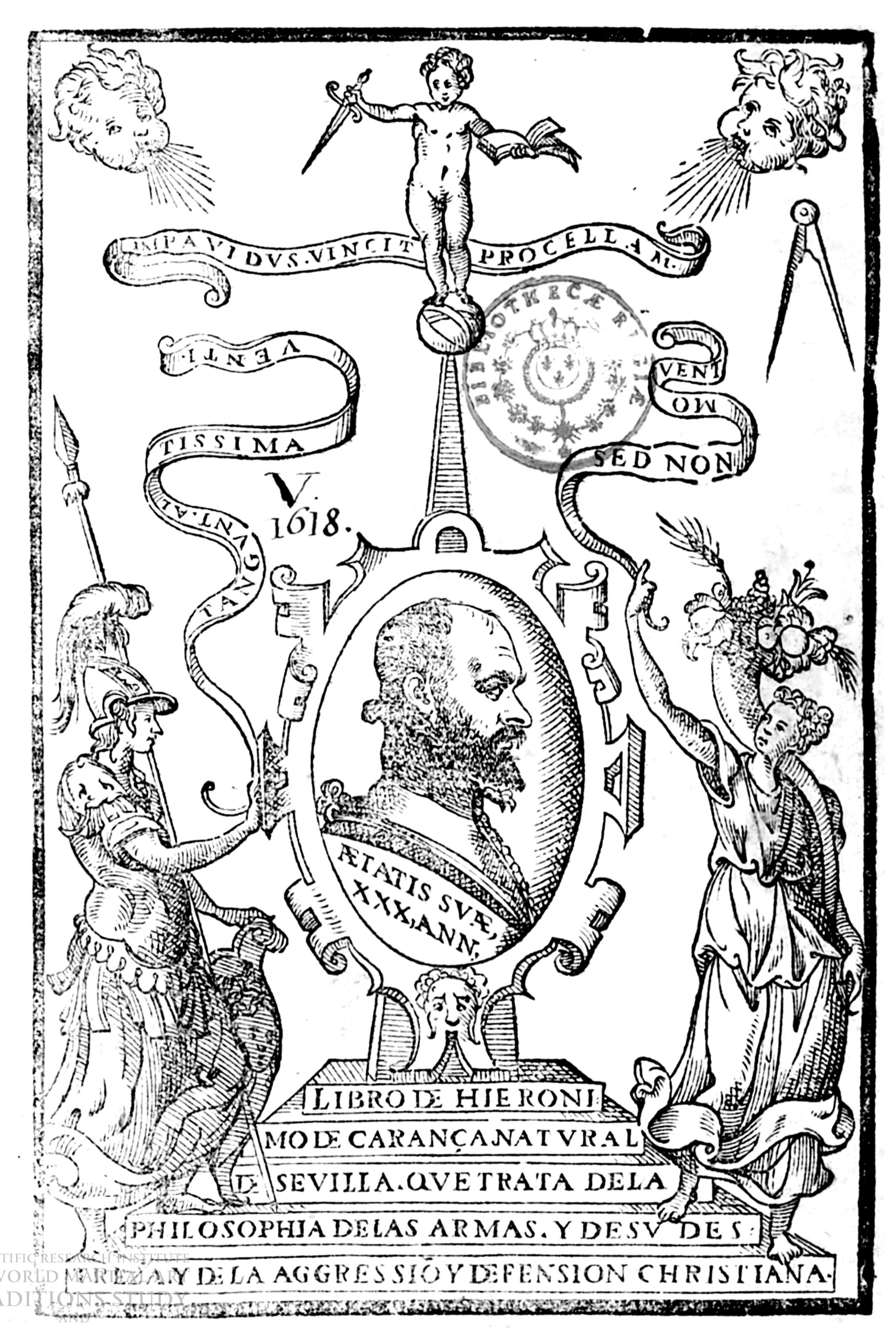
Третий диалог трактата «Философия оружия и мастерство владения им. Христианская атака и защита» объясняет и утверждает достоинство дестрезы, изложенное в первом диалоге, и очищает всю доктрину. Здесь мы имеет дело с оценкой всех видов оружия и с демонстрацией методов и трюков, которые показывают универсальные принципы работы кинжалом против меча; будет найдено сходство между науками и отношением дестрезы с ними, и к каких из них ее нужно подчинить.

Данный диалог предоставляет истинные причины и вместе с ними – всё самое важное в дестрезе, включая теорию о работе кинжалом против меча, доктрину для ученых, образованных и серьезных людей, и в частности заповеди, которые должен соблюдать и хранить учитель, чтобы исцелить с помощью дестрезы неупорядоченный импульс духа учеников или заменить недостатки их характера наукой, давая каждому в чистом виде то, что лучше для него.

ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

ДВОРЯНИН, ИСПАНСКИЙ РЫЦАРЬ, ФИЛОСОФ,
МАСТЕР ФЕХТОВАНИЯ,
СОЗДАТЕЛЬ ИСТИННОЙ ДЕСТРЕЗЫ
КОМАНДОР ОРДЕНА ИИСУСА ХРИСТА

IMPAVIDVS. VINCIT PROCELLAM.
VENTI.
TISSIMA
TANGVNT.AL
VENT
MO
SED NON
V.
1618.
ÆTATIS SVÆ,
XXX. ANN.
LIBRO DE HIERONI
MO DE CARANÇA NATVRAL
DE SEVILLA. QVE TRATA DE LA
PHILOSOPHIA DE LAS ARMAS. Y DE SV DES-
TREZA Y DE LA AGGRESSIO Y DEFENSION CHRISTIANA.

ПРИЧИНЫ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА

После того, как в первом диалоге были рассмотрены универсальные части истинной дестрезы, а во втором глобально и в частности рассмотрена ложная, ненастоящая дестреза, но при том, что, обналичивая обманы вульгарных фехтовальщиков, доказывая это с помощью стойких демонстраций, кажется, есть вещи, которые не такие общие, как в первом диалоге, потому что многие их не понимают, но они настолько целесообразны для цели, которую преследует наука об оружии, что было бы невозможно знать фехтовальщику о том, что подходит для совершенствования мастерства. Если что-либо из этого игнорируется, потому что считается очень особенным, то мы хотели бы предоставить истинные причины, и вместе с ними – всё самое важное в дестрезе, включая теорию работы кинжалом против меча, с доктриной для ученых, образованных и серьезных людей и в частности с заповедями, которые должен соблюдать и хранить учитель, чтобы исцелять с помощью дестрезы неупорядоченный импульс духа ученика или заменить недостатки их характера искусством, давая каждому то, что лучше для него, в чистом виде, если в действительности он будет сражаться с двумя или тремя оппонентами, и что подходит для сохранения дыхания, борясь со многими другими особенностями, затрагивающими философию дестрезы, что будет неоднократно замечено в продолжении этого Диалога, в котором представлено сходство между науками и отношениями дестрезы с ними, и к каким из них нужно подчинить дестрезу.

ТРЕТИЙ ДИАЛОГ КАСАЕТСЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРИЧИН И ИСТИННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОСНОВНОЙ ДЕСТРЕЗЫ, ВКЛЮЧАЯ ДЕМОНСТРАЦИИ МЕТОДОВ, УЛОВОК,

которые целиком были предложены в первом диалоге и показывают универсальные принципы работы кинжалом против меча и оценку всех видов оружия. Диалог ведут Мелисо, Филандро, Эудемио и Полемарко.

Существует старая история о том, что короля Пирро из Эпира обманули льстецы и подхалимы таким образом, что, будучи очень ясным человеком, с превосходной военной дисциплиной, он думал, что похож на лицо и дух Александра Македонского, несмотря на то, что зло и лесть смертных врагов для всех были очень ясны. После этого безумия он приказал, чтобы их портреты разослали повсюду, полагая, что в них была сама фигура Александра, и будучи убежденными в этом, ни у кого не было такого друга, приверженцы истины, который осмелился бы обмануть. И что было более серьезным, – что даже не чувствовалось что-то отличное от того, что он чувствовал, чтобы не воспылать отвращением, пока некая пожилая женщина не обнаружила, что эта истина явно подавила его безумие, потому что Пирро показывал ему статуи Филиппо, Александра и Касандро и других королей Македонии. Я спрашиваю его (очень радостно) в ком из них он, казалось, был более уверен. Но старая женщина немного остановилась на этом истинном суждении и сказала, что, кажется, что это Батракио «Кук», который по лицу и в талии был очень похож на Пирро, который, если в сравнении него, которое я сейчас делаю и других храбрых нашего века, хотел извиниться, ведь он обижался, что его сравнивают с такими скромными, непритязательными людьми. Для них они кажутся ему очень похожими, не зная, как чувствовал себя Пирро, будучи обманутым превосходными льстецами, их воображением и плохими друзьями, которые у них есть. Они хотят быть похожими на Александра в мужестве, но я думаю, что в этих документах представлен Батракио Кук, и тем самым исцелить тех от их безумия, которое так велико, возможно, подавляя нахальство и свободу, во лжи с ясной правдой о делах и жизни. Они укротят свою смелость и беспорядочную жадность, чтобы оскорбить Бога и нанести вред близким. И в случае если этого будет недостаточно, чтобы быть упрямым и ожесточенным на зло, будет, по крайней мере, часть, чтобы все знали, кто они, и поняли, как мало они могут, и увидят, как они обманывают, потому что я действительно верю, что, если бы такой друг сказал им правду,

они бы выдержали ложь, которая уже была незамысловатой и удалена из их порочной жизни. И, принимая более честное обращение, они бы отвергли такие отвратительные привычки, больше склоняясь к тому, чтобы положить им конец. Мне бы пришлось упоминать о том изумлении, которое у меня было, видя и слыша шарлатанов-маэстро, когда истинное мнение таково, что отдельные люди отказываются от своей доктрины и говорят, что большинство из них - трусы без чести и люди плохой жизни. Прежде, чем я начал говорить, вы испугались и увидели жестокость, которая исходила от оружия. Знайте, что я не только видел то, что причинило мне вред, но и видел бесстыдство, захваченное в мое владение с большой силой, забирая мужество и храбрость, чему я учил Эудемио. Я испытывал большой страх, хотя понимал, что с самого начала это уже было ложным и удивлялся, что у Эудемио не было такого же или еще большего страха, чем у меня, потому что в соответствии с этим вы судите тех, кто должны были оставить невежественных простолюдинов, которые учились у тех, кто не знает их. Мне кажется, что наш господин привел вас в такое хорошее время, чтобы, когда я услышу ваши причины, я изгоню из себя весь обман тех, которые, если могут, то не потеряют, с трудом будут удерживать, чему предшествовало так много плохих вещей, потому что то, что хуже и дальше от истины и затрагивает меньше добродетели - подходит нам лучше, и это всегда находится в нас. Мне нужно ограничить себя в разговорах, я потерян, я не знаю, что делаю, что мне думать, что есть у меня в голове, как будто я пробудил это собственной глупостью. Что будет со мной, если я услышу остроумных людей, их некоторые высокомерные слова, которые у меня остались в памяти? Или по неосторожности я сделаю несколько жестоких движений, которые делал учитель, не желая, чтобы я это делал? Потому что я не могу не видеть и не слышать это, но то, что меня утешает во время таких великих тягот, заключается в том, что в этот день я получил немного понимания того, что известно в науке об оружии, многое узнал о пустословии и обмане из-за отсутствия разума и мало узнал о мужестве для изобилия бесстыдства и трусости, вы знаете это лучше, чем я. Вы более опытный, чтобы сказать, что чувствовать, потому что люди не думают, что мои жалобы и обиды исходят из незначительного случая. Эудемио, мне очень жаль возвращаться к воспоминаниям о вещах вульгарных фехтовальщиков, потому что они очень оскорбили меня своими мерзостями, но я счастлив от этого, потому что смогу повторно использовать свою затею. То, что вы им обещаете, - я хочу сделать по своему желанию, прежде чем меня заставят уважать их, и узнать (всему причина того – моя неудачная судьба), что среди многих вещей, к которым я склонялся, была одна об умении обращаться с оружием, о дестрезе, которую простолюдины называют фехтование (название, недостойное ушей, привыкших к чести), и я внедрял ее в работу на время, которое предлагалось. И для того, чтобы усовершенствовать свои навыки, я

общаюсь с некоторыми людьми, которых не экзаменовали. Одни от дестрезы имеют счастье, а другие - большие травмы, за исключением того, что те, кто много говорят, знали, как легче и более непринужденно размахивать мечом, чем другие, и знали имя простолюдина, который, будучи преступником, становился судьей и устранял авторов этих вещей, просто так, ни за что, больше потому, что ему так нравилось, а не потому, что на то была причина, с которыми он проводит какое-то время, пока истина не дала мне понять, что мне не стоит говорить ни слова никому и верить мнениям простолюдинов, потому что всегда, по большей части, они различны и высокомерны, к тому же еще и враги разума. В основном они подтверждали с присягой, что они были фехтовальщиками и не удовлетворены этим, мне они были выданы за храбрых. И как враги истины и хороших людей они легко лгут, они спрашивали, насколько известные и непонятные истины могут быть сведены к мнению, чтобы подтвердить свою ложь. И всё, что они использовали в своей похвале, было ложным и вводящим в заблуждение, на притворных основаниях, скрытых искусством перспективы, что издалека проявляло определенную тень правды, но при таком опасном решении я не хотел доверять им и взял их опыт в качестве руководства, понимая, что он научит меня разнице между дестрезой одних и тяжелым и суровым образом жизни других, и каковы были настоящие фехтовальщики, а какие нет. И для столь разнообразных противников казалось необходимым сформировать соединение в дестрезе в том виде, при котором можно было иметь противоядие многим противникам, применяя каждое из них, если они оказывают разнообразное влияние и состоят из смеси, которая не похожа ни на одну из ее составляющих, а вбирает всю силу составляющих в одну и становится единой частью многих составляющих, не похожих друг на друга. Так что, если бы какая-то из сторон пожелала свести себя к своему старому виду, я бы с трудом это сделал и вернулся бы к дисциплине каждой из них. Отдать меня в их руки было похоже на то, что я попал в руки дьявола, потому что один из них сказал втайне, что на меня не будут наступать с длинным мечом публично, чтобы никто не остановил. И то, чем я очень восхищаюсь, это, что этот человек основывал свое мастерство на необходимости умерить пыл противника и применяя парирование, нанести потом рану и осуществить другие формы парирования. Мне казалось, что то, что он ненавидел со всех концов, он и выбрал для себя. Но другой противник убеждал меня не использовать меч снаружи, а всегда ударять со стремительной атакой, другой сказал мне не принимать во внимание этот совет и исследовать меч наконечником моего меча, пока я ожидал, что противник достанет свой, чтобы смочь нанести ему вред, ставя его ловкость и мастерство в стойкие условия, за исключением того, что противник достал свой меч за ту часть, о которой говорил мне учитель. Я оставался нерешительным с большим страхом и опасностью, но другие более сдержанные убедили меня не

выставлять мою левую ногу, потому что воображение не находится в двух вещах столь разных, как выставить ногу и причинить боль. Вы меня очень удивили этой причиной, и я прекратил делать и то, и другое, потому что привычка не накладывала на меня обязательства, оставляя по одну сторону споры и ссоры, которые есть между людьми. Это займет долгое время, чтобы рассказать то, что по-видимому, судят поверхностно таким образом, что тот, кто говорил, был слабее, чем наконечник меча, чем весь меч, чем тот, кто противоречил ему и оказался таким же слабым. Я не знал, как спорить об обратном, хотя знал, что невозможно, чтобы одна и та же часть меча была одновременно слабой и сильной, даже если речь идет о смене позиций, которые вызывают разные центры, а также невозможно, чтобы одно и то же было горячим и холодным одновременно. Из этого я понял, что нет очевидной причины, что кто-то не может этому противоречить, так что я столкнулся с представителями, которые обычно уставшие и спят, иногда склоняя голову в сторону, как будто бы подтверждая что-то, а в других случаях поворачивая ее на другую сторону, как будто бы отрицая, не споря с простолюдинами. Но хуже всего то, что те, кто командовал не парировать удары, - мало знали, а некоторые ничего не знали, и это было правдой, предлагая им удобный случай, чтобы они не использовали ничего другого и не приобщались к другой защите и не видели также тех, кто говорил мне раньше, что лучше подождать, отступить в ссорах с ненасытным желанием бежать (обратите внимание, как плохо можно обучить человека ждать другого, кто выбирает, что лучше бежать) откуда я понимаю, что те, кто в опасности теряют науку, когда приходят к ней, и также теряют свой дух, который является основой. Конечно, я говорю вам, что мне стыдно признаться вам в истине, в дестрезе, потому что всё это путаница, состоящая из нескольких замешательств, и то, что я понимаю, это, что главное в таких противоположных мнениях было внешнее проявление простолюдинов, которые, по мнению некоторых существенных наук, (из-за отсутствия хороших учителей, они теряют большие возможности узнать что-либо), говорили всё, что было общим признанием. Я тоже был фехтовальщиком, и уже вложил камень в здание славы и приобрел некую удачу и везение, которыми могу восхищаться. И было так, что для того, чтобы аккредитовать меня с народом и незаконно присвоить какую-то похвалу, я провел день в созерцании, чтобы узнать, какое средство нужно было бы почитать больше, чем обычное, и, зная непостоянство простолюдинов, я сам обнаружил, что если только говорить общие вещи в дестрезе и привычные среди простолюдинов, и, если мои наставления не отличались от тех, которые говорили простолюдины (как говорил Лучиано, софисты против философов), чего не было в моей необычной вещи, за которую меня хвалят люди и восхищаются моим умением и способностями и убеждают меня в этом, потому что с той же самой ловкостью меня убедили другие, хотя это правда, что это никогда не закончилось бы

моим осознанием, прежде чем ни один палач не смог бы быть более жестоким к кому-либо. Кроме того, это служило тысячам моим свидетельствам так, как более странная ложь воздвигалась для известных людей и еще больше для паломников. Более того тщетные уловки, предложенные людям, гораздо больше заслуживают уважения от новых людей и почитания среди разумных простолюдинов, замечательные которые те, кто завидует хорошему, но никогда не заслуживают использовать это, скрывая это во лжи и отбрасывая правду за ложные нововведения, принесенные обманщиками. Я доверяю своим словам, чтобы сделать что-то новое и известную дестрезу, основа которой была скрыта и сомнительна, чтобы невежи, лишенные веры, насытились (как говорится) и чтобы одни угадывали одно, а другие другое. Все вместе мстят мне, видя их изумленными и завороженными, потому что недостаточно, чтобы дестреза была правдой (которая не была моей), но нужно многое осознать, применять усердие, проворство и желание, но всё это мало помогает, если тот, кто этим обладает, нецелесообразно использует это в своем месте. И многие другие вещи, на которые я не обращаю внимание подходят для ее совершенства. Вы видите здесь идеал дестрезы, сформировавшийся в моем понимании, хорошо посмотрите, кто эти простолюдины, потому что меня они хвалят за то, что я хороший фехтовальщик. Они верят в мои сказки, которые поднимали и отрицали правду, которую другие считали доказательством зрения.

Говорит Филандро. Я восхищаюсь тем, что ты сказал мне, и я гораздо больше, чем то, что они продолжают делать в своих плохих привычках и ложной дестрезе, и что человек по вашему описанию, будучи настолько благородным, может в какой-то момент отождествляться с вульгарными простолюдинами. Но хорошо, что вы поняли из этих слов то, что хорошая наука проистекает из хороших привычек, а от плохих наоборот, в случае, если это не было заявлением какого-то человека, которого вы называли от своего имени Мелисо, поскольку Эудемио и Полемарко открыли дверь к мастерству и отдыхали, ссылаясь на то, что они знают о ложных фехтовальщиках. Будет хорошо, если те, кого я видел, предстанут перед судом, как другие, потому что они не менее высокомерны, будучи настолько высокомерно храбры. Они подтрунивают и говорят плохие вещи о фехтовальщиках, потому что они не хотят быть на них похожи (правда то, что говорит Платон, мол нет необходимости обращать внимание на тех, кто не знает многого из того, что хвалят или постигают) предполагая, что они не обладают правдоподобными навыками. Чтобы сделать это, они для своей безопасности объединяют подмастерье, которых в плаксивом возрасте и не таких опытных легко обмануть словами, посредством которых они внушают это великое и знаменитое имя мужества, что независимо от того, сколько людей ищут его, оно не так легко предоставляется всем, кто притворяется, что едины в своем роде, как говорит Понтано, и поскольку худшая дестреза укоренена более

эффективно, они не знают, что уловки, которым их учат, полны сомнительной ложности, так что они могут ставить их в одну и другую части так, что если что-то одно не подходит, они хотят принять другое и таким образом найти ошибку дестрезы во всем и ни в чем без поправок. Но, даже, если бы я был Марко Красом, я не смог бы с сожалением сказать извинения, которые они ищут, когда убегают, опьяненные трусостью и пылающей ловкостью. И тот, кто много кичиться своим мастерством, того нельзя назвать истинным фехтовальщиком, кто сам по себе таковым не является. И то, что делает меня самым злым из них, – это презрение, с которым они относятся к тому, что делают другие, и те ошибки, которые они выставляют, чтобы они не уважали их как они того заслуживают и не казались уважаемыми, называя в своих сплетнях малодушным фехтовальщиком того, кто не знает, а соглашается с простолюдинами. Но то, что у меня есть более серьезного, заключается в том, что, не зная ничего этого я ничего и не могу. Ничто не стоит того, чтобы увеличить особую пользу для народа, который находится в городах, как бесполезные хвастуны для республики, которые идут против тех, кто следует за добродетелью, обвиняя их во лжи. В итоге, он пришел к разложению своей злобы и подлости до такой крайности, что он почитается среди них за лучшее; что у него теперь меньше стыдливости, и он больший клеветник добра, потому что, непременно, это так и есть. В них есть большее зло, когда с ними обращаются так, как обещали. Причина в том, что такой отвратительный вид "зверей" (тупиц и болванов) ненавидит всех нас, они ввели в курс дела всех христиан с помощью этих писаний, чтобы предупредить о злых вещах, которые есть в их теле. Об этом я говорю более простым способом, например, кто имеет опыт повреждения, что является причиной моего удовлетворения этой дисциплиной, чтобы взять верх над волей этих высокомерных и напыщенных невеж, потому что это правда, что авторами уловок был здравый смысл, который упорядочивал вещи, противоречащие друг другу. Сомневаясь в этом случае, старайтесь молиться тем, кто незаконно присвоил себе имя фехтовальщик, которое я использую по их желанию (но не во всем, в чем они использовали). Меня научили некоторой ловкости, чтобы оценить почему, как говорит Филандро и другие, истинная цена вещей заключается в их отсутствии. Меня бессознательно определили как молодого неопытного юношу, которого с пляжа должны были поймать в середине залива и в дыме посреди пламени, потому что, заметив потом конец этих людей, он нашел среди них самые распространенные реки невежества и сомнительных уловок, которые были среди других варваров, с которыми он имел дело. И конечно же после того, как он узнал такое беспорядочное разнообразие, он поблагодарил Бога и судил о золотом веке. У меня была самая удачная жизнь из тех, кто игнорирует все положения дестрезы, в сравнении с этими надменными высокомерными людьми, что заставит вас еще больше смеяться, а для меня это было

тяжело, что, будучи не в состоянии согласиться друг с другом в чем-либо, они обучали всем уловкам, противоположных одна другой и с большим усердием старались дать мне репутацию, авторитет, где каждый работает сам, если их мнения лучше всего заставляют меня принимать их за более правдоподобные, чем другие, чтобы для вас стало очевидно доказательство их великого невежества, говоря о всех вещах, настолько противоречащих друг другу (как вы слышали). Они утверждают о всём, чего хотят, ни в чем не сомневаясь, предлагая больше сомнений всегда тому, кто знает больше, но у этих сомнений нет. И самое худшее, что они довольно флегматично себя ведут по отношению к невежественным людям, которые хотят во всём быть победителями словесных поединков, не оставляя шанса ни для кого, кто заслуживает победного места.

Говорит Филандро. Я уверен, что слышать это не в новинку для меня, потому что я видел, как они ищут ткачей в соответствии с той нитью, из которой они плетут свои сюжеты, и я знаю, что они похожи на тех, кто входит в группу комедиантов, которые, согласно возможности работы, иногда олицетворяют человека Ахилла, а другие - Марса, а чаще всего Одиссея. И тот же самый человек, который был Юпитером, показывает потом раба в отсутствие своего хозяина, потому что автор произведения так пожелал. Но когда всё закончено, каждый из них лишается вышитых одежд, которые оставляют притворяющегося человека без защиты, он возвращается к своим бедным и скромным одеждам, не будучи больше богом Марсом, а обыкновенным трусом, который в свойственной ему манере судит хвастунов, которые говорят, что пока они являются представителями своей лжи, они иногда дают понять, что они храбры, и как они воображают; они хотят через сражения, битвы завоевать доверие у народа только со всей пышностью и помпезностью, которую они представляют. Но когда кто-то, кто их хорошо знает, уничижает их тщеславную самонадеянность, заносчивость (как это и произошло), они сразу становятся такими же, как были до того, как убедили себя в таком обмане, чтобы не быть ни храбрыми людьми, ни фехтовальщиками, потому что я посылаю страх, который является автором их выдумок и властелином их сердец, а также потому, что по правде говоря это уничтожает мастерство.

Говорит Эудемио. Определенно, то, что вы сказали, мне очень нравится и это происходит вместе с обращением с этими людьми, которые без результатов и цели хотели очернить своей ложью военную дисциплину и изменить, ухудшить своей трусостью славу дестрезы. Но то, что я чувствую больше всего, состоит в том, что они довели дестрезу до подлости и низости, и так оценивают ее учителей, что те, кто больше всего ей пользуются, - теперь являются самыми презренными и подавленными мужчинами в республике, и это для того, чтобы уменьшить авторитет вещи, если случайно они захотят превознести свою подлость и мерзость. Они говорят, что это как дом фехтовальщика, где обычно обнаруживается та же

подлость.
Говорит Полемарко. В этом вы увидите наказание, которое заслуживают фехтовальщики даже за то, что я когда-то пострадал. Я уже оставил человека, который затем приносит это в воображение не для того, чтобы избавить меня от боли и наказания и не для того, чтобы я не испытывал чувство вины, потому что не справедливо, что тот, кто позволяет себе обманывать столько раз, остается безнаказанным. И теперь, то, что меня восхищает больше, – это осторожность, за которой они скрывают правду, ярость, с которой они относятся к лучшему, являясь их самыми отвратительными качествами, которые делают их заметными во всем городе, потому что они ничем другим не занимаются, как убеждают других в своих ложных свидетельствах, которые не могут вместе идти с истиной, побуждая их с одной стороны болью чести, данной тем, кто своими трудами заслуживает этого, а с другой стороны – развратным и болтливым сознанием, хотя в этом случае больше может быть их плохими мыслями, дающими понять, что невозможно иметь мастерство такое точное, как ваше, ни правду, выдержавшую испытания на Земле, поскольку они хотят, чтобы это была их ложь и ложная дестреза. И так они собирают свидетелей, которые клянутся в пользу их высказываний, но имеют стёганые спины и лица, сытые по горло ссорами. И теперь, когда я знаю их характер и значимость, я не боюсь, потому что, чем более прославлены достоинства одного, тем больше смелости есть завидовать плохому, чтобы нарушить правду.
Говорит Мелисо. Кажется, что каждый час он создает вам новую судьбу фехтовальщиков? Потому, я говорю вам, что те, кто без страсти учитывают свое тщеславие, ясно увидят, когда у них мало вещей, чтобы сделать их дело, даже не для балласта мира. И верно, что, даже если бы я это увидел, я бы не поверил в это, потому что вы настолько спокойны и нахальны в своем невежестве среди самых старых учителей дестрезы. Они как бы пребывают в слабых способностях, которые, не зная того зла, которое они изучают, передают это неотесанным маэстро, которые уже после первого урока заявляют, что они фехтовальщики, их наделяют мастерством, которое они имеют. Правду говорят, что они потом становятся фехтовальщики как тот, кто их учит, потому что у них нет ничего верного и определенного, ни то, каким образом можно получить намек на истину. Всё, что они делают, – это предположения, догадки и какие-то руководства. Я имею в виду невежественного человека, который настолько слеп, что подчиняется предписаниям этих людей, и истинны они или ложны – самим владельцам не хватает этого знания. И в этом причина (по-моему), потому что ни один очень умный человек не хотел принизить свое мнение, чтобы поверить в них, и, если кто-то это сделал, он был убежден в своих ложных словах, поскольку они убедили в этом, отрицая мастерство одних от других. Но, будучи в таком риске, я много раз говорил, что

у нас уже есть ошибочная дестреза со стороны одних и других, потому что она делится на мнения, следуя каждому из профессоров больше по прихоти, чем в силу правды. И поэтому некоторые из них противоречат другим, вместо того, чтобы поддерживать разумные основания. Хотя, с другой стороны мне было представлено, что никто не может справедливо судить о своих вещах, чтобы иметь близких ему людей, в том смысле, что зрение не может отличить вещь, если к ней приближается много всего, что мешает движению углов, и чем больше они удаляются, тем лучше приходит понимание, особенно если они ставят это таким образом, что сила власти и сила частей способны на всё. Поэтому я понимаю, что мы не судим хорошо о наших собственных вещах, если они так близко. Некоторые мы сделаем лучше, если поместим их в другого человека, и мы отделим их от нас, где мы не следуем за собственной любовью, потому что человеческая природа имеет такое качество, что у других людей всегда более суровое суждение, за исключением того, что основано на зависти. И поэтому наблюдая среди фехтовальщиков такое разнообразие, это определяет то, что мы не будем никому доверять, ибо, если у кого-то довольно скудное мастерство – всем приписывают славу, не оставляя места никому, кто этого заслуживает, ибо, если всем нужно было верить, – не было бы одинаковых фехтовальщиков, потому что каждый из них имел ложную дисциплину другого и тех, кто желал, чтобы это было неправдой, потому что это не похоже на их ложь, они никогда не подсчитывали дела других, как в действительности это происходило, или оглашали их изобретения, видя их настолько пугающими, что они не позволяли ему поверить, и так он начал обнаруживать мастерство всех близких мне, которое достигло такого жалкого состояния, что даже нельзя рассматривать его без особого стыда и обиды, ни работать с благородными людьми, без известной потери уважения.

Говорит Полемарко. Я очень удивлен тем, что вы настолько стары в этом опыте, что игнорируете в конце столь многие года общения и обращения со всеми, кто так занят в своем невежестве, что не только не понимают хороших вещей, но и не слышат слов, которые им говорят. Хотя по серьезным причинам они режут слух, потому что есть не разобравшиеся в этом деле люди, как спутники Одиссея, потому что это правда, и разум или добродетель – это непристойность для них. Поэтому они продолжают предупреждать их о своем великом невежестве и предупреждать мир о вреде, который они наносят республике. Мне кажется время потеряно и вещь излишня, потому что я часто замечал фехтовальщиков вместе и порознь с простолюдинами. И я вижу, как они смеются с того, чему обучают их собственные ученики, а затем другим образом высмеивают тех, кто не похож на них, и они настолько расстроены (насколько я понимаю), что живут в жалости и сострадании среди фехтовальщиков, которых они называют невежественными, будучи в состоянии чувствовать с большим разумом тех (вы это уже

видите), кому они говорят это. Это очень признано в республике, главные люди снисходительно к этому относятся, без каких-либо поправок на пути. Они не только не хотят упрекать, отчитывать за что-то, но некоторые из них восхваляли подлость и низость, которыми они начали обладать, бесстрашно наглые и бесстыдные и на удачу опрометчивые. Как говорит Платон, с этим и с освобождением от справедливости плохих людей, они наносят вред и оскорбляют хороших людей. Это правда, что некоторые из них тайно заманивали названием «дестреза» и мужеством, потому что они публично потеряли свою честь. Но хорошо, что это длилось недолго, нося маску только с видимостью, потому что, как вы знаете, насильственные вещи не могут быть вечными. Это то, что вы говорите о некоторых шарлатанах, которые с очевидной ловкостью и притворной храбростью совершают великие оскорбления среди людей. Я отказываюсь быть избалованным Советом и общественной властью. Каждый имеет отношение к их особой выгоде (даже если иметь выгоду к истине неприлично и позорно), они осмеливаются обманывать, отнимая и обкрадывая, но когда разочарованные люди берут их в свои руки, то потом публично раскрывается их трусость. Но по их прихоти их нужно наказать, потому что они не только заслуживают наказания за то, что ошибались, но и еще больше ошибаются каждый день потому, что всех оскорбляют.

Говорит Полемарко. Вы знаете, что я был счастлив, когда был среди смелых и отважных, чтобы увидеть тех, кто благоразумен и воздержан в своей лжи настолько, что с трудом видит свою трусость, живя очень спокойной жизнью, отчужденные от гнева и суеты, не нося шпагу, где нельзя узнать, какие из них продукты работы слов, организованных так же искусственно, как и не можете знать во время добра и безмятежности кто хороший пилот, а кто плохой. Чтобы это узнать, нужно оказаться в шторме.

Говорит Филандро. Теперь вы закончите наблюдать работу этой деятельности, хорошо оценивая эти возражения и трудности, потому что я, кто видел всё это, знаю это, выводя из заблуждения, чтобы не только внедрить в науку какую-то вещь, которой до этого раньше не было, но и забрать ее от вульгарных людей. Я согласился использовать не только сильную причину, но и научные демонстрации, подтвержденные опытом, которые вы увидите, придуманные автором, без необходимости рисовать или использовать что-либо для искусства, так как люди могут воспользоваться другими из них, обычными, потому что, оставляя одному часть теологии, – он настолько высокомерен, что, если он писал диалектику или философию, он не читал много раз Платона и Аристотеля. В случае, если вам придется попробовать себя в риторике или ораторском мастерстве, прекратите следовать за Демосфеном, Гермогеном, Цицероном, Квинтилиано или Хуаном де Маларар. Если вы хотите исповедовать медицину, не знаю, вспомните ли вы, что есть Гиппократ и Гален. Если вы сочиняли поэзию, она не следует за Гомером и не имитирует

Вирджилио, или Фернандо де Эррера, или Тарсиласо. Не будет ни одного незамеченного, если он будет расценен как астроном в своих работах, он не будет учиться в Прокле или Арато. Если вы хотите посвятить себя астрологии, не пытаясь быть знакомым с Хулио Фирмико или Иеронимо де Чавес, и, если вы были космографом, вы не видели Птолемея много раз. Если вы должны иметь дело с географией, не перечитывайте Помпонио Мела и Страбона. Никого нет настолько проницательного, что, если ему дается геометрия, он не пытался бы понять Эвклида. Или вы хотите быть арифметиком или музыкантом, которому не нравятся Джорджео Вайа и Боэций и для перспективы к исправлению Вителиона. Наконец, сегодня нет никакой вещи воспитанников, где с изобретательностью человека некто хочет начать какое-либо дело. Он не находит многих, которые обильно говорят слова впустую, но в этой работе, в которой никого никогда не было, если только не нужно было ее уничтожить, вы четко увидите опыт его изобретательности и выдумок, и больше будете восхищаться им, если примите во внимание по максимуму то, что было между настолько завистливыми и опасными людьми, которые раскрывают ту часть дестрезы, где есть не только тот, кто может подражать, но и кто согласился бежать от всех. Поэтому Чарилао находится в столь странном замешательстве, не будучи в состоянии свести это каким-либо образом к порядку. Ему казалось, что работа праздного ума удовлетворена тем, что другие придумывали в науках, принимая решение создать выдумки его стремлений и притязаний и совершенствовать это со временем, не понимая только то, кто каким-то образом помогал ему до того, ведь многие препятствовали и мешали ему, но это была только милость Бога, что он был настоящим другом, тот, кто платит за то, что ему подходит, что служит ему во благо, и поэтому он постепенно шаг за шагом создавал свои знания с опытом и создал самые прочные основы, которые есть в науках, и вместе с этим материалы. Каждому было отведено свое место, что сформировало дестрезу. Но он не доволен тем, что дал истинные основы, чтобы заплатить сколько он должен, с богатством других наук. Это было отложено в публикации, потому что в течение короткого промежутка времени не сделаешь ничего большого, потому что это было всего лишь спекулятивной фантастикой и практикой многих лет, он только воспитывал части своего понимания, пока не смог прочно стоять на ногах. Они найдут вас, когда вы будете измерять оружие с таким усердием, что не сможете потерять надежду. Ни вам, ни вашим хорошим друзьям без всех книг о дестрезе Бог не может дать жизнь, поэтому Эудемио усиливает желание, которое вы целиком увидите в ближайшее время, потому что Чарилао не хотел тратить свою жизнь, странствуя по миру, что он не мог сделать без большой досады и работы. И после этого на самом деле у него не было времени (в силу краткости жизни), чтобы написать в письменном виде то, что он узнал, только со спекуляцией понимания, испытывающем это

в реальности с большим риском, и с этим воспользоваться людьми, потому что ему казалось, что это работа неблагодарная заставить мужчин участвовать в таком великом благе, которое приносит с собой дестрезу, кому нравятся правила разумности и ума, особенно когда это было доказано истиной столь многих наук, несмотря на то, что только благодаря своей доктрине можно внедрить в работу то, что пожелаешь, и более определенным способом, чем другие, следуя совету святого Иеронима немного высокомерного, не полагаясь на то, что он знал, чтобы не ошибиться в важном деле. Он также хотел, чтобы вы увидели разных фехтовальщиков, чтобы заметить разные вещи, увидеть, можно ли выбрать из них самые замечательные вещи, достойные того, чтобы быть принятыми за истину, у каждой из которых должен быть какой-то принцип, который был верным и определенным, что сделало создание дестрезы внешне приятным, но главное стабильным, полагая, что они подражают в этом пчёлам, которые из нескольких видов цветков, по цвету и виду, запаху и силе, образуют ликерный мед, который нельзя сымитировать. Но несчастье варваров было настолько велико, что он никогда не находил между ними ничего, что можно было бы разумно оценить, и по этой причине он не хотел тратить время, чтобы обдумывать незнание фехтовальщиков или исправлять их ошибки, потому что позже у него не было недостатка в том, что ему нужно было внедрить в работу вещь, столь сложную для понимания, и недоверчивую для ума. Он хотел, чтобы Бог таким образом создал демонстрации, чтобы увидеть в них страшных людей, судимые волшебниками. Другие были очень благодарны Эпитетосу и очень рады, что одна из вещей, на которую они обращали внимание, заключалась в том, чтобы вырвать с корнем и удалить дестрезу из пользования вульгарных фехтовальщиков. По определенной причине я вернул ее на прежнее место вне этих тщеславных софистов, которых вы видели в предыдущем диалоге, потому что, держа дестрезу на таком высоком месте, остается мало тех, кто может дотянуться, относиться к ней с большим уважением, чем раньше. Я даю вам знать, что я настолько недоверчив, что не только не верю в то, что разумно и обоснованно, но и в математические доказательства, как сейчас. Я никогда не использую воображение, чтобы увидеть это, потому что, принимая во внимание и то и другое, вы обнаружите, что истинная дестреза лишена предрассудков и далека от обстоятельств, которые есть в дестрезе вульгарных фехтовальщиков, состоящие из теории и практики, практика испорчена. Вы уже хорошо знаете, что теория является причиной и основанием для желаемого результата, эффекта, который создается уловкой, потому что там, где есть эффект, этому должна предшествовать причина и основание. Фехтовальщики не являются рассудительными людьми, не удивляйтесь тому, что они не кладут дестрезу в основании того, что у них есть. Уловка – это не что иное, как мысль и идея года, претворяемая в жизнь посредством демонстраций, где человек был более осторожным с

лучшими мыслями. Это правда, что он будет делать лучшие уловки и более совершенные, а у тех, у кого плохие мысли, они никогда не повышали уровень своего понимания, как поднимая палец в небо, а будут делать уловки, такие же плохие.

Говорит Эудемио. Я был причиной всего, что учитель сказал, что я хочу найти способ, в котором он начал отдавать и получать от этого (по моему мнению) большое преимущество для практики, которая у меня есть из работы с оружием. И вы, Полемарко и Мелисо, хотя и стоите впереди всех профессий, будете очень рады этому, по этой причине Филандро, хотя сначала Чарилао, а затем и вы прокомментировали, чтобы изложить какую-то часть того, что вы знаете. И вы предупредили нас, насколько плоха дестреза, которая обычно использует тот факт, что мы все уже обмануты. Своими демонстрациями вы даете понять, что, если они как-то обнаружат ошибку, что является причиной этого пренебрежения противника, мы уже знаем, как далеко находимся от этой причины, и что фехтовальщики исповедуют истину, открывая всем своим друзьям верный путь истинной дестрезы, на котором я уже не такой невежественный, как был раньше, как другие, которые думают, что знают многое, что я не настолько прав, как это необходимо. И по вашей вине я хотел, чтобы вы несколько раз пообещали мне рассказать некоторые подробности того, что вы достали из черновиков Чарилао. И я хочу, чтобы вы знали, что я не спрашивал об этом никого другого, кроме вас, потому что я понимаю вашу свободу и немного высокомерия; что вы скажете нам правду, заключённую в теории, не желая обманывать нас, как это делали вульгарные фехтовальщики на практике, и объясните мне путь, который я хочу знать. Почему они ни разу не учили этому, сообразно разуму, так что благоразумные и очень умные мужчины любят дестрезу, даже если они использовали оружие так, как они свободно судили невежественных, и это согласно зависти в ваших закутках, где даже там в страхе от того, что неправда не показывает себя, что она имеет большой вход в них, и поэтому вы хвастаетесь этой доктриной. И все мы находимся со странным желанием достичь чего-то из этого, а они обязаны нам сказать путь, который мы должны принять, чтобы понять, что такое дестреза, или вы хотите выполнить обязательства, где разговариваете с главным человеком.

Говорит Филандро. В крайнем случае я неохотно слышу от вас недовольство тем, что у вас всех есть то, чего нет у других, и Эудемио полагает, что они знают гораздо больше Полемарко и Мелисо, без исследования того, что те, кто разочарованы в дестрезе с тем, что они используют, - знали, насколько она плоха. Вы все еще не начали понимать, какая дестреза пригодная, и потому, что вы достигли большого прогресса в этом, будет хорошо, если мы перейдем к основным вещам. Я не буду обсуждать то, что вы просите, с основами и неясностью, которые предлагает нам нынешняя трудность. Больше держа внимание на Полемарко и Мелисо, которые категоричны в

своих исследованиях, им не хватает принципов в дестрезе. Я буду говорить более четко, чтобы они могли с приложенными усилиями понять, что они используют. Эудемио, вы также расскажете нам о пути, где вы попадаете в цель или выполняете неправильные уловки, когда человек знает демонстрацию, которую очень хочет знать, что является самым особым из этой новой Дисциплины.

Говорит Филандро. Я говорю вам, Эудемио, что, вульгарный простолюдин является отличным другом перемен и всего нового, который изначально был без мастерства, хотя позже вы увидите, что это не выгодно, потому что, поскольку дестреза пригодна, она требует благоразумных действий, а если она плоха, то они проявляют высокомерие и неповиновение со словами большой сенсации и новостей, чтобы дать невежественному простолюдину понять что-то еще о том, что есть, и, чтобы лучше понять это, вы знаете, что вы не можете нанести рану без меча, хотя эти трусы наносят ее невидимо без меча, потому что он закаленный таким же образом, как и кольцо, найденное Гигасом. Держа его в руке, можно видеть и прятать вещи, когда захочется, согласно Платону. И вы также знаете, что рана наносится длинным движением, потому что нет движения в одно мгновение, если только не во многих его частях. Теперь это движение, или то, что делает рука и меч или противник касается своим мечом моего меча, - это движение является случайным и странным. Из этих движений тела, руки и меча происходят те, которые обычно называют уловками, и они приводят к ранам, которые являются последствиями, и совершаются и выполняются при помощи тела, что является основной причиной. Потом из этого тела исходят все эти уловки со сдержанностью линий, о которых я говорил выше. Многое другое можно увидеть в книгах по этой науке. Не всегда движение происходит в одной манере, потому что, когда материя одна, а движущая сила другая – есть необходимость в знании, что будет результатом, будет ли это результатом собственных сил. Если материя будет разной, то и то, что будет создано, посредством этой материи, тоже будет разным, но когда материя одна, как дестреза, в таком случае то, что порождается, может быть разнообразным не со своей стороны, а за счет разнообразия движущей силы, поэтому, если движение может быть настолько различным, как мы видим, не зная теории, мы не можем узнать какие уловки, какой характер линий, которые содержатся в этих уловках. Из этого ясно следует, что тот, кто не знает, что такое движение тела, где каждое из движений заканчивается, - тот не сможет узнать природу каждой линии и не поймет эффект, который он может оказать на противника с уловками и линиями. Несмотря на то, что на ощупь и преднамеренно там, где происходят эти события так делают все, кого учат. И не без причины мы скажем, что те, кто не испытывают в этом недостатка, не знают оружие, так как никто не должен был знать об этом. Поэтому очевидно, что никто не является фехтовальщиком,

а только называются таковыми, что правдой не является, и можно сказать, что они незаконно присвоили это, потому что их нельзя назвать фехтовальщиками, а только игроками руками и ногами.
Говорит Эудемио. Хоть они и много используют одни вещи, – знают об этом они очень мало, не догадываясь о своих уловках, даже если они находится со своими учениками. Все потому, что ученики пробуют делать эти уловки за них, ибо иначе они бы мало наносили удары.
Говорит Филандро. Как вы хотите, чтобы они исправляли то, чего не знают, хотя они всегда стараются, потому что не знают, насколько далеко находится тело противника от вашего меча, ни ваше тело от его меча в соответствии с различными контурами и углами позиций других, потому что вы хорошо знаете, что неопределенность вещи заставляет вас бояться совершить эту вещь, и, как утверждает Вегесио, в опасности никто не боится делать то, в чем он уверен, что знает хорошо, потому что тот, кто должен победить, не должен сражаться ни силой, ни преднамеренно искусством, и поэтому хорошей дестрезы не бывает.
Говорит Эудемио. Хорошо то, что вы говорите, и очень хорошо кажется, что вы атакованы авторитетом серьезных людей, но как вы это узнаете?
Говорит Филандро. Я скажу вам, давая вам правила с безошибочными демонстрациями, чтобы вы знали тела, их контуры, положения, заключенные в четырехугольник, что теперь вы не можете полностью понять, пока не получите больше знаний об этих терминах, и вы будете знать по степеням, сколько из них имеет ближайший контур тела, находясь в позиции боковой линии четырехугольника и сколько отдалены от тела и сомнительны. В соответствии с изменением контуров тела вы узнаете, являются ли они окружностью, и согласно пристрастию, которое приносит линию противника, которая известна по фигуре движения, вы можете применить характер своей линии. Чтобы сойтись в гармонии, действуйте согласованно или отклонитесь, или приведите тело в соответствии со шкалой, которую приносит окружность, или поймите, куда нужно направить меч в конце.
Говорит Полемарко. Очень хорошо, я понимаю всё, что вы говорите, но у меня очень большое сомнение и неуверенность и это изводит меня, я злюсь, когда быстро смотрю на все эти особенности, о которых раньше говорил Чарилао, и о тех, о которых вы говорите заново. Посмотрите, что жизнь идет в точку промедления или ошибки.
Говорит Филандро. Я легко удовлетворю ваше любопытство. Знайте, что понимание уловок должно напоминать Совет в трудных вещах, которые принимаются в определенном промежутке времени и выполняются быстро. И потому, что это так же легко, как вы просите, вы спрашиваете, будете ли вы, когда говорите, говорить по слогам?
Говорит Полемарко. Нет, за исключением того, что слоги создаются быстро и легко образуют слова, и я буду их соединять, из букв слоги,

из слогов слова в форме предложений, не останавливаясь, чтобы не прекратить это делать, чтобы фехтовальщик объединял слоги для создания слов и предложений, потому что, как мне говорили, звук, который каждая буква издает вместе с другой, легко превращается в сочетание слов, и отсюда я понимаю, когда мне говорили какое это движение и природа качества каждой линии в пространстве, когда приходит спешка, когда я упражняюсь. Это нельзя забыть, потому что из-за тех вещей мы помним намного быстрее чья причина, мы знаем и все больше это используем, хотя те, кто обеспокоен осуществлением уловок, винят во всем дестрезу и изымают у фехтовальщика чувство своей трусости.

Говорит Филандро. Уже установлено, что дух человека – это душа уловки, и теория понимания движений согласуется с привязанностью духа.

Говорит Мелисо. Вы так говорите потому что, когда мне говорят о ценности вещей и качестве фигур в геометрии или живописи в соответствии со способами, которые есть у зрения, я знаю и понимаю согласно правилам перспективы уменьшения и увеличения каждого из них. Я даже использую чтение с помощью визуальных лучей, чтобы соединить в часть пространство вещей, произнося слова и изучая всю концепцию в точке, что, если я проигнорировал некоторые из них, для всех было необходимо ограниченное время, поэтому, если бы они сказали мне, что, если тело находится в таком профиле, а меч в положении под углом, – это свидетельствовало бы мне о том, что лицо находится под углом в меньше градусов и пространстве где расположена грудь. Я буду знать, не останавливаясь, что нужно измерить его, чтобы направить свой меч на расстояние в меньше градусов с движением, содержащее меньше частей, чем движение противника. И в какой-то момент я нанесу ему удар. Если это то, что вы говорили, я хорошо понимаю решение Полемарко сомневаться.

Говорит Филандро. Поскольку не будет необходимости останавливать вас, чтобы учитывать и рассказывать про пространство как есть, зная, что их четыреста, посчитав их один за другим, всегда четыре раза по сто. Здесь это переходит в привычку по происхождению, особенно если уловки, которыми нас обучают, будут равны привязанности вашего духа, потому что немного сложно делать то, что мы делаем, когда это идет вразрез с природой нашего духа и против силы нашей склонности. По этому поводу в науке об оружии есть глава об уловках, которые дают власть, но мы теряем свою свободу, делая то же самое, но другим способом. Поэтому то, что касается дестрезы, во многих случаях является ошибкой, а в некоторых поправкой. И это действительно большая досада, что то, что кто-то знает не является хорошим, а, если это хорошее, то они не знают, как это применить, ставя ошибку плохого фехтовальщика в опасность. Этого заслуживают большинство фехтовальщиков, которые на самом деле такие же. И я вынужден видеть, что вы подвержены размышлениям, потому что есть такие упрямые и потерянные люди, что, если

они обманывают себя ложью, они не хотят выйти из заблуждения посредством правды. И вы поймете, что лучше не знать, чем знать плохое, потому что с трудом стирается то, что было написано в этой таблице в юные нежные годы, когда понимание покрывается пеплом невежества, пока опыт многих дней не докажет его доброту, не сдует пыль и не откроет его.

Говорит Полемарко. Я считаю, что это очень хорошо, и все благоразумные и находчивые знают, что наука не теряется ни из-за этого, ни потому, что некоторые используют плохое из этой науки.

Говорит Филандро. Не теряйте мастерство из-за неправильного использования, потому что это похоже на камень, который в любой оправе имеет свою ценность, поэтому он чист в любой части, куда бы его не поместили. Мастерство не создается с трусами в другой форме, кроме как с растениями, которые затем становятся сильнее. И больше будет свидетельств об их способностях, когда они посажены в плодородной и густой почве, которые приносят больше и лучше плодов, чем если бы они были посажены в стерильной и песчаной почве, потому что, наконец, дестреза сделана как наука, и в ней есть всё, что помогает быть тем, о ком мы говорили вначале. И кто сегодня совершает много ошибок, будут виновны, но наука их простит, когда фехтовальщик сильный для выполнения своих деяний и истинного знания предмета.

Говорит Эудемио. Мы подвергаемся многим сомнениям, когда мало знаем о каких-то вещах, в основном, когда нет новостей о какой-то дисциплине, так что не удивляйтесь и не раздражайтесь досадой, которая постигнет вас, желая удовлетворить мое желание того, что у вас есть, и тех, кому вы заново даете предмет, чтобы узнать, под влиянием чего научные вещи буду хорошо внедрены в дестрезу.

Говорит Полемарко. Под влиянием математики, потому что она использует демонстрации.

Говорит Эудемио. Я тоже так думаю, но то, что я стремлюсь узнать, должно быть под влиянием того, во что я буду это вкладывать, это справедливое дело, которому дается свое место, как было дано другим наукам, где требуются специальные знания, потому что если она создает людей более квалифицированных, то будет не справедливо, чтобы это закончилось. И даже если бы можно было дать лучшее из всего, то не было бы презрением защищать это и принимать в соответствии со своим величием и достоинством.

Говорит Полемарко. То, что я обнаружил, это что дестреза использует числа и шкалу дистанций, чтобы знать степени, которые существуют между одной частью и другой, откуда приходит знание о ритме для сопоставления одних движений с другими посредством чисел, а также по степеням окружности и прямых линий, что и делает человек, упражняясь в знании профилей тела, когда мы считаем, что он вставлен в квадрат, который соответствует числу. Вещи настолько существенные, что мне кажется в соответствии с той большой частью, которая есть в науки об оружии, что мастерство

может подчиниться арифметике.
Говорит Филандро. Это правда, что со стороны разделения движений, которое составляет постановку задачи, мы наносим на них деления, что уместно при дискретных числах, вы не видите, что дестреза использует больше, чем просто бесконечное множество, где можно знать углы и линии, которые заканчивают большое или маленькое пространство между одной и другой ногами того же человека, а также между ногой противника и моей ногой. Они также измеряют расстояние между моим мечом и мечом противника, а также между частями его тела и моего, приближенных или отдаленных друг от друга и в пространстве между положением руки и профилем тела для совершенствования использования углов и знания величин движений, где с самой справедливой причиной мастерство может подчиниться геометрии, которая затрагивает все особенности: точку, линию, поверхность, тело, угол, треугольник, четырехугольник, круг, центр и пропорции.
Говорит Эудемио. Я хорошо понимаю, что дестреза имеет дело с непрерывным количеством, и я также вижу, что фехтовальщики придерживаются линий и прямых и тупых углов, чтобы сделать демонстрацию правдоподобной, но как можно всем воспользоваться, если фехтовальщик не знает, на каком месте тела противника стоит обратить внимание, чтобы в соответствии с общим движением мечей можно было легко прийти к пониманию, а также применить соответствующую защиту или атаку? Где я убедил себя, что мастерство может разумно подчиниться перспективе, потому что именно оно учит месту, где должны размещаться визуальные линии в дестрезе, в которых разновидности предметов попадают в поле зрения без помощи того, что невозможно воспроизвести какую-то вещь в этой науке.
Говорит Полемарко. Если вы хотите рассмотреть где мастерство связано с силой и слабостью руки, где у каждого контура, у каждой линии есть свои концы или цели, и при знании мышц, мускулов или сухожилий, с помощью которых ноги и руки человеческого тела разгибаются и сгибаются, посредством которых осуществляется добровольное движение - знайте, что без этого невозможно нанести рану более выгодную с точки зрения мастерства, чтобы подчиниться анатомии, которая является частью медицины.

Говорит Филандро. Из того, что вы оба сказали, я должен снова проделать это правдоподобно, если смогу вообразить, потому что, если будет установлено, что знание силы или слабости тела составляет большую часть при нанесении ран, - я не знаю, откуда понимание приобретает науку об этом, только если не из-за новостей о том, что чувства дают ему силу и слабость, которые приносят движения, всегда соответствующие центру, который у них был при формировании, с которым человек знает, в какую сторону он должен перемещать тело, ноги, меч или всё вместе, чтобы одни движения

гармонировали с другими и сохраняли количество без смешивания, чтобы на одни движения не отводилось больше времени, чем на другие, потому что, когда это будет противоположного характера, ритм будет уничтожен и не придет в точку гармонии, что может существовать между ними, потому что, поскольку созвучие состоит из разных точек, целесообразно знать диапазон относительно двойной пропорции и квинту относительно полтора, так что ни больше, ни меньше дестреза создает свою доктрину теми же согласованными движениями: углы, треугольники и круги, всё, чему учат и музыка и астрономия, в которых мастерство имеет свою часть, которую вы видите подчиненной одной из них.

Говорит Полемарко. Я понял все, что вы сказали, не показывая всего этого в избытке, потому что я знаю, что причина касается дестрезы во многих частях, но то, что мне кажется касается всей науки об оружии, – это использование дестрезы при дыхании и сохранении дыхания, а также при лечении, что подходит к действиям духов и знанию их по цвету, и физиогномике для субальтернативного разума, мастерству в медицине, которых именно эти вещи касаются. И потому, мы все говорили, чтобы он оказался без заключения или полного удовлетворения, и обоснование этого возложили на Мелисо. Я хотел, чтобы тот, кто больше времени пытался заниматься философией, пока мы говорили, нуждался в том, что касается субальтернативности дестрезы. Для этого Мелисо расскажет нам, кто из всех дал ей место, более подходящее для ее сущности?

Говорит Мелисо. Это не причина, почему вы принимаете меня за высокомерного, что создает вашу лесть, потому что каждый из них также высказал свое мнение и наконец достиг совершенства. Он вполне может не определиться с делом, больше потому, что он должен закончить то, что начал, и время дает нам то, о чем мы сегодня просили, и каждый из них воплотил в жизнь свое мнение. Я хочу также и свое мнение воплотить в жизнь, чтобы не давать учение, а, чтобы каждый мог выбрать самое удачное и своевременное для него. Для чего целесообразно знать, что науки, которые имеют дело с количеством и величинами, – греки называют математиками, произошедшими от одного корня, где одно подчиняется другому, а они сестры – как добродетели, потому что эта наука будет подчиняться другому, которое содержит предмет обоих. Тогда давайте осознаем их, и начнем с арифметики. Мы обнаружим, что она касается совершенства числа и его пропорций, и это имеет такое превосходство, что пифагорейцы клялись на число четыре, потому что они не нашли среди чисел более совершенного, что мы знаем исходя из четырех элементов, четырех качеств вещей, четырех краев света вместе с четырьмя временами года, а также в честь того, что Пифагор был первым кто превратил это обратно в науку. Можно много раз было видеть, что он рассматривает только причины в стороне от материи. И то, что имеет дело со множеством, они называли некоторыми старыми науками, но вы должны понимать,

что самая главная из них это математика, потому что она является самой простой и полной, и даже более абстрактной из всех. В подтверждение этого Аристотель говорит, что эта наука более точная, которой мы должны отвести больше места, что использует более определенные принципы, такие как арифметика (как говорит Боэций) по сравнению с другими математиками, из которых они взяли самое ценное, потому что музыка использует такие термины, которые в естественных знаниях дополняются к арифметическим, то есть лад относительно полуторной пропорции и диапазон относительно удвоения. Хотя музыканты прекрасно практикуют использование этих терминов, чтобы легко понять, они изобрели некоторые слова, которыми обозначают моменты в песни, и поднимая и опуская их они создают созвучия с голосами, что в музыкальной теории называется диапазоном. Музыкант-практик называет это октавой, а музыканты теоретики называют это квинтой и квартой, и в других науках точно так же, например, геометрия, которая имеет дело с непрерывной величиной и пропорцией, свойствами фигур. Давайте перестанем рассматривать ее с абстрактными и явными причинами, исследуйте с движением количество вещей, потому что вы видите термины, которые есть в арифметике, где вы обнаружите, что точка стоит над единицей, а треугольник над трехзначным числом. Следовательно, для этих причин доказано, что арифметика является первой над геометрией, с большим основанием она будет предшествовать перспективе, которая использует цвет и свет через видимые лучи, которые созывают и привлекают вещи в поле зрения. И это соображение с таким же качеством будет предшествовать астрономии, которая касается измерения небес, звезд и их движений, которые, имея дело с величиной движения и применения арифметики с геометрией для такого знания, – подчинены геометрии с сопровождением, которое создает с ней перспектива и астрономия, и предмет, который приписывается арифметике, – это число или группа чисел, потому что число есть не что иное, как собрание многих единиц, более сильных, чем единица, которая всегда сопровождается числом, хотя это не число, а принцип. Точка сопровождается до величины, которая видна, поскольку она является крайней физической линией, и качество линии также видно, как только она является крайней поверхностью, а толщина поверхности видна до тех пор, пока она не является концом тела, но понимая это математически, – ни одна из линий не может быть создана из точек, ни поверхности линий, ни тела поверхностей, поскольку точки неделимы, а линия имеет длину, а не ширину или глубину, и поверхности имеют длину и ширину, а не глубину, но тело имеет длину, ширину и глубину, от чего геометрия следует за арифметикой, подобно тому, как риторика следует за диалектикой по двум причинам: первая, потому что арифметика использует более простые и правильные вещи, нежели геометрия, и поэтому она первая и более верная. Вторая причина состоит в том,

что многие положения чисел в арифметике потом адаптируются к размерам в геометрии и проверяют их эффекты, для чего Эвклид переплетает арифметику с геометрией, которая разделена на теорию и практику. Теория рассматривает величину, а практика касается мер телесных вещей с искусством и инструментами, что мы подробно рассмотрим в книгах о практике дестрезы.

Говорит Эудемио. Какая наука из всех, что вы назвали, более способна к абстрактному мышлению?

Говорит Мелисо. Есть три типа таких наук, которые всегда оставляют в теологии, это математика, физика и метафизика, которые я не буду конкретизировать, сказав, что целесообразность и польза математик и дестрезы в том, что они естественные науки, на этом и кончаются мои намерения. Истина состоит в том, что им известны свойства вещей, способных к делению, и для этого они все касаются дестрезы, но естествознание рассматривает движение и изменение естественных вещей, а метафизика имеет дело не только с причинами естественных, но и сверхъестественных вещей, и выводит на чистую воду сущность и степени, каждые из которых обладают совершенством. Вы уже знаете, что математическая философия делится на две части; также количество, которое является предметом данной науки, делится на дискретную величину, непрерывное увеличение которой конечно, и на бесконечное уменьшение, потому что она может дать физическую линию настолько большой, что нет другой большей линии. И она не может дать маленькую линию, чтобы при делении не получить еще меньше линию, которая является противоположной дискретной величине, потому что можно дать большое количество, которое нельзя еще больше удвоить. Увеличение пропорции – это количество, которое соответствует числу и множеству, которое использует Арифметика, подчиняя себе музыку, в которой рассматриваются числа и звучность, не обязательно все вместе с голосом и звуком, где в результате согласие и гармония являются естественными вещами, как мы скажем в дальнейшем. Но геометрия, потому что она имеет дело с непрерывным количеством, обладает большим количеством наук под своим покровительством. Целесообразно знать перспективу, которая рассматривает линии, но не математические, а визуальные, и астрономию, которая рассматривает сферу, круги, линии и углы вместе с небесной материей, которые имеют некую среду между естественной философией и математикой, как говорит философ. И отсюда вы поймете, что, хотя музыка – это исключительно математика, она подчиняется философии той частью, которая имеет дело со слухом (и, как говорит Аристотель), в той манере, как и перспектива в отношении зрения является подчиненной физике, хотя обе имеют дело с естественными вещами и математическими воображениями. По той же причине мы подчиняем перспективу геометрии, потому что она использует точки, линии и поверхности, лучи света и виды цвета. С таким же успехом музыка подчиняется арифметике, потому что имеет

дело с причиной чисел, не иначе, если бы это были единые голоса и числа четные и нечетные. Поэтому мы заключаем, что чистая математика – это арифметика, а музыка состоит из естествознания и арифметики, потому что учит звуку созвучия и голосу, который является объектом слуха. Таким же образом она рассматривает философа, который имеет дело с непрерывным количеством, где по поверхностям линий и телу можно понять, что геометрия – это чисто математика, а перспектива и астрономия, отмеченные местом и временем, – это смешанная математика непрерывного количества, но вы должны понимать, что так, как музыка допускает правила чисел и пропорций арифметики, так и естественная наука допускает звук и голос, которые являются объектами слуха. Правда это не является собственностью музыканта, чтобы оспаривать, что такое звук, или если голоса являются постоянными или последовательными, или если это вещество воздуха или качество, или что-то еще, что вызывает в воздухе разрушение твердых тел, потому что это затрагивает естествознание. Фехтовальщику не выгодно спорить, будет ли это проникающей раной или нет, я хочу оставить в стороне изменения, которые есть у философов о преодолении этого для того, чтобы довести до совершенства, чтобы я это сделал с тем, с чем мы имеем дело. Этого достаточно, чтобы вы поняли, что, проходя геометрию, измерение величин на небесах создает другую науку, которую они называют астрономией, с которой соединяется астрология, которая является указателем, и, сжимая величины геометрии силой взгляда, создается перспектива, но когда цифра из арифметики передается в гармонию – создается другая наука, которую они называют музыкой и то, что поспешно вытекает из всего сказанного состоит в том, что две из них являются универсальными и простыми науками, не рассматривая ни одного естественного вопроса, а пять – составленными и специальными, потому что они вытекают из общности других, и с тем же порядком и повторением каждая из них выполняет свою часть дестрезы, но не во всем. Так что, если дестреза должна была быть подчинена, то она должна была быть подчинена арифметике или геометрии, к которым подчиняется музыка, перспектива, астрономия, космография.

Говорит Полемарко. Хорошо, что вы объяснили союз и братство, которые науки имеют друг с другом. Здесь я пришел к пониманию причины, которая была у философа, когда он сказал, что видел цепь, свисающую с неба, которая достигала земли, чтобы обозначить то, на что вы указывали, но вы знаете, что математики обнажают формы, фигуры и числа материи, которые не допускают фальши, потому что они не составляют утверждения и не разделяют, а отрицают, потому что считают вещи простыми, а не объединенными, и у них есть эта привилегия больше, чем в других науках, которые заявляют в них о своих попытках с более верными демонстрациями. По этой причине древние, руководствуясь этим методом, называли их науками определенными и истинными и, если в человеческих вещах была какая-

то правда, то она была в математике, потому что их учение очень точное, (и, как говорит Симплисио), они как путь, который более правильный, чем наука нравственная и естественная. Как говорит Платон, с умозрительными построениями создаются мастерство, проницательность, характер и непринужденность для всех деяний, потому свойство его объекта понимается как способное быть доказанным различными формальными причинами, как это видно в первой из шести книг Эвклида о геометрических элементах, откуда рождается основание, где астрологи проверяют свои исчисления, более обильно обнаруженные в Альмагесте, и вы увидите его уважение и важность титула, который был в школе Платона, где говорилось, что никто не должен игнорировать математику. Это является причиной, по которой мне кажется, что моя самая подходящая вещь подчиняет мастерство любой математике, какой-либо из других наук.

Говорит Мелисо. Я не отрицал, что дестреза не участвует во всех этих науках, как вы очень хорошо поняли вначале, но поспешно, если вы считаете это с учетом того, что целесообразно. Умение приходит, чтобы подчиниться естественной философии.

Говорит Полемарко. Конечно, я не могу ни понять это, ни убедить себя в том, что видел многое, что есть в математиках. Потому, дайте мне полностью причину, каждая из которых выполняет свою роль в том, что можно делать в дестрезе, о чем мы уже рассуждали.

Говорит Мелисо. Подчините это физике, потому что ее объектом является всё, что движется, и всё, что имеет значение, потому что оно движимое.

Говорит Филандро. Что не хватает другим наукам, чтобы они не использовали естественные вещи? Может быть они искусственные? Или вы говорите это потому, что в них больше истины с притворностью ума, чем с природой понимания, что является ложным.

Успокойте гнев Филандро, услышьте мой разум, и вы найдете то, что у меня есть, потому что я знаю, что это называется естественной философией, потому что она имеет дело с вещами, каждая из которых имеет природу, являющейся принципом движения и неподвижности, а искусство имеет дело только с искусственными вещами, мастерство имеет дело с движущимся телом, в котором оно рассматривает природу движения и неподвижности. По этой причине мы подчиняем дестрезу естественной философии, которая должна соответствовать как предметам, так и тем, кто является предметом обоих, и почему вы не можете причинить вред противнику, помимо того, что это связано с движением тела и с мечом, без чего не достичь какого-либо эффекта пропорции дестрезы, даже если фехтовальщик имеет истинное знание дистанций, чисел, центров, удаленных от центра созвучий, линий, углов и других сказанных вещей. Не для этого будет достигнуто то, к чему он стремится в дестрезе, или он будет причинять душевную боль, ранить, и потому, что есть движение, порожденное частями, и по этой причине надлежащее

место подчинения дестерзы – это естественная философия, более совершенная, чем любая математика, согласно которой мы проверяли это в первом диалоге, когда спорили об объектах науки.
Говорит Эудемио. Кстати, я доволен причинами, которые вы назвали, чтобы дать место мастерству, которое оно заслуживает среди наук. Теперь мне остается узнать, как состоялось время с величиной, и движение со временем.
Говорит Мелисо. Знайте, что существует определенное сходство между количеством, движением и временем, и таким же образом, как время достигает движения, так и движение применяется к величине. И что такое точка в величине? Это момент во времени и импульс в движении, и если вы рассматриваете количество на прямой линии, вы найдете два момента, которые служат в качестве терминов, один из которых является только началом, а другой – только концом, в котором количество рождается и заканчивается, поэтому вы также найдете два импульса или части в движении, один – это откуда рождается движение, и второй, в котором оно заканчивается, потому что начало – это только начало этого движения, а конец – только конец, но время обязательно сопровождается движением, потому что это его правило, в природе которого, если вы созерцаете ее в частности, вы увидите в ней два момента (как мы говорили). Один является началом того времени, другой – концом, но, если в линии меча рассматриваются точки величины, импульс движения и моменты времени, середина которых упирается между началом и концом. Вы обнаружите, что каждое из них имеет сомнительную природу. Но удалите это сомнение и колебание, с которыми вы знаете, что родственник начала – это конец, и родственник конца – это начало, и поэтому там, где заканчивается количество, вместе с ним заканчивается движение в материи, с которой мы имеет дело, и поскольку заканчивается количество, которому принадлежит принцип, который не может служить концом, я говорю о таком конце, который не относится к основной причине принципа, как это видно во многих частях дестрезы, которая не является выгодной и подходящей для всех ее фигур, потому что они выписывают круги, которые являются косыми порезами и обратными ударами, в которых нет определенной точки, что собственный разум может назвать принципом, за исключением того, что меч не находится под углом и не имеет какой-либо точки, которую по правде можно сказать, что это конец, если только мы не попадаем в цель или ошибаемся. По этой причине, когда мы включаем прямые линии противника в круг кинжала, противник никогда не может попасть в цель. Он не поминает где начинается круг, и в какой части он может вынуть и освободить меч от этого непрерывного кругового движения, пока оно не закончится, как вы увидите дальше. И таким образом вы узнаете, что они ни использовали величину, ни закончили движение, время от времени применяя быстроту кругового движения при задержке прямой линии, которая не проходит круговое движение, не найдя прямое.

Фехтовальщик не верен задержке, поэтому наступает без времени и в плохой момент, отчего эта быстрота будет неуместной, а круг будет совершенным.

Говорит Эудемио. Почему вы говорите, что это заканчивает величину, оставляя меч после того, как движения были сделаны с силой, чтобы с той же величиной сделать и другие в разное время, потому что между нами нет времени, не будет его и в мастерстве.

Говорит Мелисо. Более умозрительное это то, что я сказал, что вы сомневаетесь, и, если мне нужно идти, чтобы объявить всё, что предлагается, мы никогда не достигнем нашей цели, оставляя некоторых, чтобы любопытные умы работали и дали понять это самым невежественным.

Говорит Эудемио. Тогда скажите мне, что такое середина меча и его концы, и использование каждого из них. И, если сила в углах больше для внешней фигуры, чем для внутренней (потому что с ней вы приближаетесь ко мне) - оставьте это в чистом виде как есть, и я дам жеманному человеку суровые мнения, как во всех разделах разума, и это даст всё, что удовлетворит мое желание, когда вы скажете мне, кто движет рукой точно в тех частях, которые можно использовать, чтобы взять меч таким образом, чтобы причинить боль и уклониться.

Говорит Филандро. Конечно, вы спрашиваете о вещах в дестрезе более достойные вашей изобретательности, чем ее дисциплины, и ответы чужды фехтовальщикам, но со всем этим они не разочаровывают ваше желание и потому, что это не гасит надежду, которую вы получили от меня, я скажу то, что я понимаю желание – это лучшее, что я могу. Знайте, что при движении в руке двигаются семь мышц, одна из которых тянет руку к груди, когда мы делаем отвод, уклонение по направлению к нашей левой стороне или пропускаем определенный вида порез от тела противника, и угол, который образуют тело и рука. Тогда этот угол острый и это без помощи другой какой-то мышцы, потому что, согласно медикам, она служит трем из трех принципов, которые есть, но когда включаются волокна, которые исходят из подмышки, они тянут руку вверх, делая движение, которое древние называли зарубкой, но когда действуют волокна в районе седьмого и восьмого ребра - они тянут руку вниз, делая движение, которое древние называли расщепляющей зарубкой. И для целей этого вида зарубок сухожилия перемещают руку естественным образом вниз, но когда действуют волокна, которые исходят из области кости на груди, они совершают движение, которое называют на мече средняя зарубка или зарубка наполовину. Существует еще один мускул, который поднимает руку на разные уровни, в соответствии с различными сухожилиями, которые у нее есть, и затем совершаются круговые движения мечем, которые превращаются из зарубки в удар в обратном направлении и из удара в обратном направлении в зарубку, и поэтому, когда задействованы волокна, исходящие из подмышки, они поднимают руку к частичной области шеи, и еще с некоторыми

движениями делается парирование удара, которое древние называют ударом хватом пальцами вверх, состоящее из двух углов: его место почти перед лицом, но когда задействованы те волокна, которые исходят из кончика плеча и подмышки, которые там использовались, они поднимают руку прямо к месту, где мы иногда говорим о том, что мы опускаем ногти вниз, когда волокна сокращаются, которые исходят из позвоночника, лопатки, меча и поднимают руку назад, и ее движение действует, когда поза руки не сфальсифицирована для удобства. Есть еще одна мышца, которая тянет руку к спине, и это движение служит для уклонения при движении меча с ногтями вниз и вверх, как против зарубок, так и против выпадов, опуская меч вниз и применяя его к движениям противника. И этот мускул работает вопреки первому, о котором мы говорили, что он соединяет руку с грудью. Существует также еще одна мышца, которая тянет руку вниз, это движение затем служит в дестрезе положению острого угла или одному из его видов, потому что мужчина хочет, чтобы те же мышцы немного потянули руку назад и было это более или менее в соответствии с самыми высокими или низкими волокнами. Есть еще одна мышца, которая имеет собственное движение, чтобы поднимать руку особенно к спине, и ее движение является частью, из которой рождается естественное движение, после того, как мужчина закончил и увидел, что его действие замедлилось. Но есть еще одна мышца, которая также помогает убрать руку назад, слегка повернув ее вперед, и с использованием этой мышцы в дестрезе делаются трудные вещи, хотя они приятны для зрения. Есть и другая мышца, которая изгибает руку наружу. Наконец, работа всех трех мышц состоит в том, чтобы перемещать руку по кругу, в результате чего вы можете делать окружности, выполненные мечом для совершенствования зарубок и ударов тыльной стороной, но углы, образованные руками, мечами и тела такие, как я скажу, потому что некоторые мышцы делают углы, которые сгибают локоть, а другие, которые разгибают его вправо, не перекручивая руку до какой-либо части и если, когда она что-то хватает. Когда делается угол в локтевом сгибе руки, в итоге есть два угла, один образует рука с телом, а другой - мышцы, которые разгибаются в локте, а потом другой угол, который рука образует мечом. Это соответствует месту, в которое фехтовальщик хочет его поместить, в таком случае меч становится слабым, потому что сила делится на множество углов, хотя они все одного типа, так что многие углы, образованные ногами или суставами руки, или мечом, то это явный признак того, что тело слабое в позиции, которая тогда была.

Говорит Эудемио. Также в дестрезе есть движения, которые делает рука, не двигая только запястьем, как мы видим при работе с двуручным мечом, который использовали древние, просто сгибая руку, откуда и пошло название: как это может быть?

Говорит Филандро. Это может быть очень хорошо, потому что без мышц, которые двигают руку, есть другие, которые перемещают

запястье вверх и вниз, и с помощью четырех мышц рука движется в стороны, потому что растягивая во внутреннюю и внешнюю стороны, которые реагируют на указательный палец (сила которого равна всем четырем пальцам) и ослабляя другие две мышцы, мы двигаем рукой к груди, но, работая над двумя мышцами, которые реагируют на мизинец и ослабляются к верху, мы перемещаем руку наружу, помогая и поддерживая другими пальцами, поворачивая руку вниз, действуя последовательно шаг за шагом, как мышцы глаз.

Говорит Полемарко. Вы с таким большим любопытством характеризуете и выделяете мышцы, которые двигают рукой, и сводятся в локоть, и окружают запястье...... Скажите нам теперь, как рука поддерживается в угловой позе, как мы видели, не падая при этом вниз, совершенствуя все свои положения. Я очень хочу знать какое лучше, чтобы полюбить его, и по какой причине меч свергает больше в одном положении, чем в другом.

Говорит Филандро. Знайте, что, когда действуют вместе волокна сверху и снизу – то они оставляют руку в каком-то положении, и это мы называем позицией, из которой исходит выпад, который является случайным движением, которое стойкое в углу, потому что каждый ребенок тянется к его началу, и они делают позы руки похожими на профили тела, у которых есть их середина и концы, как углы. И лучшая из всех этих позиций - это когда и как появляется рука, потому что в ней нервы более отдохнувшие и действия этих мускулов более точечные, которые являются инструментами добровольного движения. В нем действует больше силы, и поскольку это является серединой (в зависимости от необходимости), легко перейти к крайности. По этим причинам и другим, которые происходят из них, эта позиция более сильная и лучшая, чем положение ногтями вниз или вверх, которые являются концами, среди которых есть преимущество, как у тех, у кого есть достоинства, потому что конец, который рука делает ногтями вверх, не так силен, как положение ногтями вниз, которое является самым благородным из двух, потому что нервы функционируют меньше, чтобы поддерживать силу, и хотя рука не движется (видимо), они работают в мышцах, которые поддерживают ее в этом положении, с более существенным действием, которые проявляются (согласно Галену) таким образом, что мы видим птицу, парящую в воздухе, раскрывая крылья, не двигаясь и не падая, и потому, что из позиции с ногтями вниз можно делать движения по бокам и с меньшим количеством усилия, без того, чтобы рука двигала внутреннюю фигуру, не доводила силу до совершенства лучше, чем противоположную позицию. Потому что, хотя она движется, она не делает своего действия с такой большой свободой и отдыхом, потому что есть исчерпывающая сила (поскольку нет необходимости использовать углы, которые мы делаем при парированиях), которую вы ясно увидите в результате удара, который мы наносим противнику своим мечом, хватом ногтями вверх, чтобы снести руку. Это совершается легко, потому что, поскольку сила была больше вместе с

главным центром меча, меньше силы в центре и больше неистовства, а в положении ногтями вниз, наоборот, в такой позиции мышцы меньше работали над появлением руки, которая там, где самая главная часть силы угла, мышц и сухожилий. И поскольку рука находится в положении ногтями вверх, все основы, которые укрепляют главным образом нервы, являются вынужденными, неловкими, поскольку у руки нет места для свободного движения по бокам, как в других позициях из-за насилия, которое испытывают нервы, и из-за предотвращения действия мышц, которые двигают руку по бокам. В соответствии с этим, любой удар, который они делают мечом, осуществляется через положение руки ногтями вверх. Это помогает и увеличивает его силу и заставляет руку много работать, терять свою силу, чтобы была точность удара в той части, в которой положение руки уже закончило свою силу, и, следовательно, действенность, которая применяет волю с живостью ума к мышцам руки и к другим частям тела. Если приходит еще одна новая команда разума, мышцы не могут полностью подчиняться, потому что ни положение руки не позволяет этому свершиться, ни место и форма. Они сфальсифицированы, чтобы каждый мускул делал движение, которое, привычно, потому что, если поза руки такова, что некоторые мышцы работают вниз, а другие вверх, чтобы поддержать меч, то конечно, те, которые имеет природу двигаться вниз, помогают всем, кто перемещает руку вниз и тем, которые двигают вверх. Они делают это так же потому, что, когда рука подчиняется неким правилам, а сухожилия и мускулы этой части покоятся, – другие работают так, как это видно при разгибании и сгибании руки, что когда какие-то работают, другие отдыхают. И по этой причине, когда рука находится справа и имеет только угол, и растягивает сухожилия к ее началу, так что мышцы, которые растягиваются, как те, которые сжимаются, – рука находится в более сильном положении, и это вы должны понимать, когда это касается угла, а не меча, что лучше, чем в любом из других положений, как вы ясно увидите в соглашениях сгибать руку или нет, в то время как внимание разума имеет точную силу мышц и сухожилий, сопротивляясь тому, что противник крепко кладет сильную руку, не сгибая ее.

Но, когда некоторые мышцы или сухожилия ослабевают, или они ломаются, скручиваясь, или изменяют действие в другом виде движения до такой степени, что вся сила способствует слабости и сжатию руки, пренебрегая ей, нанося вред и раня ударом меча вопреки запястью и неестественному положению руки, из-за невозможности следить за ударами, которые наносит меч в других положениях, где есть свои удары. Они не вызывают трудности или дискомфорта в руке, потому что, поскольку мышцам предлагается совершить их движения, они расширяются и включают в себя движение, которое делает рука, и силу удара противоположного меча. Как вы ясно увидите в бою, если ваш оппонент перевернет вас, прилагая все свои силы, и в точке где останавливается действие силы, вы дадите ему

еще один раунд для той же части, что и его, так как ваша сила соединяется с вашим концом, а противоположное тело остается в крайнем положении и больше не сопротивляется этой части или движению, - вы легко повалите его. И то же самое вы будете делать с быком, если вы едите на лошади с копьем, ожидая, что бык совершает движение, часть лап подняты. Если потом вы вдохнете в копье жизнь со средним импульсом, к лошади тоже придет сила, то в конце вы раните быка, у него нет возможности выдержать в этой части столько случайной силы, поверженный естественной силой. Вы легко повалили его, чего бы не стали делать, если бы бык не двигался и плотно стоял на ногах. Точно так же меч, который мы держим хватом ногтями вверх, не может являться результатом ярости удара противостоящего меча, который стремится, чтобы природа сопротивлялась ему. И сопротивление руки, которое может быть обеспечено насилием, которое несет силу меча, не так велико, называют насилием (хотя движение естественное) из-за эффекта, который оно оказывает на противника, чтобы нервы были сломлены, изнурены с помощью удара, так как они не могут повиноваться новой силе (как мы скажем о дыхании). Человек ослабевает и открывает свою руку, и меч выпадает из нее.

Давайте приступим к обещанной точке и узнаем, что рука в своих положениях имеет середину и концы, как имеют углы, профили тела и положения ног. И то же самое будет найдено в мастерстве коня против коня, хотя трудно обеспечить движения ног лошади движением руки и меча, потому что это происходит много раз, нападая на лошадь, наступая быстрее, чем это необходимо для нанесения раны, которая устранена путем совершения первого движения, если это была травма в виде пореза или зарубки, чтобы второе движение возымело эффект до атаки лошади. Для понимания того, что вы должны знать, - при верховой езде есть три способа поставить меч, очень сильно отличающиеся от тех, которые используют пешие, потому что это два двигателя и одна рана, а парирование должно сохранить обоих. Первая позиция заключается в том, что лошадь без сильного покровного оружия, противник может повредить его, все движения затруднены. Вы должны опустить кончик меча до стремян, это пригодное место, чтобы легко уйти от всех движений противника, поднимая тело на стременах и отводя что-то от поводьев в левую сторону. Вторая позиция заключается в том, чтобы приложить кончик меча на правое ухо лошади. Людовик итальянский очень хорошо пользовался этими предписаниями об уздечках, чтобы понять, что шея лошади вооружена, потому что есть пригодный меч, чтобы противостоять ранам противника и защищать тело человека, отталкивая лошадь в зависимости от случая. Третья позиция заключается в том, что меч пересекает шею лошади, что также является местом, где можно противопоставить правонарушения противника. Все эти позиции имеют свои средства пропорциональности, с помощью которых выполняются трюки Пинеты или Бриды. Так, как и положение

острия, которое заключается в том, как появляется рука, – это средство, а положения ногтей вверх и вниз являются крайностями.
Говорит Полемарко. Удовлетворенные всем, они оставляют нам свои причины, но мы все равно должны объяснить, поскольку мы понимаем силу или слабость углов, и потому что в охвате оружия целесообразно знать плащ, круглый щит, небольшой деревянный щит и кинжал, когда они соединяются с мечом. Это используют фехтовальщики со многими углами и скрывают, что могут, от меча и от пути преимущества, которое одно оружие имеет по отношению к другому, и в каких обстоятельствах есть это преимущество, и какой из всех видов оружия, которые мы обычно используем, более удобен, и с каким из них можно сделать больше, при победе над противником.
Говорит Филандро. Разница между этими оружиями настолько большая, что я затрудняюсь судить о том, что вы спрашиваете, потому что некоторые делают больше, чем другие, в соответствии с рукой, в которой находится оружие, потому что случается, что человек делает больше с простым оружием, чем другие с массивным оружием. И даже один и тот же фехтовальщик делает один раз больше с одним оружием, чем с другим, даже если то, что он делает, одинаково, как будто он атакует врага каким-то оружием с ножнами (как они говорят), и делает больше, чем с простым оружием. Поэтому с большим расчетом мы даем одному мечу первое месте, потому что меч один, без поддержки или помощи других видов оружия, только за счет движений, которые он делает, парирований и ран, но другое оружие действует в соответствии с другим видом оружия, и то, что делает меч становится важным. Как мы видим в применении плаща с мечом, который используется для уклонения, – меч остается с парированием, атакой и ранами, а затем по приказу меч будет следовать за плащом и кинжалом, потому что кинжал отклоняется и служит в некоторых незначительных парированиях мечом в углах, оставляя меч с большим парированием и с некоторыми атаками. Я не делаю ему все раны мечом, потому что иногда кинжал помогает ему ранить и атаковать, и между этими двумя видами оружия проходит половина ран, потому что есть много случаев, когда используется кинжал с мечом, чтобы обмениваться функциями, в соответствии с возможностью, в которой фехтовальщик оказывается со своими позами ног, тела, руки, кинжала и меча. Поэтому мы видим много раз, что меч служит кинжалом и оставляет свое качество, которое случайно берет кинжал, и это преобразование, как правило, очень необходимо в некоторых задачах дестрезы. Когда меч большей величины, чем кинжал, кинжалом наносят удары на ближней дистанции, если только они не будут выполнены с помощью ритма ног. Я не использую концы тела, потому что они не могут служить в этих решающих моментах, снабжающие движением тела и ритмом всё, что они удаляют с длины меча. Затем идут круглый щит и небольшой деревянный щит, которые находятся почти в затруднительном положении, которые убирают меч только уклонением и парированием,

и оставляют только атаку с раной. Так же, как и арифметика является основой всей математики, как доказал Мелисо, меч является одним из видов оружия.
Говорит Эудемио. Что, по вашему мнению, будет иметь больше преимуществ при равном мастерстве: человек, у которого есть меч и кинжал, или тот, у кого есть меч и круглый щит?
Говорит Филандро. В основном мне все отвечали на эти сомнения, что в дестрезе, (что для меня было сложным), если два одинаково квалифицированных мужчины выбирали одни и те же средства и имели свою собственную позицию меча и равный профиль тела, если оба должны были делать один и тот же финт с тем же движением, – что будет результатом этого равенства во всем?
Говорит Мелисо. Хотя вы с трудом напугали нас, – это более понятно, чем страх, который это приносит. Я скажу свое мнение, возможно, как человек, который игнорирует эту дисциплину и по ошибке попаду в цель. Я говорю о том, что в толпе существ не будет двух, которые так похожи друг на друга, что их нельзя было бы отличить. И эта разница проявляется в такой маленькой вещи, как например, лицо, так что очень мало среди стольких тысяч людей есть те, которые имеют одинаковые черты и знаки на лице, и нет н кого, кто похож в чем-то на другого в присутствии или без него, так как я понимаю, что, поскольку у людей такие разные склонности и столько привязанностей духов, и силы у кого-то более живые, чем другие, и проворность и быстрота более точные, и тела высокие и низкие, одни более опытные и подвижные, чем первые, и не может быть другого человека, у которого такой же дух, как и у другого, и такое же намерение, и такой же рост, и соответствующие склонности, и равная сила, Я понимаю, что, изменяясь в любой из этих вещей, хотя оба они производят движение, являются фехтовальщиками и делают одни и те же высказывания, – всегда один начинает в лучшем месте, чем другой, или у него будет более удобный конец, или он будет прикладывать меньше частей к движению. Удача, которая приходит с уловкой — приходит к кому-то легче, для кого-то это занимает больше времени, или кто-то выбрал более подходящие способы, а другой — другие особенности и свойства, которые дольше выполнять, и те, кто лучше понимают — много используют Эвклида, это главным образом, те, кто видел колокол по пятнадцатому утверждению. По этой причине невозможно точно ответить на ваш вопрос, и, если я не натолкнулся на правду среди множества, – мне кажется, что каждый сам по себе является правдой. Оставьте это решение, чтобы фехтовальщики давали другим увидеть, что они очень уверенные, а мой страх заставил меня молчать, так что двигайтесь вперед и следуйте тому, что вы начали с преимуществом оружия.
Говорит Филандро. Я скажу то, что знаю, как человек, который имеет дело со вкусами и цветами, где любовь к каждому из них мало уделяет внимание разуму, чтобы улучшить их. И мы видим, что они любят друг друга или потому, что они лучше с одним оружием,

чем другие с другим, или даже если оружие одинаковое – нет правила для склонностей, которые в людях так различны, как вы знаете. И, конечно же, это еще больше усугубит мое мнение, и я говорю, что у него будет больше преимущества, если он будет стоять во вне с мечом и круглым щитом, а меч и кинжал будет иметь близко, а противнику, если тот сражаеся с мечом и круглым щитом, мы противопоставим двуручный меч, потому что на дальней дистанции против кинжала и меча сопротивляются и препятствуют круглым щитом все круговые удары, оставляя удары шпагой, которые отклоняются чаще всего без какого бы то ни было круга. Я говорю без круга, потому что остановка круглым щитом может предотвратить и отклонить их небольшим движением, и меч может ранить без помех после того, как он предотвратил или отклонил удары. Кинжал не сможет противостоять круговым ударам меча, если они идут по той части, где нельзя сработать мечом, чтобы линия была прямой, и пропустить сферический круглый щит, как из-за отсутствия прикосновения, которые не соответствуют действительности науки, когда она не руководствуется зрением, чтобы не пропустить что-то от того, что делается, а также потому, что отклонения кинжала и раны от меча распределяются по-разному, в разные точки, в отличие от движения другого, а также требуют различного внимания зрения и воли движений и силы. Если она делится на обе руки без пропорций, то она слаба, а если она направлена на противника, то применяется вся ко всей части. Обычно, движения не идут по своему собственному пути, хотя оба упорядочены и подчинены одному и тому же концу, чтобы следовать частям в целом, уравнивая силы, получая первую попытку, но переходя части в разных точках, целесообразно знать, что кинжал отклоняется, а меч – ранит. Начиная оба движения вместе, плохо отклонять много силы, которой противник сопротивляется, и сильную рану, подходящей для казни, и не может восстановить тело в хорошем положении, когда выходит из раны.

Говорит Мелисо. У меня нет твердого основания, которое вы даете касательно круговой части щита, потому что кинжал делает круг каждый раз, и будучи равными, они оба входят в сферическую форму. Не нужно так много силы для уклонения, что оставляет слабость на мече, потому что мало что касается его воли, потому что части меча очень тонкие, где кинжал делает уклонение. Это имеет такой же эффект, как если бы он обладал большой силой.

Говорит Филандро. Они не одинаковые, потому что один из кругов уже сделан, а другой – создается из частей, и как и круглый щит применим только к движениям противника, без создания им заново круга, для того, чтобы иметь введенную сферическую форму в искусственном материале круглого щита. Но кинжал не только применим к кругу, чтобы противостоять движениям противника как круглый щит, но и формирует свое движение часть за частью вместе с применением, и если вдруг намерение было обманным, он сделал это с некоторым обманом со стороны меча противника. Кинжал тратит

время на то, чтобы восстановить утраченное, насильно теряя меч до того, как нанесена рана, потому что, как сказано: внимание силы не может быть во многих частях одновременно, но, если когда-нибудь такое было, все они слабые. Я говорю слабые по отношению к силе, которая есть у некоторой части, если к ней только будет применяться терпение.

Говорит Эудемио. Таким образом, вы будете плохо относиться к тому, что я буду утверждать, что меч и кинжал имеют известное преимущество перед тем, кто с мечом и круглым щитом, потому что оба они представляют два оружия, и оружия эти атакующие. Главным образом, если это кинжал, и если меч с кинжалом захватывает один раз меч противника и делает с ним угол, а на свободной стороне входит, нанося рану мечом, используя такт ног, ничто не будет извлекать пользу днем из круглого щита, потому что, если я пропущу рану от меча, или я буду препятствовать ей, или заставлю противника с круглым щитом ошибиться настолько сильно, что ее больше нельзя использовать для меча, для того, чтобы быть большей величины, чем рука, оставляя кинжал, с помощью которого он сможет причинить вред самому себе, потому что он снабдил мерилом недостаток, который имеет кинжал множества, и круглый щит не может покрыть все тело, ни тем более человек не мог бы довести его до всех частей так быстро, как другой может с кинжалом, что, не перемещая центр, делает круги и уклонения во все стороны только с движением запястья, так много, как и круглый щит делает углы в визуальных линиях и много раз покрывает в парировании визуальный орган и размещается почти рядом с углами, которые делают лучи жизни. И неопределенность, которую несет круглый щит со страхом, заставит его покрыть то, что безопасно и открыть опасное, и из-за этих неудобств тот, у кого отсутствует кинжал – тот меньшей величины и небольшого веса, а также более свободный, и которым меньше препятствовали визуальным лучам для того, чтобы сделать те же движения в воздухе, которые прозрачные.

Говорит Филандро. Хорошо, мне кажется, что вы склоняетесь к мечу и кинжалу, и что, по-видимому, за границей, вы говорите, что вы видели и обнаружили нас по дороге, так как вы любители. Объясняя это с вашей стороны, вы освобождаете меня от этого сомнения. Если тот, у кого есть круглый щит, покрывает длину меча, этого достаточно, чтобы кинжал и рука противника не доходили до него, и после этого он манипулирует круглым щитом против меча противника, иногда стремительно атакуя и раня других, в то время как у кинжала, даже если он находится в хорошем месте, как и движущая сила, нет точности и достоверности, являются ли они атаками, или ранами, которые образует меч противника. Ясная вещь, это что кинжал будет иногда отклоняться снизу, а рана приходить сверху, и при замене, нельзя ранить мечом, потому что, как говорится, ему препятствует круглый щит, а у кинжала нет определенного места большего, чем есть у круглого щита. Круговые

движения, преобразовывая уловки, не имеют парирования дагой, если не использовать ритм и темп, оставляя для противника травму. Это правда, что если мечи обоих находятся в пропорциональном состоянии, и противник с кинжалом знает, как препятствовать принципам движений меча оппонента с тем универсальным кругом, с которым только круглый щит делает свои трюки против меча, имеющие большой эффект и даже больший ущерб для противника со стороны кинжала, о пропорции которого мы будем говорить долго позже, когда мы имеем дело со всеми видами оружия, давая истинные пропорции двуручному мечу и тем, что становится круглым щитом и пикой. И подобно пятидесяти мужчинам с мечами и круглыми щитами они могут сломать сто пик, указывая на каждое оружие среднюю пропорцию, которая больше подходит этому виду оружия, так что движущая сила легко заставит его стремиться к чему-либо. Говорит Эудемио. Я не хочу отвечать на ваше сомнение, потому что у меня есть опыт, что, когда у вас это есть для чего-то большего, приходите, чтобы использовать это. Это большее, что он приносит, то, что вы обещали, и за это я буду рад, что ответ примут во внимание фехтовальщики, которые считаются очень компетентными в этом вопросе, потому что вы говорите мне, что все виды оружия обладают одинаковой пропорцией.

Говорит Филандро. Не все используют один метод, потому что по мере увеличения длины оружия, также расширяется круговое движение, которое совершается, чтобы ранить, и по этой причине лучше, чтобы тело было более сильным для совершения своих действий, чем для маленького оружия, и для той же манеры, когда у всех чувств есть свои средства, благодаря которым они пользуются своими объектами, а некоторые из них находятся во вне как зрение и слух, и другие вместе, как осязание и вкус собственной силы. Все виды оружия, которые есть, имеют свои способы, которыми кинжал свободно пользуется в своих ранах, что равно прикосновению к копью, которое реагирует на зрение, что более важно, чтобы фехтовальщик не терял надежду в дестрезе, не переставал доверять ей, который знает, когда нужна какая-либо потребность, почему он игнорирует среду, которая соответствует оружию, которое он приносит для боя, или защите оружия, которую приносит противник против него, подобно тому, как он будет делать выводы, игнорируя основы другой науки, не имея своих собственных. И поскольку он выбирает оружие по длине, также он выбирает тела по длине, как это будет видно при убийстве быков пикой, что в соответствии с храбростью каждого из них используются те или иные методы. Или мы теперь прикрепим пику на шпагу больших размеров, как делают слух и зрение. Если тот, у которого есть пика знает, как выбрать дистанцию, которая соответствует его движениям, ни в какой части не будет шпаги больших размеров, чтобы противостоять, и, следовательно, если тот, у кого есть шпага больших размеров, знает, как выбрать среду, которая его касается, и никоим образом не ранит противника пикой

с его движениями, поскольку ее конец сильный. Если тот, у кого есть только меч, хорошо знал, как вытаскивать конец длинной шпаги, тогда шпага не возымеет никакого эффекта прежде, чем с помощью движений, которые она совершила, и будет атаковать больше себя, чем противника, потому что тогда дестреза и преимущества известны, когда фехтовальщики умоляют, каждый из которых имеет свои избранные средства. Один только меч не будет эффективен, а тот, у кого кинжал, - это не позволит ему выбирать что-то среднее между ними. Тогда, более целесообразная защита - против меча, которая не ранит против кинжала. А для противника, если тот, у кого меч, знает к счастью, какое средство с кинжалом использовать вместе с тем, что соответствует мечу. В этом случае кинжал не стоит высказываний относительно него, даже если вы хотите воспользоваться концами тела и средними величинами или целыми мерами, которые нельзя использовать в этом случае, поскольку величина меча превышает размеры линии, или он делал движение концами тела. Это целесообразно, когда кинжал имеет свои средства, которые можно выбирать между телом и телом, между кинжалом и мечом, между телом и мечом и между движением и движением, как и у него также есть то, что может навести мир без какого-либо оружия, с теми кругами, которые заставляют руки помещать их под мечи тех, кто ссорится вместе с гарнизонами, пока не закончат описывать круги руками, пропорция которых крайне изумляла, и времена, при которых она ранила в особых случаях.

Говорит Эудемио. Для этого очень важно знать о происхождении и рождении ран, знать характер каждой из них и соответствовать знанию, применяя суждения и высказывания, которые подходят наилучшим образом.

Говорит Филандро. Вы указали на одну очень сложную в дестрезе вещь, как средство пропорции, и очень важно для истинного применения уловок выйти из них, чтобы прийти к окончанию и вывести противника из того, что у него может быть хорошего. И знать, как из кривой линии происходит гибкая и спиральная линия, которая скручивается как ракушка, и то, что влияет на какое-то тело. И из прямой линии выходят параллельные линии, перпендикуляр и диагональ, гипотенуза и диаметр. Таким образом, из-за угловой позиции появляются все виды ран, потому что меч и рука находятся в стойке угла, который или прямой, или острый. Выполняя тупой угол определенным образом, образуется удар шпагой, и из этого самого принципа исходят зарубки и удары наотмашь с небольшим ограничением, что во время зарубки и ударов наотмашь мы не может наносить удары шпагой, хотя они исходят из положения меча, потенциально формируя острый угол.

Говорит Эудемио. Давайте посмотрим, как нанести зарубку и удар обратным хватом с начала и без удара шпагой, потому что причина не превратит зарубки в удары шпагой?

Говорит Филандро. От удара шпагой исходят еще другие раны для

пользы, которую имеет сила в определенной точке, и почему эти движения реализуются с помощью мускулов на руке и идут в место, где остается меч, чтобы вращать тело в разных направлениях, в зависимости от вида раны, которую мы хотели нанести, от которой мы захотели уйти. Конец кругового движения не сформирует удар шпагой, разве что только это движение насильственное, теряет часть своего права, предоставляя мечу самое удобное место для вида раны, которая сформировалась и может очень хорошо нанести другие раны, так как они могут формировать удары длинной шпагой с конца зарубок и ударов наоттмашь, но понимайте это в соответствии с местом, где они будут парировать движения, потому что такой конец можно сделать и отменить в том, с чем мы имеет дело. И отсюда вы поймете, что тот, кто знает, как предотвратить движения ударов шпагой, предотвращает одновременно принципы зарубок и ударов наоттмашь, которые находятся в ближайшей потенциальной возможности сформироваться и ввестись в действие, если какой-либо из принципов, о которых я говорю, не оставлен, чтобы предотвратить это, потому что никто, кто предотвращает принципы и концы круговых движений своими вторыми действиями, не может помешать формированию ударов шпагой из того места, (так как прямая линия, расположенная под углом, имеет тело в удобном профиле) откуда выходят другие круговые линии, и не заменять другие, если только это не через разнообразие концов, которые есть в уловках.
Говорит Филандро. Все концы уловок не едины. Вы говорите, почему некоторые создают эффект, а другие - нет.
Филандро продолжает говорить. Я говорю это потому, что это есть в уловках совершенных и несовершенных, как если бы мы говорили о не насильственных, случайных или естественных. Идеальный конец – это когда совершена уловка по отношению к телу противника, где с самого начала движение направленное и совершает намерение его исполнителя. Таким концом заканчиваются все совершённые уловки. Но несовершенный конец - это когда меч оппонента находится перед ним, чтобы предотвратить и помешать тому, чтобы движение не достигло идеального конца, где оно должно было выполнить намерение мастера, и из этих концов труднее выйти на другие уловки, в случае если фехтовальщик не возьмет на себя это предупреждение в соответствии с разновидностью этой пропорции, поскольку не только это предотвращает, что движение не достигает намеренной цели случайно, которую дает ему меч противника, но сила меняет намерение, уже запрещенная в другой свободной концепции и часто формирует понимание новой пропорции для исправления и выхода из этого препятствия и часто бывает так, что меч не находится в удобном месте для формирования уловки, которая тогда будет полезна, но сейчас она для нервов и мышц руки в положении, которое не может следовать естественному действию, не применяя волю в этом положении, в котором происходит случайный конец мечом

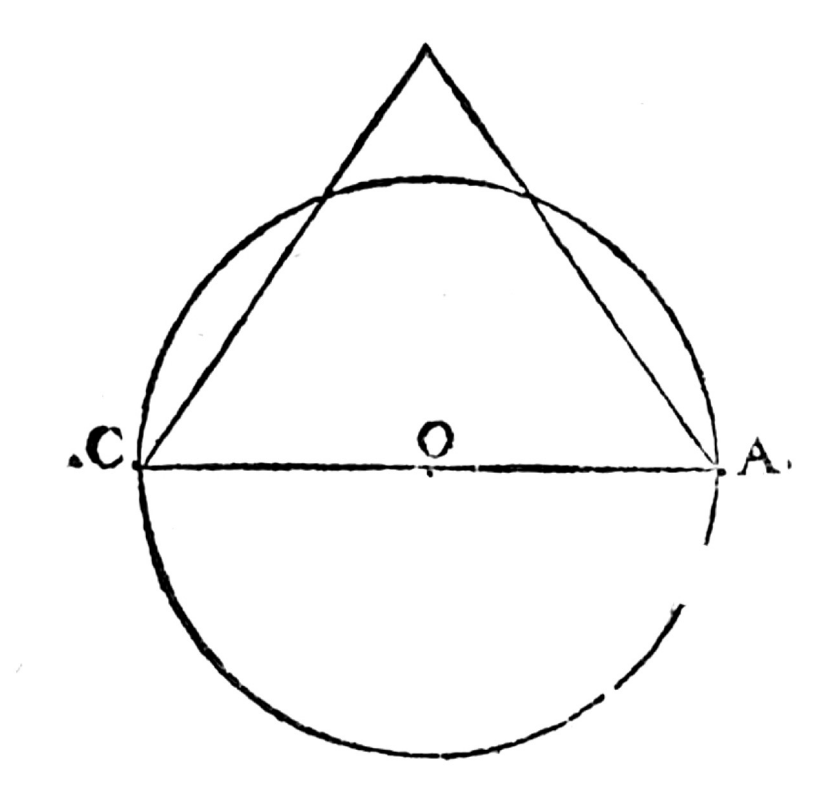
или потому, что меч отделяется от начала, что требует новой попытки. И даже иногда это может быть на своем месте, где нужно было идти с новой уловкой, без того, что она должна была быть пригодной с самого начала, теперь для тела в таком профиле. Меч и рука находятся под таким углом, что требуется больше времени, чтобы переделать его в соответствии с предубеждением, которое нуждается в уловке, которая формируется при формировании тела, впоследствии удаленного по своей пропорции, и силе в ближайшей потенциальной возможности за то, что она настолько проворная и такая трудная в начале этого из-за опасности, которая следует за таким опытом, что с трудом сходится в одном месте с методом, который дали универсальные соотношения науки.

Говорит Полемарко. Хотя Эудемио занимает место, чтобы дать мне лицензию спрашивать обоих, не будучи вынужденным отвечать на что-то, что вы спросите меня, потому что я буду сомневаться только в некоторых вещах, чтобы их узнать. И первое, что я хочу понять, это почему достигает большего тот, кто наносит удары своему противнику, больше опираясь на левую ногу, чем на правую?

Говорит Филандро. Вы спрашиваете, какое положение для двух ног является лучшим, или в каком из них какое положение из них лучше и почему простолюдины говорят, что из положения, о котором я говорю, достигают большего?

Говорит Филандро. Ни одна из этих позиций не является сама по себе хорошей, если она должна служить в качестве начала, потому что это лучше, чем больше возможностей для действий и меньшей слабости в теле. И потому что вы лучше поймете меня в этом положении, это лучшее положение, в котором тело скоро отдохнет. И легко пользоваться всем остальным, предоставляя мне, что это крайнее положение или оно находится вне середины и грешит против пропорции, что явно видно в этих позициях, которые тело делает с левой ногой, и в этой части сила и тело сделали всю свою мощь, потому что это крайняя позиция, ясная для всех, что у тела есть сила, и что у этой части это будет главным образом там, к чему больше будет применяться тело и воля. Тело фиксировано с известными недостатками правой ноги, потому что, если мы попробуем сделать несколько движений телом, чтобы передать силу на правую ногу, если тело помещено на правую ногу, для того, чтобы нога была неподвижной, тогда можно достичь меча противника, и с небольшим знанием причинить ему боль, если хотите, или без необходимости убрать силу с того места, где она находится. Как было сказано по этой части, уже нельзя следовать этому движению, ни сделать ничего нельзя, потому что тело, ноги, руки и меч будут делать разные виды движений, и это правда, они будут сделаны в разное время, так что, когда мы сделаем окружность и через нее проведем диаметр, мы оставим это, когда мечи обоих служат диагональю, и поставим правую ногу в точку, которая начинает формировать линию диаметра, а левую в другую точку, напротив острых углов,

которые ноги и тело делают с геометрическим шагом в центре, потом ногами образует два угла, которые равны другим, как вы увидите в высказывании 32 в первой книге Начала Эвклида, где бы тело не двигало ногами и не отводило их от середины, и достигало крайней точки и любой части этих крайних точек, которые займут фехтовальщики в качестве основной позиции, теряя соединение движения по причине сказанного, что тело не сделает это, находясь в середине, потому что оно довольно ловкое и готовое на все части, которые он хочет переместить, и с этим он доказал пропорцию тела и это будет видно более четко в последующей демонстрации, чтобы вы поняли, что истину невозможно узнать без доказуемой причины, которая уклоняется от понимания и с демонстрацией доводит до сознания смысл.

Середина положения – центр кругу, точка O, две крайние точки соответствуют левой ноге - точка C и правой ноге – точка A. Когда тело перемещается из точки O в точку C, оно не идет сильно, потому что происходит вынужденное движение из центра, и когда тело перемещается из точки O в точку A, оно идет естественно и заканчивает свой путь быстрее из-за качества и характера движения, которое оно делает, но когда есть какая-либо из этих крайностей, чтобы свести к середине, быстрее сводится, если тело идет от точки C до точки O, а не от точки A до точки O. Поэтому, когда тело находится в точке A и нужно использовать точку C, и временами, когда оно это делает, тело сжимается и другого с ним не происходит, если только противник на него опрометчиво не набрасывается. И при

изменении, когда иногда тело перемещается из точки С в точку А и проходит через точку О, это больше чтобы действовать, а не защищаться, так что человек в точке О более готов, чтобы добраться до любой другой точки. И если тело не находится в точке А, оно должно достичь точки С, и наоборот. Это демонстрация для вас, чтобы вы ясно поняли, какая позиция, которой может обладать тело, лучшая, и за то, что вы намеревались сделать, когда противник имеет то же самое средство. Тут достаточно понимать четвертое высказывание из книги Эвклида.
Говорит Полемарко. Я удовлетворен, у меня есть мнение о том, что было сказано, потому что я был без того, кто отрицал демонстрацию. Вы дали ощущение такой твердой истины, которая заставляет поверить в это и стыдиться, что этого не делали, но вульгарные фехтовальщики не знали в конце стольких лет насколько плохо это влияло на эти позиции.
Говорит Филандро. Не всех людей можно этим обмануть, а только тем, чего они не знают, хотя они обрабатывают эту информацию в течение длительного времени, или чье познание не очень очевидно для них, и потому не все мнения, которые есть между фехтовальщиками о сходстве правильные. Иногда бывает, что многие вещи сначала представляют добро, потом, что это плохо и наоборот. Я уже говорил, что тот, кто занимает лучшую позицию, дотягивается до всего и знает, что тот, кто опирается на левую ногу, достигает меньшего, потому что угол, который делает тот, кто на правой ногу - маленький и острый, и с мечом и правой рукой образуют прямой угол на поверхности половины тела на той же стороне, где находится меч. Это можно понять, оставляя одной части обозначение ног, хотя прямой угол занимается не так часто, если какая-то часть тела не растягивается до тупого угла, что неудобно, касательно того, с чем мы имеем дело. Тот, кто делает упор на левую ногу, делает угол в обратном направлении, а рука и меч на одной и той же площади образуют острый угол, потому что, если бы они делали тупой угол, рука бы устала и достигла бы гораздо меньше, потому что в положении наклона, она отделяет линию от ее точки, где мы наносим прямую рану. Итак, все прямые углы о которых мы говорили вначале, делаются с правой ноги, регулируемые тем, что вы делаете. Тот, кто на левой ноге оставляет свой меч на второстепенном плане по отношению к углам, о которых мы говорили, и достигает меньшего, и тот, кто упирается больше на правую ногу, наоборот, это положение главенствует, и он достигнет большего. Это лаконичная демонстрация касается достижений двух крайних положений, оставляя в стороне прошлую демонстрацию, потому что она соответствует пропорции положению тела. Две другие крайние точки делают ноги, одна - когда ноги врозь, делая тупой угол, и эта крайняя точка является самой бесполезной из всех, потому что это главная необходимость, в которой находится тот, кто это делает, в которую могут поставить другие крайние точки

по отношению к противнику, и вторая – противоположная крайняя точка, когда ноги вместе, тело перпендикулярно, и хотя это больше приносит пользы, чем прошлое положение, тело не имеет твердости, которая была, когда тело находилось в умеренном угле, и хотя противоположное крайнее положение этого находится в углу, чтобы потерять связь линий и идти, делая линейный угол, - тело находится в противоположных ногам частях, оно слабое. В любой части спины или груди будет сила, полученная из этого положения, и с одной из этих крайних точек мы часто проделывали эту демонстрацию, которая дает две линии, одна главнее другой. Мы сделали это, не увеличивая величину второстепенной линии, которая превышает основную линию, не уменьшая ее длину. Это всё, что она превысила. Вы, математики, видите, как это может быть истинно в природе, и это демонстрация того, что, когда это было сделано с мечами, споря, вы дали это всем математикам и философам, которые видели большое изумление и гораздо больше испытывали восхищение, чем те, кто проделывал это лично. Почему вы говорите, что тот, кто не будет восхищаться, видя человека, тянущегося с большим мечом, а другого с ногами вместе в крайнем положении, с грудью, прямо поставленной перед мечом противника, не двигая тело ни в какую из сторон, достигнет большего с маленьким мечом, находясь в самой короткой позиции, чем тот, кто с самым большим мечом в самой длинной позиции? Какова причина, по которой никто не мог понять это за многие годы, хотя они размышляли над этим, пока Чарилао не начал проливать свет понемногу на это своим друзьям.

Говорит Мелисо. По правде говоря, я помню, что эта демонстрация была сделана со мной, потому что я тоже (несмотря на то, что я его друг) был недоверчивым. Я хорошо подумал, для кого сделать это невозможно, пока он не увидит это? Но после, я вижу гармонию между углами ног и углами, которые делали мечи и тела. И я увидел, что мой меч был больше на пядь, чем его, с демонстрацией, которую он сделал, чтобы доказать это в том пространстве, на которое они указывают. Его меч, который был меньше, остался над моей головой на 21 см, я имел преимущество без дотягивания своим мечом, и то же самое я видел, как делают с одинаковыми мечами. И то, что меня больше всего восхитило, это что для фехтовальщиков и математиков, которые пытались это сделать, это казалось легким, они полагали, что ставя ноги вместе, как у Чарилао, они достигнут того же эффекта и не только достигнут, но и превысят его как телом, так и мечом, и это заставило бы их испугаться. Они были более сбиты с толку, потому что не находили свою руку главенствующей по отношению к другим, но я, не зная науки об оружии как другие фехтовальщики, и без тех частей науки, которые необходимы, чтобы знать что-то из дестрезы, - понимаю теперь причины, которые были мне даны, и я остался удовлетворенным и понял без сомнений, я был убежден в смысле всего этого, потому что не мог отрицать, что видел своими глазами как делает простолюдин,

и поэтому я говорю, что обращаю внимание на то, чему вы меня будете обучать, я надеюсь извлечь из этого пользу. И чтобы было так, как я желаю, скажите мне, почему кончик меча, будучи самой слабой частью в нем, наносит самые большие раны и с большей силой, чем круговые удары рикошетом. Поэтому, для того, чтобы иметь больше силы и быть рядом с силой, которая влияет на другие части, нужно нанести большую рану? Скажите нам причину этого, которая всегда игнорируется фехтовальщиками.

Говорит Филандро. У того, у кого есть сомнения, сложность пропадает с пониманием того, что тело является причиной, из которой рождаются все линии, которые имеют свой эффект, согласно природе движений, а меч – это средство, с помощью которого достигается эффект, который является раной. И хотя Эудемио с меньшими трудностями поймет, что я скажу, я не смогу высказаться как хотелось бы, потому что в этой науке вам не хватает принципов, но их нужно принести для задач, о которых вы знаете, это не так уж и много. Хотя вы знаете многих других, которые игнорируют эти вещи, не используя их, потому что их названия новы и термины адаптированы к вещам науки. Не удивляйтесь, будучи математиком, если вы не понимаете меня, просто будьте внимательны и понимайте из этого то, что можете, потому что я постараюсь дать вам понять. И знайте, что, когда меч находится в угле прямой линии, он имеет три части, я имею в виду, что нумерация начинается от кончика меча, и сила будет увеличиваться, поскольку числа приумножаются до остановки в одном из центров. Всё это градуированное количество делится на три равные части относительно множества, но они имеют неравенство, в зависимости от качества каждого из них. Целесообразно знать ту часть, которая находится рядом с силой центра, которая называется ближайшей в дестрезе и второй половиной, потому что стоит посередине между силой и слабостью, и между увеличением и уменьшением попадает в середину, а последняя часть называется удаленной. Первая из всех это та, которая обладает наибольшей силой, потому что находится рядом с мечом в той части, которой обычно он и обладает. Удаленная линия – это та, которая находится дальше от ближайшей линии, а срединная линия это та, которая находится посередине удаленной и ближайшей линии и находится на середине меча, иногда называемой рукоятью, менее основным центром, откуда рождается эта сила из ближайшей линии, и удаленная линия от середины, и слабость от удаленной, хотя эта нумерация изменяется в соответствии с местом постановки, где одни начинаются с отдаленной части меча, а другие с середины, и также в соответствии с положением угла, которые занимают линии, зная, что в воздухе был сделан круг мечом со своим числом, если каждый меч рисует линии или математически или физически все имеют свой конец и середина в главном центре или в эксцентрике этого одинаковая. И в этом большом количестве одно, как и другое, происходит с той же шкалой второстепенного круга,

который делается во время самого большого и самого главного круга, и природа их различается в соответствии с началом, серединой или концом, потому что всё, что движется, – делится в этой науке, когда какое-либо движение совершается мечом, часть оттуда и часть туда, а середина находится между этими двумя крайними положениями, с помощью которых достигаются оба, потому что, когда движение достигает середины, уже нельзя обуздать силу, которую оно несет, даже если намерение движущей силы превращается в другое новое понятие, и воля использует свою власть с животной силой, зная, что тот, кто движется, и то, что подвижно, приходят в одно время.

Говорит Эудемио. Может ли время иметь значение по отношению к мечу без такого разделения?

Говорит Филандро. Нет, потому что кто убирает разделение времени, убирает легкость, отрицает медлительность, а медлить нельзя, так что точка движения, которая вверху, означает, что с кругом достигается больше всего, в котором мы наносим рану должным образом, потому что другие точки происходят случайно, это понимается в соответствии с разнообразием, которое у них есть, и из разных мест, которые есть в их принципах. И если было четкое движение, которое кто-то сделал, то это круговое движение, которое сделал меч, или сильное, или естественное, и чем большую величину имеет сильное движение, тем больше и более меткое и резкое будет естественное движение. Острие меча любой величины продолжает то, что есть, больше отходит от общего центра. Наконечник меча – это то, что обязательно нанесет большую рану, и здесь вы лишаетесь сомнений, потому что мы не используем в соответствии с силой и эффективностью, которые есть в движении назад, чтобы противостоять через углы и второстепенный, непредвиденный центр положения в дестрезе, и в соответствии с эффективностью движения, чтобы ранить.

Говорит Полемарко. Очень хорошо, что вы показали причину этого и демонстрацию, хотя со мной (согласно доверию, которое я питаю к вам), ваш авторитет будет достаточным для меня, он имеет для меня большую оценку, чем мнение всех фехтовальщиков вместе взятых, и с тем, что вы сказали, я снова напуган, так как те, кто лжет в том, чему они учат, могут долго обманывать скромных людей, но, мы знаем, что ложь – это разочарование для многих, и на это Платон говорит, что человеку всегда выгодно быть правдивым, потому что, если однажды дух примет ложь, то с трудом потом признает правду.

Говорит Филандро. Поэтому храбрые присоединяются к беседе и очень это ценят, будучи за одни только слова (без другого проявления мужества или остроумия) столь уважаемы для простолюдинов. Я очень хочу знать, если они имеют такое же отношение к тем, кто им подобен, что они думают, по их мнению, есть честные люди.

Говорит Мелисо. Я не знаю, но хотел бы, чтобы вы сказали мне,

потому что вы более опытны, а я должен знать этих людей, прежде чем поговорю с ними, потому что, разговаривая, я понимаю, что они не будут воспринимать меня всерьез.
Говорит Филандро. Я скажу, что это было больше облачено в опытную форму лживым языком простолюдинов, не довольствуясь неверием в вещах, которые они из-за своей трусости не осмелились взять на себя, потому что превысили пределы их понимания и духа. Они считали это ложным и не делали много того, чтобы убедить своих ближних, потому что они были настолько напуганными, а завистники не сделали ничего нового, чтобы отказать им, ни веря простолюдинам, которые этого заслуживают, потому что они также делали это с теми, кого видели своими глазами и притворялись слепыми, потому что не были свидетелями истины. Обладая своим сиянием, туманы, которые ложь и зависть наложили на это, были бы разрушены и исчезли бы, чтобы вы не ошибались в том, что видите. Подумайте о том, чтобы быть бесстрастными, какими и должны быть мужчины, и какие у них есть обычаи, и кто их друзья, и что говорят честные люди о них, можно ли им доверять.
Говорит Полемарко. Хорошо, но, если я их много хвалю, и они такие же, как и те, и я их не знаю, то мало пользы от того, что вы сделали, я не должен общаться с этими людьми.
Говорит Филандро. Вы их очень легко узнаете таким образом. Посмотрите сначала кто это, потому что тот, у кого хорошие корни, подобно растению, даст хорошие почки, и потом это скажется на том, какое у него понимание, потому что, если он был дураком, тот, кто сделает это другому благоразумному, - у него в руке будет аргумент, а если он был трусом и ослушался отважного, то у вас есть правдивое заключение не поверить в это. Также, вам нужно сначала взглянуть на того, кто хвалит и кого хвалят, и как, потому что я хочу вас разочаровать, что, не обдумав это и не взвесив, вы должны поверить, сколько зла они рассказывают о других. Если вы задали вопрос одному мужчине о вашей земле (будучи некоторое время за ее пределами) чтобы узнать его, потому что его слава вас прельщает, и случайно говорили с кем-то, кто плохо отзывался о нем в силу зависти, или потому, что в каком-то случае было предложено убрать честь (по словам вульгарных простолюдинов), - то вы поверите злу, которое я рассказал вам о человеке, о котором вы спрашиваете? Так делают некоторые простолюдины из-за злобы и подлости, не желая понимать или проследить причину.
Говорит Эудемио. Я не поверил бы этому, потому что намерение, которое может быть у человека, когда он говорит о другом плохо, бывает разным. Иногда потому, что он не смог оценить его по достоинству, ни по его добродетелям, ненавидя доброе имя и хорошую репутацию, которые у него есть. Он завидует ему, оглядываясь на то, сколько ему нужно, чтобы соответствовать ему. Другие говорят плохо из-за обиды, нанесенной им, и вспомнив это, услышав имя того, кто обидел их, они плохо говорят о нем, может еще и

потому, что он получил хорошие дела. Некоторые враги называют такого человека слугой, поэтому, если кто-то плохой и о нем говорят плохо, а другой знает, что его враг знает душевную рану, то нет противоядия от такой силы против плохого юмора, как слова врага, потому что это исправляет человека от порока, а другой остается со злом, чтобы была возможность заявить о своем следующем зле, но с намерением оскорбить его и сообщить ему, что если он исправит свой порок, то по закону дворянства он должен будет набросить на него плащ, потому что недостатки его в скором времени не были явными. Поэтому, если он плохо говорит о хорошем человеке, это похоже на женщин, которые согласно Сенеке плохие в общественном сознании, но на самом деле хорошие. Я понимаю, что это потому, что они объявили себя людьми как таковыми, потому что тот, кто будет иметь с ними дело, будет знать, что он имеет дело с плохими людьми, ибо те, кто с добрым желанием скрывают свое зло, наносят больший вред этой видимостью, чем другие с гласностью своей развратной жизни, принося яд в руке на глазах у всех, а другие покрыты белым хлебом.

Таким образом, печально известные люди, которые в городах были объявлены такими, зло, которое они говорят и делают, - не имеют большого эффекта, потому что все их уже знают как зло, как ущерб, нанесенный теми, кто маскирует зло, и у них есть дух, поврежденный от зависти так, что где бы они ни хотели и как бы не могли - наносят вред своими словами. Тогда будет ваше завистливое сердце противопоставлено чести, которую вы ненавидите, и поскольку у чести нет тела, чтобы противостоять ядовитым ударам проклятого языка, они никогда не устают, потому что у них нет сопротивления и честь не заражается (как мы скажем в четвертом диалоге), потому что христиане с каким-то пониманием не должны верить плохому, что они слышат о человеке, который считается хорошим, и не следуют словам плохих, которые, чтобы выделяться среди того, что осталось от другого, видя, что он идет к похвале, кладет шкатулку лжи, чтобы добраться до него, если может. И, когда он видит себя на земле, неспособного соответствовать ему, он поворачивает клинок, чтобы жаловаться на состояние, как если бы оно было казначеем чести и распространителем добродетелей, никогда не желая знать его грех, чтобы исправить его. И потому, что вы не ошибаетесь в таком странном замешательстве, я дам вам одно универсальное, а другое конкретное правило, которые вас сосредоточат, и всё, что вы говорите — это позор и оскорбление для некоторых, не верьте этому, если вам мало что есть им сказать. При этом вы много порицаете и оскорбляете, и то, что вы говорите касается чести и уважения. Вы поверите в это позже, ибо верить добру не повредит вам, а веря злу - это будет очень большой риск, потому что вы придете, чтобы сказать, насколько вы уверены, что он хороший человек, и это будет похоже на ложь, вызванную завистью, и человек ваших достоинств много потеряет относительно тех, кто слышит его, если они знают

то, чего он не делал. Если бы это было хорошо, и вы бы сказали это, веря в это так, как если бы знали, что это плохо, чтобы избежать это и хорошо, чтобы подражать и говоря это, потому что, даже если это ложь, ни вы не проиграете, разговаривая об этом, ни другой, имея это. Только одним примером я хочу ответить всем вам, чтобы вы дали ему моральный смысл, чтобы вы знали суть того, что случилось в доме удовольствия с одним моим другом, радуясь некоторым рыцарям, которые любопытны ко всему, что есть в доме Его Превосходительства герцога Медина, которые, среди прочего замеченного, увидели там птицу, украшенную несколькими богатыми перьями, которые на солнце переливаются разными цветами и блестят с большой красотой. Это зрелище вызвало большой восторг, для всех эта странность и красота этой птицы не давала понять, какая это была порода, или для чего она была так хороша в этой перебранке, птица, различающаяся разнообразием оттенков на крыльях, которые у некоторых других отсутствовали. И в рыцарях возникало упорство и почтение, каждый из которых высказывал свое мнение и, в конце концов, никто не мог проверить их мнение, они согласились лучше судить, посмотреть, какой породы птицы собрались вместе, и что они узнают их природу и окружающую среду после нескольких небрежных часов. Они вошли в сад, пытаясь опознать некоторые травы, увидели птицу посередине места, усыпанного розовыми кустами и жасмином, которые переплелись друг с другом, образовывая квадрат, небольшое пространство, где было много птиц вместе, которые сначала будоражили в памяти красоту и разнообразие. Глядя повсюду, можно было увидеть большое количество обычных птиц и среди них в компании многих породистых птиц, были бурые птицы и обычные, как в городе. Они смотрели сначала на того, кто с добрыми желаниями, имея под рукой возможность создать компанию с остальными, чувствуя себя прекрасно. И, увидев это, всем казалось, и они заключили, что птица, хотя и красиво окрашенная, была низшей породы, плохо пела, и всё потому, что видели ее в такой скромной и гнусной компании, которая всегда как бы заявляет о вещах, которые могут быть под сомнением. Поэтому мне кажется, что вам нужно знать тех, кто хочет относиться к вам согласно вашей чести.

Говорит Эудемио. Я много радуюсь от нравственной осторожности и намерен использовать это больше, чем то, что дал мне учитель, потому что это будет справедливо, что почетный человек ищет конкретных друзей. И теперь я вспоминаю, что Чарилао много раз разговаривал со мной об этом, советовал мне попробовать особую дружбу и обычное обращение с теми людьми, чье понимание было от Бога более благоприятным, и с которыми небеса указали бы на то, чтобы дать им остроумие и изящные способности, ясные, редкие суждения, отделенные от вульгарных людей, которые по большей части достойны похвалы и мирного обращения, что исполнялось в его друзьях. Мы об этом в избытке говорили в первом диалоге, что они являются друзьями Чарилао, которые пишут это без участия

многих других. Будет долго ссылаться на это, и поэтому я сказал вам, что вы хотели узнать о них. Скажите мне, может ли уловка, которую вы называете предложением, служить всем людям? Потому что они будут использовать и делать ее.

Говорит Полемарко. Таким же образом, как уловка с мечом подходит для кинжала, а уловка для кинжала подходит для меча (потому что, кто может сделать больше всего, может меньше всего), уловка для меча подходит для двуручного меча, а уловка для двуручного меча подходит для пики, и так с другими видами оружия, убирая детали в движении или добавляя в соответствии с величиной оружия. Все это может быть применено таким образом, что одна простая уловка будет служить всем мужчинам, и это будет даже более эффективно, чем соединенные в группу уловки, потому что на самом деле это то, о чем мы всегда говорили, что одна простая уловка полезна, мы это видели еще в первом диалоге, и также, как лечение, которое осуществляется с помощью простых лекарств, является более превосходным, чем то, которое достигается из соединений лекарств, как говорит Скрибоний в послании и Гален в составе родов, поэтому простая уловка превосходит другие группы уловок. Потому Гален больше использовал одиночную уловку, чем их связку, поскольку она предназначена для нанесения пыли в глаза, для провоцирования.

Руда сшила то, что удерживает живот, а Полео готовит, чтобы подготовить тех, кто должен быть очищен, в болезнях которых врачи используют эффективные средства. По этой причине это удобно для человека, у которого есть простой мотив, простая уловка, которая ему соответствует, чтобы они не менялись в использовании.

Говорит Филандро. Я удовлетворен тем, что вы сказали, потому что из многих простых уловок, которые входят в композицию, только одни мнимые и фальшивые, другие древние, иные плохие, главным образом те, которые больше времени игнорируются. Таким образом уловка, состоящая из нескольких естественных движений, будет иметь некоторые, которые не имеют отношения к тому, что намеревается сделать исполнитель, и это не только освободит его от намерения, но и будет стоить жизни. Сильно намереваясь иметь простую уловку для простого исполнения, ее не следует пытаться делать составной из-за вреда, о котором мы говорили, как будто если бы можно было найти простое лекарство. Нет основания ожидать от составных уловок пользы, потому что всегда следует новая форма порожденного состава, некой композиции, которая работает больше, чем простые вещи, некоторые за хорошее, а некоторые за плохое, из чего следует, что все лекарства изменяют нашу природу в силу противодействия, которые они имеют с человеческим телом. Состав лекарств включает в себя разнообразие и противодействие природе, что хуже, чем простота, поскольку сложное заболевание является более плохим, чем простое.

Говорит Эудемио. Раньше мне казалось, что человек должен использовать множество сложных уловок, потому что, когда кто-то

не воспользуется этим, воспользуется другой, и все они получат что-то, в соответствии с намерением фехтовальщика, в подтверждение чего вы обнаружите, что он любезно одобряет композиции, потому что говорит, что в разрешении многих вещей среди них, по крайней мере, будет то, что пользуется преимуществом.

Говорит Полемарко. Смелый разум - это счастье (на мой взгляд), потому что он всегда хуже работает с разнообразием противоположностей.

Говорит Эудемио. Хорошо, но поскольку я дам вам универсальную уловку, которая будет служить всем людям, вы дадите мне универсальный медикамент, который будет служить от всех болезней? Неуместные медикаменты являются простыми в медицине и даже очень многие мелочными.

Говорит Филандро. Я не думаю, что Гиппократ дал ему больше, чем дает сейчас Полемарко, выставляя дело, на которое Гален указывает в некоторых частях. И хотя по указанным причинам более вредно использовать композицию без какой-либо разницы, чем в некоторых простых выбранных уловках, но все же композиции, изобретенные с использованием искусственного материала, и подтвержденные большим опытом, обладают более замечательными эффектами, чем все простые уловки, когда почувствуете неладное, где некоторые композиции, по причине своей пламенности, превосходят янтарь, мускус, азиатскую цивету и другие вещи, которые их образовывают. И также кажется с колоколами, которые звучат больше и сильнее, чем металлы, из которых они состоят, и вы найдете свое в цветах, особенно в молоке (которое они называют натуральным цветом), состоящим из окиси свинца, уксуса и других вещей и ни один из них не является цветом молока. И наконец, вы увидите это ясно в других лекарственных композициях, в которых это было так полезно древним, что Гален не решался изменить что-либо в противоядии Андромаха, потому что считал, что оно составлено с усердной проверкой и даже по божественному провидению.

Говорит Эудемио. По этой причине Плинио будет молчать и не показывать врачам, которые используют композиции многих вещей, сделанные на почве только амбиций, а не из-за тщеславия в соответствии с тем, что говорит Гален, если только они не были ограничены необходимостью помочь человеческому телу.

Говорит Филандро. Скажите Мелисо о причинах, потому что врачи используют соединения и потребности, которые нужно составить, чтобы затем я смог дать учение маэстро вылечивать души учеников.

Говорит Мелисо. Для того, чтобы услышать то, что я так хочу, я буду торопиться в том, что вы просите, и знайте, что для тринадцати причин необходимо было использовать соединения без других, которые усердно ищут любопытных в этой профессии, когда болезнь составная, а простое, что мы может иметь в руках, имеет простую силу.

Говорит Эудемио. В соответствии с этим, может быть просто, что

он имеет силу соединения и соответствует сложному заболеванию? Говорит Мелисо. Да, это связано с тем, что составное заболевание или состоит из болезни и причины заболевания, или несчастного случая, или нескольких заболеваний, или одного, которое требует нескольких попыток, как то, что есть у человека, когда он хочет причинить боль, восстановить, прийти и отклонить всё с помощью одной уловки одной попыткой. И поскольку эти композиции очень часты, врачи редко используют соединения. Они также используют их, когда простая медицина имеет составную силу, как указал Эудемио, что соответствует составу болезни, но если она используется простыми аптекарями при дворе, то она более слабая, чем сила болезни, которая будет увеличиваться с добавлением простого, что укрепляет эту слабость. По словам Полемарко, при размещении или удалении частей движений уловки, когда болезнь только частично излечена – это две вещи, которые находятся в цветке крокуса, и поскольку он очищает меньше, чем требуется, тогда необходимо придавать цветку силу, смешивая его с простым питанием. Но, когда болезнь проста, и нет простого лекарства, которое пропорционально противодействует болезни, – добавляется другое, чтобы предоставить это противодействие, когда врачи хотят некоторых операций, что невозможно ни в одной простой болезни. Это как мох и воск, которые становятся лекарством, которое имеет силу уничтожения признаков заболевания, и ни одно из того, что их образовывают, этого не имеет, но если нужно удалить вредную силу какого-то простого заболевания, – то это смолистая камедь, к которой добавляют лавр и ароматические вещества к лекарствам, которые очищают с большой силой. И, если дело состоит в том, чтобы преодолеть какой-то плохой вкус, то добавляют мед и сахар в сиропы, микстуры, но если есть попытка запретить медикаментам меняться от того, чтобы они были приятные на вкус, то надо смешивать что-то с ними, как например опиум с атриакой. Если врач намеревается адресовать медицину особенному члену, он просто добавляет, что он уважает его, потому что другие лекарства из-за их фригидности не подойдут к сердцу, но когда захотят получить лекарство для деликатного места в человеке, они разрабатывают экстракт фиников в качестве слабительного. Если медицина безразлична к нескольким местам, а со смесью она назначается для определенного места, как медицина, использующая травы, выделяющие сок и добавляя другие вещества, оставляющие диуретики, когда есть такое намерение, то польза медицины видна и на сомнительном пациенте. Доктора добавляют вещи, которые ускоряют движение, как семя Руты для суставов. Существует еще одна потребность в составе компонентов, чтобы свести простую форму к удобной и, следовательно, добавляется рыба, смола и воск в пластырях. Наконец, чтобы сохранить то, что не будет всегда вечным, используют добавки валерианы, меда, сахара и других вещей, без которых некоторые из них не могут быть сохранены.

Это кратко, что касается потребностей в составлении лекарств, основанных на размышлениях и доводах Полемарко. Дайте нам теперь доктрину, основанную на том и на другом, чтобы она проявлялась с выгодной стабильностью.

Говорит Филандро. Разумеется, вы с любопытством выделили простые и сложные из них, потому что они есть, и я как прилежный человек в этой науке, имея благосклонность всех и вся, хочу направить свою попытку и намерение на одно из ваших, направляя мою пластику на Эудемио, который получает удовольствие от этих вещей, и убедил себя, что для всех существует универсальная уловка, что не может быть иначе, чем с ограничениями, о которых вы и Полемарко говорили выше при образовании составных уловок, потому что человеческое тело состоит из разных противоречивых частей, некоторые горячие, как сердце, другие холодные, как мозг, третьи влажные, как плоть, четвертые сухие, как кости, а пятые такие же теплые, как тело, потому что, если все люди (как вы знаете) были созданы из одной вещи, между нами не было бы противоречия или отвращения, пока мы все не будем любить одно и то же или ненавидеть это. Но это пустая трата, потому что мы состоим из нескольких элементов, поэтому мы любим и склоняемся к разным вещам, как мы видим в соединениях, когда часть земли, которая холодная, побеждает и преобладает над всем телом соединения. Если мы бросаем его в воду – оно идет потом в центр, и когда холодная часть воды превосходит качества соединения, если мы бросаем его в воду, оно тонет, хотя и не так сильно, но, когда теплая часть воздуха и сухая часть огня превосходят другие качества, ничего нет элементарного в воде, поэтому вы увидите в ней много птиц, потому что перья – это часть их природы, которые не соответствуют тому, что мы говорим о форме, как говорили некоторые современные философы. Чтобы тело имело земли больше, чем другого элемента, оно становится меланхоличным и имеет больше флегматичной воды, для того, чтобы иметь больше воздуха – становится сангвинистическим, для того, чтобы иметь больше огня – становится холеристическим, и поскольку чувства души, которые рождаются с нами, настолько сильны, то они склоняют нас к действию и по большей части следуют за температурой тела. Мы видим, что тот, у кого есть сырое сердце по своей природе, склонен по своему интеллекту к гневу, но легко смягчается, потому что легче пролить влажное, чем сухое, и отсюда исходит то, что женщины и дети быстрее вспыхивают в гневе и легко плачут, сдерживают его, потому что в том смысле, что сухость является результатом твердости, так и влажность порождает мягкость и железную силу, потому что оно сухое и крепкое, что вспыхивает позже, и дальше не выходит из игры, сохраняет много времени тепло, так что сердце, которое сильное, сухое, не расстраивается и не сердится также внезапно, как сырое, а когда оно злое, то не так легко успокаивается именно там, где создается жестокий и неумолимый дух, и вещи, которые

должны быть применены к холерикам, сангвиникам, меланхоликам и к холерикам, меланхоликам, флегматикам, и к холерикам, флегматикам, сангвиникам и к холерикам, флегматикам и меланхоликам. Мы подробно рассматриваем это в совершенстве фехтовальщика, когда оспариваем знаки каждого, его привязанности и привычки, так что, поскольку люди состоят из разных вещей, противоположных друг другу, они имеют такое же противоречие в вещах, к которым они склонны, и если в теле нет больше тепла, чем холодности, и влажности, чем сухости, прежде чем оно будет образовано среди всех, в соответствии с надлежащей пропорцией, - оно будет выносливым, потому что у каждого из качеств есть то, что принадлежит вам, без тирании вещей других людей или нанесения вреда другому с плохим окружением, что является следствием здоровья. Врачи это называют телом в справедливости, потому что, если одно из качеств преобладает и становится наглым против другого, то в этот момент оно лишает тело гармоничности и сдержанности и делает его больным, потому что болезнь всегда ведет к плохой температуре, так что из-за разнообразия качеств тело становится настолько отличным от других, что, удивляясь, они находят себя в одной вещи, потому что имеют различные эффекты души, и разные импульсы, которые их двигают. Так и есть, что к разным болезням нужно применять разные средства восстановления, чтобы маэстро показывал одну вещь для всех, кто учится, не дифференцируя их, где у каждого свои желания, намерения и склонности, отличающиеся силой и ростом, и очевидно, что все ученики не пользуются этим, (если учителя этого не делают, потому что это легкая вещь, которой можно обучить). Правда состоит в том, что они будут знать это, но, делая это как привычки духа, они следуют за температурой тела. Как сказано, дух будет следовать своей естественной привязанности, а не характеру уловки, которую он изучил, потому что учитель не соответствовал его импульсу. И тогда придет мастерство, чтобы препятствовать духу, потому что, доверяя ему в мире, у него не будет некой нерешительности, ставя под сомнение намерение, достигнет ли оно влияния духа или характера уловки, что будет причиной большего страха, который он имел, если бы каждое мгновение он игнорировал умение. Поэтому Цицерон говорит, что учителя должны рассмотреть и с усердием изучить природу учеников, взять их под свое крыло, чтобы направить их и выправить в соответствии с тем, к чему они более склонны, потому что, делая наоборот, вы будете словно разбрасывать пшеницу по земле, что хорошо для оливок. Это как, когда учитель обучает ученика тому, что он знает сам, а не тому, что нужно духу ученика. Люди приходят не для того, чтобы воспользоваться работой, которая нужна для того, чтобы стать фехтовальщиком, как я это испытал на себе. И что я обычно видел это то, что учитель - человек с небольшой силой и мужеством потом начинает учить всех своих учеников не исследовать меч ни свой, ни противника, прежде чем убедить

их использовать ритм и случаи, которые представятся для того, чтобы нанести раны. И наоборот, если учитель будет человеком будет большой силы, тогда он советует, чтобы ученики исследовали меч, всегда старались захватить врага, потому что так лучше парировать и наносить раны со знанием того, что может человек с силой меча. Если ученик левша, некоторые советуют ему носить меч снаружи, другие - внутри, уловки равны для обеих сторон, зная, как их преобразовывать и применять, но вульгарные фехтовальщики, как невежественные люди, заимствуют то, что им хорошо, и по этому же правилу они убеждают учеников подражать учителю музыкантов, которые при настройке инструментов натягивают одни струны и ослабляют другие до момента, когда достигнут совершенства в согласованности звуков, которые должен издавать инструмент. Они действуют в соответствии с правилами и пропорциями музыки, потому что, если бы все струны свелись к одной высшей по звучанию точке или другие опустились бы до низшей, то они не смогли бы воспроизвести эту гармонию, которая достигается тем, что каждая струна находится на своем месте. Но самое худшее это то, что они дают ученику две или три свои уловки, вот это фехтование! Учат делать их, поскольку они игнорируют различные остроумные выходки, которые у них есть, и всё остальное, что подходит для того, чтобы не мешать противнику возыметь свой эффект и не изменять вещи, которые они могли сделать другому, поскольку он видит, что не получается так с тем, что он узнал. Он запугивал их разум и не осмеливался предпринять то, что впереди, и почти по ошибке обладал ими. То же самое верно, если вы знаете одну, две или три буквы A.B.C., ученика посылают написать письмо, в котором необходимы все буквы, даже те, которые он не знает. Поэтому целесообразно, чтобы он не играл в начале, если только не с учителем, который учит его, пока он не узнает уловки все до конца и не поймет, что если он ошибается, это потому, что он не знал, как применить эту уловку, а не потому, что он игнорировал то, что было удобно в тот момент времени. И делая так, фехтовальщику это будет легче сделать и за меньшее время.

Говорит Эудемио. Я не отрицаю, что всякая природа ума не нуждается в уловках, что они равны в своем роде и в видах склонностей человека, поэтому в укрощении лошадей мы видим, что они применяют то, что больше подходит к каждой из них в соответствии с их природой, и они учат их идти рысью и биться, но сначала бегать. Напомните мне, что двое мужчин приехали на своих конях, чтобы спросить моего друга, который много знал об этом искусстве, о способах, которые он использует, чтобы не позволить лошади в середине гонки совершить какое-то неосторожное движение, и спросить о защитах, которые используют, чтобы другая лошадь, которая убежала, не делала ничего другого после того, как услышит своего хозяина, и почувствует связь между поводьями у рта и стременами. Только с этим я держу всех лошадей на своем месте без применения других

мер, потому что только с этим они переступят черту, если их не тормозить. Поэтому я понимаю, что уловки должны преподаваться в соответствии с привязанностями людей и натурой каждого из них, чтобы он выбрал уловки по своей природе и симпатии, а также по тому, что, когда человек сердит на другого, ему нужно использовать разные уловки, когда его злят.

Говорит Мелисо. Революция всего, что рассматривалось, заключается в том, что никто не может использовать себе на пользу одни и те же раны.

Говорит Филандро. Не будьте настолько неуверенными в том, что в универсальном и конкретном случае они извлекают выгоды из истинных уловок, потому что мы знаем, что используется в дестрезе простолюдинов, если учитель является флегматиком, а тот, кто учится холериком, и учитель учит тому, что он знает, а не то, что ученик будет использовать, или из чего он будет извлекать для себя пользу, даже если то, что он узнаёт – очень хорошо. Вы всё это поймете в вульгарной дисциплине, из основного мастерства которой уже сделаны выводы в первом диалоге. Таким образом, вы бы судили за сумасшествие того, кто носил платье, размером портного, а не своего собственного, т.к. тела разные. Не менее доводов и аргументов мы имели бы с точки зрения мастерства, в котором проходит жизнь, потому что природа духа не может быть подчинена точечно искусству, и несмотря на то, что оно сбивается с истинного пути, природа легко возвращает всё на свои места, потому что, если импульс моей привязанности требует самообладания уловок прямых движений, потому что я холерик, и учитель учит меня круговым линиям, а не тому, в чем я нуждаюсь, а слабым и острым частям отводятся серьезные моменты, и он не воспользуется тем, что знает, ни ученик, чему он научился, и здесь приходит тот, кто хочет только знать много уловок, а не пользоваться ими, а другой человек с малым количеством уловок – много их использует и извлекает пользу, как вы уже очень хорошо говорили при исправлении простых вещей.

Наконец, тот, кто учит, не должен давать тому, кто учится, то, что он знает для себя, а только то, к чему склонен его дух, какие предрасположенности и силы у ученика, чтобы доктрина продолжалась дольше и ее использовали в своих потребностях. Поэтому они должны учиться у своих учителей, как больные с врачами, которые расскажут им всю правду, как исповедники, которые вылечивают души, так и те, кто должен исцелять тело и дух, и по этой причине они должны смотреть на людей, у которых они учатся, потому что привычки учителей основаны на духе, как и учение, и потом это удалить очень плохо.

Говорит Мелисо. По этим причинам я доволен тем, что так много разницы, как мы видим, между душами и телами в человеческом роде, и тем более тем, что можно пугать каждого своим намерением. То же самое я нахожу в дестрезе, потому что, варьируя принципы уловок

и перемещая их из своего собственного предела, они применяются (как вы видели в первом диалоге) для различных целей, даже если они равны духу. Если что-то отсутствует, что вам подходит и что вам кажется, что должно быть, если оно будет отличаться во всём, даже если это будет та же уловка, - она станет такой же, как та, которая может иметь разное качество в зависимости от времени года, хотя в то же время, это будет отличаться от сухого или влажного, холодного или горячего, зрелого или зеленого, увядшего или свежего, в цветке или в листе.

Говорит Эудемио. Я не верю, что в принципах уловок есть так много изменений, потому что высказывание это универсальное и не теряется в действии, потому что начинается с более или менее частей движения и немного меняется во время применения, помимо того, что придет позже или быстрее.

Говорит Мелисо. Вся дестреза не зависит от двух причин, одна универсальная и необходимая, а другая конкретная и случайная?

Говорит Полемарко. Да, потому что необходимая уловка является частью универсальной истины и случайности конкретной.

Говорит Мелисо. Я ощущаю эффект, который исходит из двух причин, одной необходимой и другой случайной. Ясность заключается в том, что, чтобы быть случайным, я знаю, что это высказывание будет сделано определенной частью фехтовальщиков. Предполагаю, что это правда, но если эта истина основана на поводах, которые противник дает, чтобы это свершилось, когда они не дают этому быть, то это высказывание иногда будет истинным, а иногда нет, но в целом оно перестанет быть.

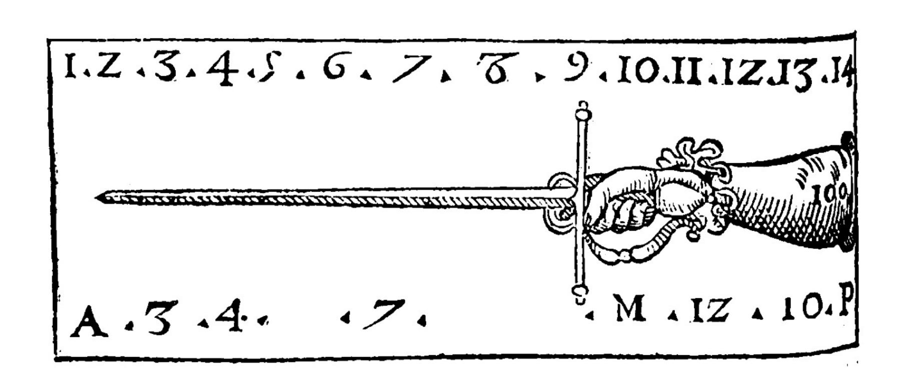
Говорит филандро. Вы хорошо говорите, если имеете дело с конкретными уловками, но есть такие, которые в силу своей индивидуальной особенности их не понимают, не понимают, что является истинным высказыванием, но имеют то, что удобно для всеобщего использования. Вы уже знаете, что не стоит ждать больше случаев, чтобы выбрать свой способ, просто возьмите и выберете его, не соблюдайте и не уважайте никакие движения или позиции меча, или профили тела, поскольку кинжал не ждет, когда мы хотим только сравнить с ним меч.

Говорит Полемарко. Касаясь чего-то теоретического из этого оружия, мы узнаём некоторую часть тайн, которые так напугали мир, потому что я говорю вам, что только из-за того, что делает кинжал, у меня настоящий навык, потому что тот, кто не восхищается, похож на вульгарного простолюдина.

Говорит Филандро. Это самое сложное из того, что вы меня спрашивали, и требует большего внимания к таким тонким вопросам, как то, что у меня есть, потому что вы понимаете, что это гармония приносит и сопровождает ваши уловки. Вы бы увидели, как она не дает вам меньше испугаться причины, чем эффекта. Я укажу что-то из вашей теории и, чтобы это было вам полезным, знайте, что из всех углов, которые являются положениями, целесообразно знать

прямые, тупые, острые. Тот, которого больше всего добиваются достичь и улавливают зрением – это прямой угол, и он же более пригодный и соответствующий для всех движений, как круговых, так и прямых, потому что положение, которое выходит из тупого и острого углов, или стоит выше того, что выгодно и целесообразно, или настолько низко, что я должен заменить недостаток места поддержкой размера и концов тела, и из этих двух углов – тот, который более способен преобразоваться в прямой – это тупой угол согласно Эвклиду в двадцатом высказывании третей книги. Этот меч, который мы называем линией, делает различия в соответствии с фигурой движения, потому что мы следуем от наконечника, который, в качестве самой слабой части, мы обозначаем 1, являющейся началом отсчета. Она приумножает значение чисел по отношению к центру меча, сила от единицы увеличивается, что передает габариты центру, который является прочным, твердым углом, который образует меч и рука с телом, что заканчивается наибольшим числом. И таким образом, при начале с единицы, с наконечника, который является частью, на которой начинается точка линии, числа приумножаются вместе с остальными, пока не остановятся в самой большой точке тела. И также начиная с наибольшего числа мы уменьшаем силу, которую имеет дискретная величина числа и то, что имеет непрерывный меч, до прибытия к единице. И наконечник, который является началом этого количества, не будучи линией, сопровождает всю величину как добавленную единицу к другим числам, хотя это не число, так что часть движения всегда следует за теми, которые должны произойти, когда они сгенерированы, в момент для остальных, которые составляют то время, пока будет показана демонстрация.

Здесь появляется рука, которая является основным центром в устойчивом угле, точка P, и рукоятка, которая является наименее главной центральной точкой M, и самая тонкая часть – это острие меча, точка A. Чтобы найти середину внутри этих двух пропорций силы и слабости мы должны суммировать 10 и 4 и будет 14, а половина из 14 будет 7. Эти семь составляют половину между десятью и четырьмя, и производится пропорциональность двух пропорций, первая из которых составляет от 10 до 7, а вторая – от 7 до 4, потому что десять превышает семь на три, и семь четыре

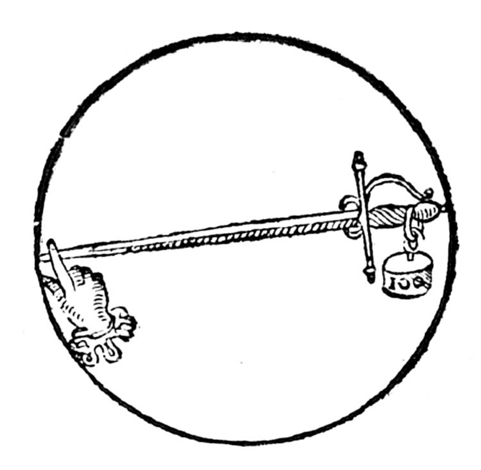
превышает тоже на три. Слабость наконечника меча все равно, что сила центра, которая превышает на три части силы до середины меча, а середина – в других трех частях до самых отдаленных от нее, что оставляет наконечник меча без силы, как единица, которая указывает на значение большего числа и пропорцию, которая составляет двенадцать к трем, что делает и четыре по отношению к единице, поэтому поставьте меч в указанный угол. Часть, которая всегда тонкая и никогда не двигается – это наконечник, и это несмотря на то, что он сдвигает центр, потому что, когда я приближаюсь, он будет сдвигаться ближе. Наконечник меча будет менее слабым, но не сильным, также, как и центр не может изменить свою силу на слабость, потому что две противоположности не сочетаются в субъекте, ни в наконечнике меча, ни в копье никогда не будут найдены одновременно сила и слабость. Таким образом, с устойчивой демонстрацией выясняется, что самая слабая часть меча это наконечник, и мы также знаем, что эта слабость приходит, потому что это часть меча, которая является самой отдаленной от тела, которое является источником силы, которое распространяет силу и крепость во все части и которое хочет силы по природе каждой из частей. И если вы хотите, чтобы демонстрация больше приводила в ужас – для этого и для большего удовлетворения этой доктрине я дам вам такое, что вам определенно понравится.

Говорит Эудемио. Я с нетерпением жду, чтобы увидеть это.

Говорит Филандро. Давайте посмотрим у кого будет больше силы по вашему мнению, у пальцев руки, меча или пики.

Говорит Эудемио. У меча или пики.

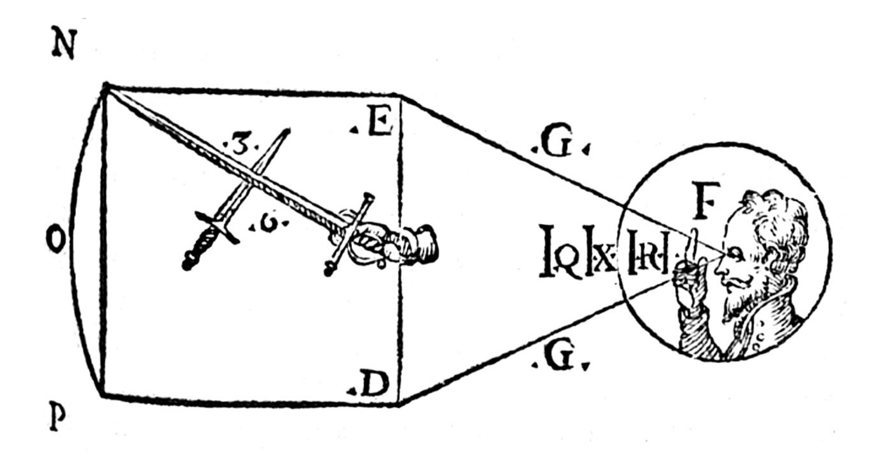
Говорит Филандро. Тогда положите первый из четырех пальцев (который они называют указательным) на кончик меча в месте появления сильного движения, и держите его крепко, чтобы сделать два прямых угла мечом. Я говорю вам часть правды, что, хотя многие соединяют крепкие руки, чтобы вытащить меч там, где находится палец, не вынимая по сторонам, ни снизу, ни сверху, они не будут делать какое-то сильное движение вверх, как вы увидите в этой демонстрации, которая пригодна для сильного и естественного движения.

Говорит Эудемио. Несомненно, демонстрация полезная и вам нравится, и, если вы ее не проделаете, я использую ее для небылицы, как говорят старые люди. Скажите, какова причина, что вы положили палец рядом с мечом, а не на что-то другое.

Говорит Филандро. Во всех принципах сильных движений и даже в принципе естественного движения, когда меч образует тупой угол, палец при этом производит тот же эффект, и причина, почему он расположен рядом с мечом, а не далеко впереди, будет видна из демонстрации, на которой всё будет проверено, как и парирование слабой руки сможет противостоять движению сильной руки с другими вещами. Теперь вам остается знать, что этот меч, который прилегает к руке, может так много раз двигаться кругообразно, сколько есть частей, которые может окружать рука различными мышцами и сухожилиями, которые перемещают ее, и среди множества круговых движений только один раз она может двигаться прямо. Я говорю это, потому что выпад шпагой является случайным движением по сравнению с другими, и он всегда несет принцип во всех своих движениях, которые генерируются из частей, которые приумножаются одна за другой, пока они не улучшат движение и не сделают действие законченным.

Эти движения слабы во всех своих принципах, потому что это основа, на которой складывается и умножается сила всех других частей, это единственная часть, а одна часть движения не имеет силы сама по себе, которая есть в компании, которую она образует с другими. Тогда следует, что любое движение, которое имеет больше частей, будет сопротивляться тому, у кого их меньше, от самого сильного, более мощного движения до уже непосредственно действия, которое находится в силе, и вы всё равно увидите, что небольшое препятствие мешает визуальным углам (согласно правилу перспективы), если они предотвращают появление. Люди не понимают одну большую вещь, которая показана в этой демонстрации.

Глаз - это точка М, визуальные лучи это точка G, палец - точка F. То, что они должны понять (D и E) это приложить палец к

месту появления визуальных линий с маленьким количеством помех, что картинка того, что стоит сзади, не доходит до глаз, потому что им мешает действие, но, если палец, который раньше был точкой F., отошел к точке R, Q, X, которые немного снаружи, угол свободно рассеивает лучи и не будет частью пальца, так что линии не включают его и квадрат. Точно так же вы поймете, что, если в начале движения вы принесете кинжал, это не будет главной частью, чтобы превзойти меч, но, если вы отведёте кинжал, чтобы снова сделать движение из некоторых частей и привести это в действие – никакая часть не сможет противостоять кинжалу, как это будет видно на демонстрации квадрата. Есть движение, которое делает меч от точки N до точки P, если кинжал размещен в начале зарождения движения, он не сделает какого-то движения, но, если кинжал отодвинется немного, меч пойдет навстречу и оставит кинжал в точке O, и пройдет без каких-либо препятствий от точки N до точки P, так как тогда шесть состоит из трех равных пропорций, как десять из пяти. Теперь вы уже поняли, что фигура и форма вещей являются следствием причины, которая производит их, потому что каждый эффект имитирует свою причину, поскольку каждая тень следует за формой тела, которая ее вызывает, и, таким образом, вы увидите, что как и у Бога не было ни начала, и не будет конца – в формах, которые вышли из его божественных рук вы найдете то же самое, поскольку Он сделал сначала круглые небеса и звезды, и эта же фигура дала все элементы. И мы увидим, что это будет обильно проверено в человеке, в котором мы найдем фигуры, где вся геометрия заключена в главный круг, из которого состоит человеческий организм, потому что руки открыты, ноги отдалены. Если они делают неясные движения, коснитесь кончика на поверхности пальцев ног и рук, которые имеют одинаковое внешнее очертание тела, как есть у головы, глаз и всех остальных частей, поэтому все собственные движения, которые человек делает всем телом или руками, ногами и головой, – это всё круговые движения, извлеченные для выпада шпагой, что как сказано – это случайное движение, так что в круговой фигуре не может быть конца или начала, потому что их у нее нет, и никто не найдет их после того, как был создан круг. Теперь, вернувшись в прошлое, по чьей причине эти особенности были объявлены как предпосылка, чтобы заключить, что кинжал всегда рядом с центром, от связи которых приходит такая сила, что в некотором роде можно сказать, что это все центр, хотя в небольшом размере кинжала есть некоторые части более тонкие и слабые, чем другие, а другие более сильные в соответствии с местом положения и соседством, которое у них есть с местом происхождения силы, с величиной которой кинжал образует такой круг, который включается в прямую линию противоположного меча, или который находится в силе или действии и убивает принципы круговых движений, которые можно сделать вместе с выпадом, который хотел бы сделать противник, будучи словно нерешительным

и не имеющим знания о том, что является принципом этого круга, что делает кинжал почти похожим на спираль, не понимая конца, где остановиться, не зная и ему не удается достать меч или направить его туда, где он может освободиться от указанного круга, потому что, если только в одном круге он не может знать, где начало, где конец, для многих других кругов, которые делает кинжал, когда он входит в тело и направляет движения вперед, – это входит в величину меча, которая становится чем-то вроде круга в линии, и меньше он может освободить меч от кинжала, даже если вы тогда поспешили бы достать его, чтобы понять, что некоторые из них приняли это в качестве своего метода, после того, как они сделали всё, что придумали против кинжала. И то, что вас больше всего восхитит, это то, что эти суждения и высказывания никогда не были неправильными, или шутками. Их испытывали много раз, чем было удобно сгладить грубость неверующих сердец и исцелить души завистливых такими демонстрациями, что, если бы очевидность не помешала им, они бы опубликовали их как выдумки и что-то еще другое, и в конце концов они бы привели в замешательство всех тех, кто поклялся раньше, что это невозможно принимать это за небылицу больше, чем за правду.

Говорит Мелисо. Конечно, вы тоже принесли всё и оставили мне, чтобы я больше знал, скольким частям кинжал может противостоять мечу. Вы начали этот вопрос, который будет не менее остроумным, чем прошлое, для понимания хорошего стиля.

Говорит Филандро. Я никогда не обращал внимания на тех, кто использует это во зло, ни на их недоверие, потому что каждый хвалит то, что он понимает, и порицает и хулит то, чего понять не может, и так как они перестали верить – всё это сказалось на хорошей репутации кинжала, посредством которого можно совершать уловки с мечом разными способами, прежде всего, выбирая свой собственный, который является основой навыка, который иногда выбирается путем размещения кинжала на мече, не применяемого только в середине пропорции, а другие под мечом в том же порядке, а иногда помещая кинжал с обеих сторон, каждый на своем месте и в свое время, выбирая меньшую часть линии между кинжалом и мечом, которая находится между мечом противника и телом того, у кого есть кинжал.

Говорит Полемарко. Если мы говорим только о кинжале, по отношению к каким движениям меча он легче возымеет свой эффект?

Говорит Мелисо. Против движений выпада лучше делайте свои уловки, потому что кинжал использует круг, а меч – прямое движение.

Говорит Эудемио. У меня они есть и для более трудного входа с кинжалом, когда противник делает выпад и отходит одновременно.

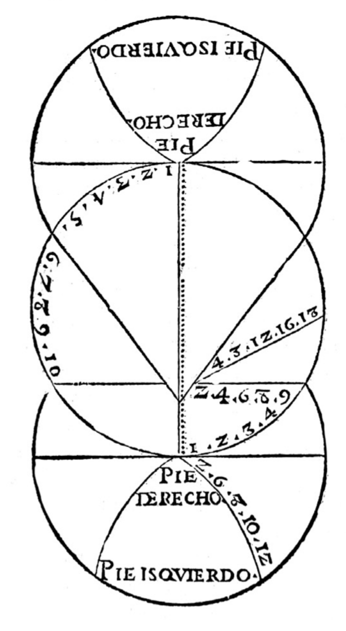
Говорит Мелисо. Для меня тяжело поверить в то, что можно сделать с кинжалом против порезов и ударов тыльной стороной руки, потому что это очень яростные движения, а кинжал, имея сильную величину, все же настолько мал, что не сможет противостоять им.

Говорит Филандро. Конечно, у вас большие сомнения и простолюдины, которые желали, чтобы это было неправдой, не придавали этому большого значения, но есть разница, что они сомневались отрицать правду, и вы это знаете. И поскольку мнения простолюдинов настолько разнообразны, некоторые были невозможны, прежде чем это нельзя было увидеть или испытать. Другие стали больше надеяться после проверок и экспериментов, и когда это было легко сделано против всего, что они думали, те, кто был очень доверчив, стали упорствовать, пререкаться, что является воротами, через которые бегут неверующие. Другие, когда делали выпады шпагой, с ними был кинжал, они клялись, что, если бы они были на месте с мечом, не двигая его, они не смогли бы прийти к выпаду, как могли бы. И причина, по которой их преследовали состоит в том, что, подобно движению, которое когда-то было сделано мечом, оно не может перестать существовать или быть до тех пор, пока не закончится, и, выполняя это действие, кажется, что, не оно перестает быть движением на пути, пока не остановится на своем месте. Кинжал будет хорошо и уверенно входить в меч и делать то, что является «эффектом отклонения» и углы, и по этой причине есть некоторые, которые ставят меч в силу и в фигуре острого угла не могут противостоять кинжалу, но, когда с этим предотвращением силы это было сделано с помощью того же средства, - для того, чтобы быть выдвижением универсального кинжала, который против позиций для облегчения положения, они ходили вокруг, говоря, что это невозможно сделать против порезов и зарубок, потому что нет кинжала подходящей величины, чтобы противостоять таким сильным движениям. Но когда это также было сделано без сопротивления, они снова сказали, что если кто-то отступит, сделав удары ножом или выпады, никак нельзя возыметь эффект кинжалом, прежде чем тот, кто с мечом не сможет повредить того, кто с кинжалом, как если бы тот, кто с кинжалом был вынужден делать больше, чем удерживаться от противника или вступать с ним в контакт, если он ждет. Это не для того, чтобы смеяться, что наибольшая защита, которую они обнаружили, которая более уверенная - это в мече против кинжала, отдаляясь от меча.

Говорит Эудемио. Вот почему вам будет полезно рассказать нам об этом, чтобы наши сомнения стали меньше, и мы больше доверяли для того, чтобы с теми, кто испугались, мы все слышали и любовались этим.

Говорит Филандро. Многое из этого — это предметы высказываний касательно кинжала против меча, потому что иногда он вводит знание природы принципов движений, на которые фехтовальщик должен обращать внимание, которые всегда причиняют боль и которые не для раны, а для того, чтобы помочь причинить вред, потому что в дестрезе есть некоторые движения, которые имеют нулевое значение в арифметике, которые не служат больше ни для чего другого, кроме как увеличить ценность движения, которое

достигает их, и от такого образа входа исходит много видов уловок. С кинжалом также можно войти с помощью движений ног, когда тот, у кого меч, совершает круговые движения, потому что движения регулируются вместе с ними и замещаются своей прямотой или извилистостью по диаметру или степени окружности, которую делает меч при круговом движении так, как видно хорду с дугой в этой универсальной демонстрации движений для всего оружия. Большой круг - это пространство, которое находится между правой ногой противника и моей ногой, а малый круг - есть у правой ноги каждого до левой ноги. Числа означают увеличение величины в мече с движением ног в каждом из них, сгибаясь в соответствии со значением каждого. Кинжал входит в другие разы через круг, который находится между обеими ногами, противоположными порезу, когда приходит естественное движение, и другими, прежде чем сформировать сильную точку. Кинжал может также войти в знание того, что является ближайшим или удаленным центром меча, посредством которого достается сила, которая имеет каждую из этих частей, где можно применять уловки. Руководствуясь навыками этого знания, как мы уже доказали во второй демонстрации, зная, что большая длина у руки с кинжалом, чем у действия первого движения с выпадом. Кинжал дает желаемый результат, размещая прямую линию меча в окружность, образованную кинжалом, и я предупреждаю вас, что, когда это будет сделано, я возьму кинжал, применяемый к своему центру на всем промежутке времени его движения удаленной части центра меча, всегда ставя тело под углом, созданным мечом и телом, конкурируемым с движением спиральной линии, которую делает кинжал, убивая все принципы движений, которые можно сделать, начиная с того, чтобы предотвратить их с самого начала, где зарождается сильное движение меча, которое является тупой кромкой, а затем продолжить движение кинжала, чтобы понять естественность и недостаток, чтобы противник не смог сформировать ни острый, ни прямой угол, ни смешанный, потому что обманы, которые враг может делать с мечом, нужно сразу предотвращать один раз, а не много.

Меч, когда движется прямо в выпаде, наносит раны основной точкой, рану с любых точек, которые есть по всей его длине, хоть он и мал и не нужно указывать в величине какую-либо часть, которая отклоняется, прежде чем любая другая, которая дотрагивается то цели, производит тот же эффект во многих точках меча. Вы также можете войти с кинжалом, когда тело расширяется вместе с противоположным движением, теперь они прямые или круговые, и если вдруг меч атакует с одной стороны, чтобы нанести вред другой, то вам нужно преобразовать в окружность то, что делает линия между двумя бойцами без перемещения центра кинжала, потому что, если вы его переместите, это будет лишним и будет нанесен вред, прежде чем этим воспользуются, а также сделать угол с кинжалом на мече в любом месте, а затем направить на него тело (универсальное правило для всех видов оружия). Но, если меч оппонента был вне границ и середины, подходящей для кинжала, и, если вдруг первое движение привело к ране, – вы выставите меч вперед с помощью метательного движения, и после того, как это сделано, это остановит меч с любой тягой, зная силу противоположного движения и силу углов, несколько раз двигая ногами назад, уменьшая движение, циркулярно противоположное виду раны, которую создаст меч.

Говорит Полемарко. Если каждый из вас сказал, что это универсальная уловка, многие из них должны быть конкретными, которые выходят из каждой из уловок, в соответствии с тем, на что вы нацелились, и это очень хорошо, чтобы любопытный ум обнаружил тайны, с помощью которых они увеличивают измышления и восхищение этими суждениями. Но, так как вы говорили нам в прошлом о том, что касается середины руки и конечностей тела, а также углов и тела, расскажите мне теперь, в чем из этого лучше не делать начальную стойку, что выяснилось в первой демонстрации, если только не сформировать рану или отклонение, и видеть, что называется концами тела.

Говорит Мелисо. После сложного доказательства с демонстрацией у меня нет того, что делает тело левой ногой, что так много с его стороны сила снижается до середины и переходит в другую конечность, которой можно нанести лучше раны и отклонения, чем правой ногой.

Говорит Эудемио. И даже при этом большинство вещей упускаются, потому что они не понимают их сущности и ошибаются, они винят тех, у кого их нет. Еще не понятно, что конечность, которая имеет меньше препятствий, чтобы свестись с другой конечностью, является правой ногой. Как вы хотите доказать сейчас обратное, ведь это является описанной частью причины? Я не шокирован тем, что всегда те, кто имеет дело с Эвклидом, в какой-то момент только создают большое здание для того, чтобы быть такими предсказуемыми, что тот, кто их понимает лучше, выходит из этих лучших вещей и чудесным образом применяет их и приходит к пониманию этого.

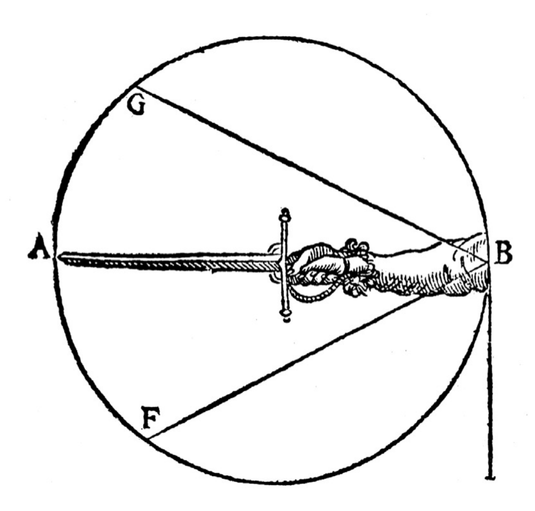
Человек не всегда натыкается на то, где точка приложения, так что это должно быть тем, в чем вы сейчас сомневаетесь.
Говорит Мелисо. И даже таким образом мужчины ломают голову, спорят, думая, что они поняли, что слышали или читали, и возможно они упустили что-то и обвиняют тех, у кого этого нет, как ты сейчас делаешь мне, потому что я сомневаюсь не в том, чтобы отрицать то, что вы сказали, не в том, что моя причина менее сильная, чем ваша. За исключением того, что мы отличаемся, я говорю, что, опирая тело на левую ногу, оно естественным образом возвращается в прежнее состояние до середины и до другой конечности, а вы говорите, что находясь на правой ноге, легче перейти к середине и к другой конечности, и что нет необходимости упорствовать в этом, когда у нас есть демонстрация. И, когда он хотел утверждать, что лучшая позиция на левой ноге, то он не наш друг. Настолько ослепляло то, что он говорил, что он достиг большего, чем все позиции, которые учат нас демонстрации, что одна и другая это ложь. То, что я сказал, отчасти отличается от того, что вы сказали, но не в целом, и в этом вы увидите, кто лучше понял демонстрацию. Скажите мне сейчас, на какую ногу лучше опирать тело, чтобы лучше сделать отклонение и нанести рану, это первое, в чем я сомневался.
Говорит Эудемио. Я не менее устал видеть, как они молчали, что Филандро знал больше, чем мы оба, слушая, как вы долго говорили об одной конечности, что это такое короткое движение, чтобы ответ был такой же целенаправленный, как если бы он заслуживал столь своевременного вопроса, как ваш. Целесообразно знать, как размещались тела в этих профилях, потому что каждый из них защищает или выставляет тело вперед с противоположной конечностью. Если каждый из них защищен одной и той же целью, обе имеют такую же свободу, чтобы уменьшать друг друга. Из последней демонстрации мы обнаружили, что нельзя идти от одной конечности к другой, не проходя через середину, и так говорит Эвклид в пятнадцатом предложении третьей книги. Но, если они оба со своими мечами стоят на своих ногах, вы увидите, как далеко ваше мнение от правды, потому что тело опирается на левую ногу, и после того, как было проведено действие один раз, он больше не может действовать после этого с этой же ноги, и поэтому не может идти дальше, потому идет к середине. Как вы утверждаете, меч не может быть перед ним, потому что будет мешать, и это препятствие отлично подходит для уловок, которые начинаются с того, что тело касается других. Я это не использую, потому что есть свои ограничения так, как и не могу левой ногой препятствовать мечу противника, пройдя до середины, менее того могу перейти на правую ногу, которая нужна для противника, которая может быть легко сведена к середине и к левой ноге за отсутствием каких-либо препятствий, что предотвращает движение раны, отклонения или парирования.
Говорит Мелисо. Прочитайте вместе по тому же предложению,

что вы дистанцировались от Эвклида, и вы увидите, какая толпа противоречит вашему мнению.

Говорит Эудемио. Я прекрасно видел это противоречие и знаю, что это для другой моей цели, а для вашей цели ничего нет.

Говорит Полемарко. Я хотел бы поставить себя в центр, даже если бы мне выделили плохую часть, как тем, кто создает мир.

Мы уже поняли, что конечность легче всего свести к середине, так что профили тела как и углы меча – это конец левой ноги, чтобы тело работало естественным образом; а конец правой ноги сильно в движениях происходит так же, как тупой угол, чтобы естественным образом свестись к прямому углу и быстрее свести его к середине, чем острый угол, потому что тело поднимается до изменения прямого угла, который имеет более легкое воздействие на острый угол, чем на тупой, потому что это естественная работа, а другая – неестественная, как можно увидеть из этой демонстрации.

Прямой угол обозначается линией (точки от A до B) и тупым углом. Линия чуть выше, от точки G до точки B, из которой исходят три угла, которые обычно делает рука с телом. Если мы хотим преобразовать одну из этих крайних точек в другую или свести к середине, более легко это пройдет от точки G до точки A и F, потому что это равносильно естественному движению вниз, точка F поднимается к точке A и G и при замене с точкой A, которая является прямой, она будет быстрее уменьшаться до точки F, чем точка G, по причине того, что это естественная работа (как я уже говорил), а вторая – неестественная.

Говорит Филандро. Очень хорошо разрешена трудность с этой демонстрацией, потому что это естественное действие одной конечности и неестественное другой, особенно то, что действие природы всегда делается в одном виде, и причина, почему разум никогда не обманывает себя в отношении своего объекта это потому, что акт ощущения – это работа природы. И отсюда вы узнаете, что существует различие между естественной работой и случайной, потому что естественное действие всегда осуществляется

одним и тем же способом. Но вы должны понимать, что природа, действующая на один и тот же вид, всегда производит один и тот же эффект и действие, которое иногда, возможно, истинное, а иногда ложное, равно как и крайняя левая нога, когда она хочет использовать силу, даже если это ее естественное движение, потому что, если противник хочет уйти от удара, он не фиксировал, куда может уйти тело, стоя впереди меча оппонента. Он не может переложить силу, которая собрана в левой ноге в правую ногу, с очень большими трудностями он может противостоять удару, не будучи атакованным. И когда он сопротивляется, если он хочет выйти из сопротивления ране, как и в других местах, он никоим образом не может сделать это, без того, чтобы поставить тело позади, чтобы укрепить силой рану или отклонение, потому что сила закончена и не хватает материи, чтобы форма была совершенной. Также, поскольку обратное движение правой ноги не является естественной работой, оно осуществляется по-разному и подходит той же причине, когда находится с силой, направленной вперед. И чего не хватает, так это находиться в середине этих двух крайних положениях, потому что, как сказано, можно перемещать меч в разные стороны, не делая много движений телом как хотелось бы, чтобы достичь цели и поразить ее.
Говорит Эудемио. Да, работа природы всегда производится в той же манере, в какой находятся чудо и монстры, которые выходят из ваших рук в одном и том же виде.
Говорит Мелисо. На мой взгляд очень хорошо, что вы сомневаетесь, но, знайте, что природа всегда делает вещи возможными, и это лучше. И в очерчивании контура существа в матке его матери, в форме и самообладании стремиться быть наиболее совершенным, главным образом, в двух вещах, которые целесообразно знать в очерчивании, так как форма преобладает, откуда происходит красота согласно Платону и Темистио, и в том, чтобы сделать человека самым совершенным из животных, за чье дело Аристотель назвал женщин несдержанными мужчинами, которые родились по случаю поколения, потому что природа всегда хотела создать молодого человека и не делает это из-за определенных препятствий, таких как изобилие материи в излишке, или из-за отсутствия материи по мере необходимости (или если вы в чем-то верите астрологам) из-за плохих аспектов высших тел, когда солнце и луна далеки от восхождения, а Сатурн и Марс находятся под углами или в союзе, или оппозиции, или в местах светил, - я не буду придерживаться восходящего солнца, а знаки были тупыми или фантастическими, и Юпитер и Венера находились в углах, или, когда одна из судеб согласна знать Юпитера или Венеру. Я не буду внимательно смотреть на светила, они были плохо заметны. Тогда, природа делает чудовищные вещи, из которых родилась эта старая поговорка. Целесообразно остерегаться тех, кто родился, отмеченный природой, вроде художника, который много учится, чтобы усовершенствовать свою живопись, иногда это относится к его руке, поскольку он не

может изменить штрих, чтобы предупредить тех, кто видит недостаток, что произошла ошибка, которая не может быть изменена. В подтверждение того, что Марсиал говорит о том, кто родился помеченный, ты делаешь великую вещь, если ты хорош, и, чтобы сказать вам правду в соответствии с тем, во что я верю, монстры выходят в мир по божьему разрешению и для целей, которые люди не могут понять, так, что сила не находится в одном из двух крайних положениях тела, хотя движение одной конечности является естественным, и в большем, или меньшем количестве происходят эффекты, иногда их недостаточно, а иногда слишком много, как вы слышите о естественных действиях.

Говорит Полемарко. Я не хочу об этом говорить, чтобы не попасть в заблуждение тех, кто говорит то, чего они не знают, и для этого я оставлю вас там, окруженных в судебную систему, и вернусь к реальному навыку. Скажите мне, если оба контура различны, потому что заключение может быть таково, что правая нога может ранить или уклониться, не увеличивая движение в конце, и придать необходимое усилие на конец левой ноги.

Говорит Филандро. С учетом того, что было отвечено на прошлые сомнения, сомнение разрешено. Затем Платон дает позволение сказать дважды то, что необходимо, и я хочу ответить вам снова. Это потому, что на правой и левой конечностях есть середина, через которую вы можете свободно пройти, и можно лучше действовать и запастись силой для движения, потому что, как вы видели в демонстрации, ему не мешает эта часть, так как тот, кто находится на левой ноге, имеет и то, и другое.

Говорит Полемарко. Я полностью удовлетворен всем, что касается конечностей в силе и действии, в этом я не сомневаюсь, что затрудняет мне понимание. Я знаю, что обе конечности отдалены от их серединной пропорции. Теперь я хочу, чтобы вы сказали мне, может ли человек сражаться только с двумя или тремя, или четырьмя противниками, и есть ли причина доказать, что я долгое время хочу выбраться из этого сомнения? Просто смеяться и высмеивать тех, кто говорит это, кто добровольно бился с двумя или тремя мужчинами и даже больше, но ни одного не было с такими же взглядами.

Говорит Филандро. Как и в течение десятилетия, кто-то отдаляется от того, что хочет сказать язык, и опыт не может прийти в голову тем, кто сомневается или утверждает, что историки остаются с ними и оставляют в сомнении враждебность тех, кто их слышит, не определяя доверия для их подтверждения или отрицания. Хорошо, это правда, что есть люди с такими низкими душами, что не так давно некто превзошел их, потому что, как я уже неоднократно видел, некоторые идут на сражения, как на похороны, только чтобы задирать кого-то и убежать, потому что они не могли внедрить страх в бой с противником, сопровождаемые сначала в одном и в другом, и служить свидетелями, закончившими покаяние, принося тех, кто больше всего читает в следствие их

бегства. Древние истории, с которыми они хотят оправдать того, кто убежал и даже убеждают, что для совершенства и укрепления смелости менее не целесообразно бежать, чем ждать своего времени, потому что, когда он выходит из своей точки, это очень быстро делает человека безрассудным или робким, и он никогда не достигнет вершины смелости. И всегда двое или трое из тех, кто приносит эти моральности, бежали, чтобы совершенствовать бегство публики, от чего у простолюдина есть основание постоянно работать над чем-либо, и поэтому они ищут и окружают ложь, пока могут малое, или выходят победителями с теми, кто не знает истины. Больше, чем на этот раз, будет ясно, что, когда только один человек сделал это с другим, можно сказать - кто сражается, но, если он делает это с двумя или тремя, мы можем сказать - кто с ним бьется, а он только защищает себя, если может, потому что я не нашел демонстрацию во всем мастерстве, касательно того, как человек может сражаться с двумя оппонентами. Мы уже знаем, что все движения, которые ведут к ране, сделаны вовремя, и каждое движение особенно характерно для меча и разной природы. Если это круговые раны, состоящие из двух движений, одно неестественное, а другое естественное, то мы знаем, что, будучи единственной раной, необходимо обязательно ударить в неопределенное место. Давайте рассмотрим теперь четыре движения, которые составляют четыре раны (говоря о тех, которые причиняют боль). Ясно, что эти раны нанесены в четыре неопределенных места, из которых следует, что нельзя одним движением сопротивляться четырем, даже Геркулес не мог, потому что он не мог сопротивляться даже против двух.

Говорит Мелисо. Менее можно, если соперники отдалены друг от друга, если у них разный рост, величина мечей и, если у них разные наклонности, а также различные пристрастия духа, за счет чего один будет делать зарубки и порезы, а другой - удары тыльной стороны руки, еще другой будет делать выпад, третий остановит меч и набросится на кого-то, если он был холериком, или будет ждать, если он флегматик, сангвиник будет совершать атаку, чтобы сделать ранение, а меланхолик был бы нерешительным: «будет ли это хорошо убить этого человека или нет», и если он будет это делать, то он или ударит ножом, или сделает выпад шпагой.

Говорит Полемарко. Конечно, вы правы в том, что при таком разнообразии движений и диспозиций, и при таких разных способах, местах, силах, позициях, крайних углах, желаниях — плохо может один человек с одним движением и только одним способом сопротивляться многим и таким разным.

Говорит Филандро. Конечно, то, что вы сказали со всеми этими трудностями, не оставляя ничего в отношении всеобщего и что осталось неразрешенным, - это вещь невозможная, что некто может сражаться, ожидая, не отступая более, чем от одного, как внимание зрения, чтобы хорошо понять, чтобы твердо стоять на своем месте и быть внимательным к одной точке, для того, чтобы

сделать конкретное действие и закончить делать другое. Так вы поймете, что делают четыре меча с разными ранами, и каждая из них состоит из двух собственных движений, а иногда и случайных в таких разных углах и характерах, фигурах, временах, принципах, знаках и концах, потому что (как вы знаете) разрезанная рана требует другой защиты, чем выпад, когда они были произведены разной движущей силой. Он твердо убеждается в этом, хочет, чтобы оборона была отличной от удара обратной стороной руки, насколько они различны по виду и целям, потому что меч может быть во многих и столь отдаленных местах, что едва ли я пойму угол нанесения удара, в основном двигая различными мышцами руки. Насколько сильно отличаются движения, которые меч может делать, когда находится под прямым углом, тупым или острым, к которым возвращаются все положения. Один человек плохо может ранить многих или защищаться от кого-то, не пытайтесь отступить, как мы уже говорили, будучи на его месте, нет навыков против тех, кто продолжает движения. Наконец, человек, который только ждет, не может атаковать, ранить или защитить себя от многих, у него не будет присутствия духа, энергии для поддержания себя и нет никого, кто был бы так любопытен, кто принял бы за арифметику часы и градусы, что человек может иметь силу и энергию, подходящие для опасности, в которой он оказался, что является самым важным в этой науке, и что лучше всего это сохранить.

Говорит Полемарко. Тогда присутствие духа, силы и энергии в дестрезе это то, что лучше сохранить для совершенства своих высказываний. Скажите мне, как это можно сохранить, потому что вы испытали на самом деле, что это то, что его изменяет, чтобы человек мог бежать от одного и использовать то, что его больше оберегает.

Говорит Мелисо. Меня предупредили, что вы сдержаны в трудном сомнении, чтобы разрешить этот вопрос, и по правде говоря, вы правы, давая такой хороший повод для науки об оружии, потому что, не зная, как его сохранить, это всегда будет являться причиной очень большого вреда и опасности, и даже будет мешать человеку, который не может защититься в середине самой большой потребности.

Говорит Эудемио. Каждый день мы видим по опыту, что те, кто сражаются, и даже те, кто фехтуют с насмешкой, не понимают эту доктрину, которую теперь вы хотите поведать нам, они идут так обескураженно, без бодрости духа и делают организм таким образом непригодным, нанося удары, которые целесообразны для их защиты, некоторые начнут совершать удары с небольшой силой и неупорядоченно, и, конечно, они не могут ни воспользоваться этим, ни атаковать противника. Я очень восхищаюсь вашей целью, желая, чтобы она была под опекой духа, как будто это было в нашей воле, сохранить это или потерять, потому что согласно тому, во что я верю, – никто никогда это не терял, если он не в состоянии был сделать что-то еще, если только не хотел перевести дух. Или

это не находится в нашей воле, как, например, нанося удары ножом или прекращая удары, что явно кажется ложным, потому мы можем совершать движение мечом, а можем и нет, в соответствии с возможностями, предлагаемые дестрезой. Что совершенно не так при дыхании, потому что оно увеличивается или уменьшается без того, чтобы человек применял какую-либо часть своей воли в действии, потому что, естественно, он продолжает свой курс, спеша или останавливаясь в соответствии с необходимостью, которая есть от готовности или задержки.

Говорит Полемарко. Это было хорошо, если дыхание не изменило его движения в соответствии с качеством движений, которые делает тело или в соответствии смещения с его природного курса, с которым мы живем естественно.

Говорит Мелисо. Истина заключается в том, что у нас есть жизнь, потому что мы дышим и что находим благодаря опыту. Жизнь эта изменяется в соответствии с потребностью в воздухе, который нагревает естественное тепло, который находится внутри нас вместе с влажной основой.

Говорит Эудемио. В соответствии с этим существует различие между естественным теплом и влажной основой.

Говорит Мелисо. Разница в том, что естественное тепло включает в себя дух, кровь и влажную составляющую конечностей, которую они называют влажной основой или влажным радикалом. Удобно говорить «влажный», потому что это влажное, мягкое и нежное вещество, «основа» или «радикал», потому что оно приносит начало первого корня и происхождение нашего поколения, и поэтому у детей, у которых много влажной основы, есть кости, сухожилия, вены и очень мягкие артерии, как будто из воска, который расходуется эпохами, так как в старости кости нуждаются в смазке, потому что, будучи сухими, они могут легко сломаться, что мы видим у стариков, у которых кости из золы и пепла. Все влажные радикалы это естественное тепло, но не всё естественное тепло это влажные радикалы, потому что все духи и кровь являются естественным теплом и не являются влажными радикалами.

Говорит Полемарко. Я думаю это хорошо то, что вы сказали, но я не понимаю этого различия, я хочу знать, каково надлежащее место этого природного тепла, которое находится в крови и душе?

Говорит Мелисо. Есть обычное место и свое место, обычное место – это всё человеческое тело, а свое место – это сердце.

Говорит Эудемио. Тогда, если всё человеческое тело – это место, откуда мы приходим к пониманию сердца только со многими движениями меча, больше, чем другие части тела, это тогда причина, почему движение является причиной тепла?

Говорит Мелисо. Вы затрагиваете такие сложные вещи, что я не знаю, как мы выберемся из них, увидев опасность, с которой мы убежим от самых простых вещей. Из-за этого мой плохой совет будет своевременным, оставьте их, чтобы врачи-медики с легкостью

справились, что обещает нам их эрудиция. Истина заключается в том, что я не сомневаюсь, что они дышат или не зависят от нас (согласно тому, что говорит Гален), и вы будете дольше видеть впереди. И даже если это так, это не должно быть так легко, как наносить удары ножом или позволить им наносить, потому что, конечно, между двумя произвольными движениями один человек может находиться намного легче, чем другой, и потому, что у вас не так много сомнений знать, что добровольные дела служат некоторым потребностям нашего тела, таким, как дыхание, которое служит для увлажнения и чистки нашего естественного тепла и работы кашля, которая служит для изгнания всяких ненужностей из груди. Есть другие, которые являются добровольными всего, что не удовлетворяет потребности нашего тела и его достоинств, таких как выход на улицу и приход с площади, и по этой причине эти вторые легче предотвращать, потому что нет необходимости подстрекать нас ими, а только хотеть делать их или не делать, а в других – побуждать к ним чувства и раздражение, которые, кажется, не выполняют их, потому что человек мог остановить дыхание на долго, если пришло время, чтобы умереть, а также прекратить кашлять из-за болей, которые нанесли ему ненужности и излишки, которые должны были быть изганы с кашлем, но было много трудностей, не менее, чем страдание от этой серьезной боли или смерти.

Говорит Эудемио. Я не могу понять, дышит ли он или не в нашей воли соглашаться с тем, что природа настолько дружелюбна, чтобы сохранить вашу индивидуальность. Я понимаю, что даже, если вы хотите прекратить дышать, вы утомляете свою грудь до такой степени, что в точке прекращения действия, воздух выйдет наружу, а работа и усталость принесут с собой стремление к новому, чтобы насытиться новыми вздохами при увеличении естественного тепла, которое вы найдете более ясным в кашле, чем если бы вы когда-либо были скрыты в части, где разнообразные хорошие используемые вещи отмирают раньше, чем можно это почувствовать. И для некоторого случая, когда есть избытки и ненужности в груди (хотя у вас нет желания), если вы сильно надавите, то не прекратите кашлять. В соответствии с этим, не в нашей воле ни дышать, ни кашлять, как ясно видно у тех, кто плавает и спорит, кто остановит на больше дыхание под водой. Мы поймем, почему некоторые не хотят останавливать дыхание на больше, чем другие, и прежде чем потерять много – природа не страдает, и когда он перестает дышать, пока не умрет, – я говорю, что дьявол не делает в этом никаких действий, потому что он не перестает играть свою роль в тех, кто притворяется и симулирует, чтобы дать понять, что они чувствуют вещи больше, чем это правильно.

Говорит Полемарко. В вашем выступлении нет ничего другого, кроме как прикоснуться к чему-то на инструментах, которые помогают при дыхании, со всем остальным мы согласны.

Говорит Эудемио. Хотя ваши драгоценности будут проданы, я не

перестану указывать на то, что знаю об этом, чтобы вы поняли, что я не говорил случайно и не слушал, потому что инструменты дыхания – это восемь мышц груди, которыми объединяются брюшная полость, чтобы помочь своей части, и таким образом сжимая первую пару нижней части груди, а вторую вместе с третьими мышцами, тянущими ребра вверх, плотно закрывая грудь, четвертые немного сжимают всё это, но без этих мускулов они также помогают дышать свободно за счет тех мышц, которые двигают позвоночник, вместе с теми, которые двигают руки, хотя и мало, за исключением случаев большой необходимости, и только через диафрагму берется необходимый для жизни воздух, и, поворачивая грудную клетку на свое место, воздух выбрасывается, что он легко делает и сам по себе, когда ослабляется диафрагма, потому что тяжелая, но если воздух лежит в основе любой конкретной потребности, чтобы сердце было горячим или по какой-то другой причине, то мышцы помогают от руки к руке, в зависимости от того, что еще нужно, – это причина, почему мы дышим, откуда вы можете сделать вывод, находятся ли они в нашей воле или нет, но не знаю точно, что руководит дыханием, естественно или неестественно это происходит во сне.

Говорит Мелисо. Вы уже знаете, что природа дала нам сон для двух целей: первая это для внешних инструментов, которые нужно успокоить, и потому, что это взращивает духов, которые выполняли свои работы, потому что, возможно, с постоянной отдышкой они не восстают и не потребляют. И вторая цель – чтобы иметь возможность использовать природу духов и естественное тепло в пищеварении, что, делая это отлично, это вызывает сон посредством его паров, отступающих от внешних чувств движений, притягивающих духов к внутренней части тела, чтобы захватить их все вместе в питании и восстановлении животного, и то же самое можно понять, когда понимание начинает находить в этом убежище, что является правителем всех чувств и добровольных движений человека. И, чтобы сделать это дело лучше, он хочет, чтобы сила выходила изнутри тела до внешних частей, где находятся инструменты, которые делают такие работы, чтобы лучше достичь объектов, которые снаружи и приходят отсюда. Хотя человек, когда думает о чем-то, может видеть и слышать без каких-либо препятствий, и не имея больше намерения, когда понимание отводится внутрь от него из каждой точки, чтобы эффективно созерцать. Он убегает от внешних частей, отказываясь от чувства и движения, потому что оно уходит с большей частью силы и духов в этих раздумьях, не оставляя в теле другой способности, чем эта, без которой нельзя было бы поддерживать жизнь. Целесообразно знать основную, жизненную часть непрерывного движения сердца и ангела духов по артериям, чтобы привлечь извне свежий воздух и ввести его внутрь, оставляя лишь с небольшим количеством питательной силы, потому что в мышлении большая часть этого затруднена. И так же, как во сне, питательная сила делает тебя сильным, она препятствует и

занимает мысль, нарушающую фантазии с ростом головокружения и испарений в мозгу, которые вызывают различные и неупорядоченные мечты.
Говорит Эудемио. Хорошо, что вы коснулись трудов внутреннего и внешнего намерения, хотя это больше касается действий чувств и питательной силы.
Говорит Мелисо. Я сказал это, потому что вы видите, что кажется, есть много вещей, которые совершаются без желания и намерения, которые не могут быть сделаны без инструментов добровольного движения, например, когда вы спите, вы переходите из одной части в другую, не забывая просыпаться, если вас окружили. И это должно быть, потому что, хотя все они подчинены воле, они должны быть более свободными, чем другие, и когда основные из них прекращаются, менее важные из них работают, как вы увидите в нервах, которые полезны чувствам и тем, которые используются при движении.
Говорит Полемарко. Мы видим, что не все нервы имеют одно и то же качество, хотя они полезны в разных местах. Как вы делаете это разделение?
Говорит Мелисо. Движение и чувство – это разные действия и рождаются из разных способностей и способностей разных температур, как вы увидите в нервах, которые не все едины и не используют те же действия, потому что они тверже или мягче в нас, в зависимости от того, короче они или длиннее, и именно поэтому нервы, которые идут к глазам, ушам, желудку и к небу – более мягкие, хотя из тех, кто совершает обходные пути и сворачивают с пути, становятся тверже, поскольку место, где они проходят, более сухое, которое не лишено тайны, потому что, как пять внешних чувств нужны, посредством которых мы видим, слышим, слышим запах, осязаем и чувствуем, то и им нужен инструмент, который обычно сворачивает с пути, чтобы получить эти способности, и чтобы лучи и разновидности, которые постоянно выходили из вещей, изменялись или легче перемещались. Если бы эти нервы были твердыми, они не могли бы хорошо выполнять свою работу, как и те, которые полезны движению, не нарушая каждый момент, чтобы перемещать всё наше тело. Откуда берется то, что от нервов некоторые приносят пользу чувству, а другие движениям. Они полезны для чувства нервов, которые идут к глазам, ушам, носу, нёбу, желудку, к ладоням рук, которые чуть более теплые, чем любая другая часть тела, согласно Галену. Наконец, мы чувствуем благодаря тем нервам, которые проходят через всю кожу, но все другие нервы полезны для движения. И не для этого вы должны понимать, что нервы, которые служат этому движению, лишены смысла, так как некоторые люди считали, что они обмануты, когда видели, что это случается много раз, чтобы потерять смысл и освободить движение и, наоборот, потерять движение и освободиться от смысла. И причина, почему какая-то часть теряет только смысл, потому что ветви нервов, которые смыкаются на коже, возможно, были слабее тех, которые

были больше обращены к мышцам, когда только движение, что происходит с противником.
Говорит Эудемио. Почему нервы, которые идут на коже, не двигаются как те, которые идут к мышцам?
Говорит Мелисо. Именно в этом и заключается причина, по которой я поднял этот вопрос, и именно таким образом (так что мы заключаем и продвигаемся вперед, чтобы закончить то, что начали) одна способность заставляет нас видеть, слышать, пробовать теми же нервами, и каждое из этих действий выполняется в определенном месте нашего тела, которое является собственным органом, а не в каком-либо другом месте. Таким образом, ни больше, ни меньше через нервы, которые идут к мускулам, которые мы двигаем, мы чувствуем себя посредством тех, которые идут к коже, желудку и ко всем другим частям тела, которые имеют свое расположение и способность воспринимать смысл. Думаю, я удовлетворил вас по этой части. Скажите мне теперь причину, почему природе нужно больше дышать, чтобы обогреться, что в других случаях происходит за счет слуг.
Говорит Филандро. Чтобы ответить на это, мы должны сначала обратить внимание на то, что естественное тепло имеет два движения, одно по направлению к материи, где они находятся, и другое по направлению к сферическому сходству с игрой в шары, когда мы бросаем рукой мяч в стену, и от стены он потом обратно летит в руку, что, ошибаясь от руки он сейчас летит или от стены. Заканчивается всё одинаково, - что это естественное тепло, что если они предотвращают одно из двух движений, если теряют обоих - это заканчивает и уничтожает естественное тепло, что не понятно в огне чистого элемента, которое мы используем между собой, которое вы увидите более ясно в огне, которое находится в свече, имея два движения: одно по направлению к фитилю свечи, и другое - к его центру. И вы увидите, что когда мы ставим его на солнце, огонь уменьшается и часто умирает, потому что, когда солнце притягивает и уменьшает часть огня, и препятствует тому, чтобы он не совершал движение к фитилю свечи, и ему не хватает холода воздуха, чтобы все действие его естественного движения могло полностью противостоять ему, или притягивает его, если это тепло солнца, и, кажется наоборот, гибнет, когда мы имеем дело со свечой где-то в просторном месте, без того, насколько оно превышает количество холода, которое необходимо огню для его сохранения в той части, где он заставляет его терять движение по направлению к сфере, и также потухнет с избыточным теплом солнца, которое приводило его к фитилю. По собственному пути тепло, которое находится в нашем теле, движется по кругу теми же движениями. Целесообразно знать, что одно идет от сердца к коже, то есть движение к сфере, а другое - к сердцу, которое является источником, где находится естественное тепло.
Говорит Эудемио. Мы увидим, как естественное сердце погибает от

человека?
Говорит Филандро. Оно приходит, чтобы погибнуть из-за отсутствия холода воздуха, который с его умеренной сдержанностью имеет это в пропорции.
Говорит Полемарко. Воздух не влажный и теплый, поскольку вы придаете ему новое качество, не повредив его форму?
Говорит Филандро. Знайте, что он приносит в воздух холодность, из-за соседства, которое у него есть с землей и водой, и с этой случайной холодностью он испытывает естественное тепло через дыхание, с которым духи увеличиваются, выкованные в сердце кровью, что вена идет в его правое ухо, которая сочиться по стене. Они выступают в роли перегородки в середине сердца, пока не сведутся к левому уху, где со знанием тепла сердца и входа воздуха создаются жизненно важные духи (которые так называются, потому что они дают жизнь), которые распространяются через вены и артерии, которые являются их органом.
Говорит Полемарко. Животная сила также работает с тем же действием жизненно важных духов.
Говорит Филандро. Нет, потому что, хотя животная сила действует с помощью духов и воздуха, она отличается от жизненной силы происхождением и знатностью, потому что жизненно важные духи исходят из сердца для всего тела, а животные духи имеют свое происхождение в мозгу, где они пользуются своим дыханием, и, когда жизненно важные духи поднимаются через артерии к мозгу, будучи настолько деликатной субстанцией, они служат в качестве материала для животных духов, в которых сила распространяется по всему телу. И переплетаясь друг с другом, делают замечательные эффекты, которые вы можете увидеть, поскольку весь человек движется за счет суставов, вокруг которых вращаются части, и это поднимает пары, которые заняли тепло. Время, затрачиваемое на изгнание их, теряет воздух, чтобы войти в тело и из-за отсутствия непрерывного удовольствия остается с его холодностью, разжигает сердце и делает дыхание быстрее, чем было, чтобы заполнить с его частотой время, которое было потеряно в вытесняющих парах, которое вызывает движение.
Говорит Эудемио. Почему, если каждая вещь лучше сохранится с ей подобной и испортится от противоположной ей, вы говорите, что естественное тепло лучше сохранится с холодом, который приносит воздух, чем с его теплом, сказав раньше обратное?
Говорит Филандро. Сохраните естественное тепло в холодном состоянии, потому что оно настолько мало, что служит только для того, чтобы остановить его при удобном случае, с таким весом и размером, что по его недостатку оно не будет потребляться, или его избыток настолько мал, что его можно погасить, а отсюда вы будете знать, насколько важны дыхание и пульс для нашей жизни.
Говорит Эудемио. Конечно, кажется, что вы поняли мое желание, в соответствии с которым вы меня просвещаете о том, о чем я не

мог спросить у вас, поэтому двигаемся вперед и полностью говорим о том, что касается дыхания и пульса, и функции которая есть у каждого, и полезность, которую они приносят в организм с их частотой и как удобно использовать их для назначения оружия, потому что вы сделали его дорогим для чего-то столь важного, для его совершенства.

Говорит Филандро. Импульс и дыхание были самым необходимым для человека, это как «пища», потому что если без еды и питья мы провели много дней, то без пульса мы не можем жить, потому что эта «пища» служит главным образом для поддержания тела, и восстанавливает вещество, которое обязательно тратится на работы естественного тепла, а пульс и дыхание служат для сохранения умеренности тепла и самой чистой и деликатной субстанции жизненных духов и животных, которые непорочны и чисты. Он может дышать и подавлять дыхание с гораздо большей легкостью и готовностью, также, как и пламя свечи, - для того, чтобы сохраниться, должно быть близко к воску, из которого оно потребляется, ни больше, ни меньше нашего природного тепла и духов, если им не хватает воздуха, который они получают с помощью пульса и дыхания (которые не только поддерживают, но и смягчают и очищают), тогда они потребляются.

Говорит Полемарко. Тогда, если одна и та же вещь годится и пульсу, и дыханию, кажется, что пульса должно быть достаточно без дыхания, или дыхания без пульса, потому что природа всегда имеет лучшее понимание в своих работах, и, кроме того, это делается с двумя вещами, но можно сделать только с одной.

Говорит Филандро. Вы говорите очень хорошо, если обе работы полезны основному намерению в одной и той же части, как они полезны и жестокому и естественному движению меча для своей собственной цели, хотя это не то, с чем мы имеем дело, потому что, как говорит Гален, служба, которую оказывает дыхание сердцу, это то же самое, что и пульс для других органов, и эту пользу получает сердце с тем, что другие органы с другим.

Говорит Эудемио. Объясните тогда, какие пользы вы цените, и порядок, который есть у сердца и органов, чтобы использовать их.

Говорит Филандро. Пользы, которые получает сердце и другие органы, соответствуют потребностям, которые они имеют, потому что это всегда как некое лекарство, которому необходимо способствовать.

Говорит Мелисо. В наше время не так много используется милосердия и ясности, как было изначально от природы, потому что они не проявляют милость, кроме как к самым богатым, помогая тем, кто наименее нуждается, потому что с ними у них нет конкуренции, что хорошо, в отличие от философа, который хотел всего самого хорошего своим врагам, кроме силы и смелости, потому что всё хорошее какое-то время было в распоряжении у сильных, а не тех, кто владеет этим, которые по своей трусости не могли это удержать. Но теперь они хотят, чтобы сила и смелость была во врагах, чтобы

остаться с богатством, трусостью и мерзостью.
Говорит Эудемио. Я не нахожу в этом никакой новизны, потому что знаю, что это использовалось много во все времена и даже в вашем магазие, – огорчился Маршиал, когда сказал это. Никто не дает прекрасное сокровище богатым, но все будут страдать от добрых намерений, если бы богачи так не развлекались, чтобы видеть нуждающихся людей, только чтобы они нуждались в них, чтобы, если бы они восстановили свои силы, половина из них была бы плоха. Но это больше для того, чтобы иметь возможность использовать со свободой свою силу и жестокость с нуждающимися бедными, чтобы избавить их от трудностей и страданий и более верных нуждающихся в добродетели. Он вполне может оплакивать себя и жить на похоронах, которые в том же случае должны хоронить его, прежде чем не закончатся двадцать четыре часа закона.
Говорит Полемарко. Много дней хранилось немного силы, и как некоторые идут тиранизировать награду с высокомерием, а другие не допускают ее с завистью, также препятствуют на пути (как говорит Полемарко), которые не достигают эффективности, и поскольку они покинули франкское поле, порочные должны возникнуть с честью, потому что им кажется, что для добродетельных достаточно, чтобы они поняли, что это без необходимости почитать и уважать это или использовать, прежде чем некоторые рассматривают это как вашего столичного врага из-за неравенства, которое они находят между своими обычаями и обычаями других, и видят, что они не могут имитировать их, потому что они упрямы во зле, они пытаются лишить их этого, чтобы они всегда нуждались в возможности. И то, что я нахожу еще хуже (и заслуживаю испытывать больше), заключается в том, что они покрывают недостатки порочных людей, потому что они, их сверстники, не выговаривают их, и приписывают недостатки тем, у кого их нет, если это не идет на пользу без причины, или они перестали восхвалять порок, крестив его именем добродетели, последствиями лести.
Говорит Мелисо. Разумеется, вы напомнили мне, что я много раз желаю достоинства и чести поэту Филожено, потому что Дионисио Тиран преподает ему стихи об одной их трагедии, чтобы их можно было восхвалять и одобрять, и спросил его, что он думает о них, он ответил, что они были очень плохи, и Тиран сердито приказал его бросить в карьер, чтобы там он очистился от своей дерзости (место, конечно, недостойное такого истинного человека). Через несколько дней он убедил своих друзей с молитвами, которые вышли, и вы снова услышали стихи, считая, что со временем и с досадным тюремным заключением вам будет предоставлена свобода правде, и в конце концов это случилось, и когда поэт услышал, как Дионисий читает свои стихи, не улучшив их, он очень рассердился и спросил Тирана, почему это произошло. Он ответил, я делаю это, потому что мне лучше закончить свою жизнь в тюрьме, чем слышать или хвалить ваши стихи, не заслуживающих этого. И таким образом,

возвеличивая Цицерона до этого поэта, он говорит о великих вещах своего духа и одобряет свою свободу, потому что он, по крайней мере, считал, что умирает как раб в карьере, которая льстил тирану как льстец и потому, это такая старая ссора, и каково это было, – давайте не будем тратить на это время, поэтому мы заканчиваем с этим, начиная с пульса и дыхания, где сохраняется так много милосердия.

Говорит Филандро. Несмотря на то, что я уже был с этим знаком и все было предложено очень хорошо, я с удовольствием к этому вернусь, чтобы дать то, что вы просите. Знайте, что это как пища, которая необходима для поддержания конечностей и других частей тела, природа помогает в этой нужде, с которой желудок ощущал голод и жажду, чего ни один из других нуждающихся членов не чувствовал, и удовлетворил потребности других нуждающихся, чтобы исключить бесполезность этой пищи, а также духи (тонкая часть и удобный инструмент души), который проходит через наше тело, блуждая в основном через сердце и артерии, которые рождаются от него. Другие участники свиты с ног, им нужна очень деликатная пища, равно как и воздух, которым мы дышим и притягиваем импульсами к нашему телу, а также нагреваем и охлаждаем тепло, которое они постоянно потребляют, и изгоняют дымные излишки и очень деликатные вещи, что является следствием залеживания пищи, поэтому при вопросе пищи духов следует учитывать значимость, Поэтому нам дали дыхание, чтобы нести его непрерывно к сердцу, и дали пульс, чтобы передавать его другим членам, так что при частом предотвращении значимости того же воздуха была восстановлена значимость духов и с их холодностью нагревается тепло.

Говорит Полемарко. Из этого следует, что к трем потребностям вам нужно еще три помощи, которые полезно знать. Что касается духов со значимостью воздуха, из которого они восстанавливают силы, и чрезмерного тепла с холодностью самого воздуха, и скопления дымов с их испусканием, – я не могу понять, как помощь отвечает потребностям, как величина одних способствует величине других, потому что, если мне нужно, чтобы меч опустился сверху, не поэтому он опустится быстрее, если бы мне не нужно было нанести рану, потому что, поскольку это движение создано из частей, которые должны быть продолжены и это нужно сделать вовремя. Ни в коем случае это не может быть сделано в одно мгновение, не нужно торопиться больше, чем возможно, ни тем более потому, что я голоден. Огонь будет варить быстрее пищу, потому что это естественная действующая сила, у которой своя функция в таком ограниченном случае, что ни необходимость, ни отсутствие этого не может свести это с уже намеченного курса, поторопив или прекратив раньше, чем то, что бы произошло естественным способом. Скажите мне теперь, какая главная привилегия этого, что вы даете движениям пульса и дыхания, потому что вы говорите, что они ограничивают свои функции в соответствии с потребностями, таким образом,

когда есть большая потребность, их работа понимается больше, а когда меньше, – то уменьшается до середины, чего не хватает движению меча, потому что потом вся сила находится в ударе, хотя нет необходимости в такой силе, чтобы нанести эту рану, которой нужно противостоять, ни в слабости, которую нужно укрепить, ни невозможно удалить ее из того места, где она когда-то была, особенно если она уже в действии.

Говорит Филандро. Вы очень хорошо говорите, и это сомнение достойно вашим способностям, и много раз я видел, что те, которые именно такие, приносят хороший ответ, хочет ли Бог, чтобы это было тем, что я даю? Хотя в отношении дыхания легче разрешить вопрос, потому что оно не делается ограниченной природной силой, как опускание камня и горение огня. Я не использую естественное движение меча, потому что, несмотря на то, что он опускается к его центру, он имеет большее значение из-за увеличения или уменьшения силы тела, которая ускоряет его или останавливает, в зависимости от количества духов, которые помогли движению, которые делают это медленно или легко в соответствии с тем местом, где он начал больше всего дышать, чтобы сделать это по свободной воле. Он согласен знать волю, которая является хозяйкой и эффективной причиной всех свободных движений, и поэтому мы можем дышать и не дышать, когда хотим, что подтверждает и разъясняет историю, которую Гален рассказывает о варварском рабе, который хочет своей смертью спасти пленных, прислонившись к стене, добровольно прекратив дыхание, пока не умер. И поскольку это желание свободное – это то, что делает дыхание затрудненным. Неудивительно, что тот, у кого есть лихорадка и кто очень устал, и распалил некоторые упражнения или усталость, которые приносят действие многих движений тела и меча, – в нападении и обороне, он торопливо дышит всё более и более часто, потому что, будучи свободным, с его свободой увеличивается и его работа, чтобы умерить наибольшее тепло, и наоборот, когда тело находится боком или оно проходит через холодные места, где много снега, где с очень небольшим количеством воздуха освежается и нагревается естественное тепло, – затем использует очень маленькие, медленные нечастые вдохи.

Говорит Мелисо. Мы также видим, что воля является свободной действующей силой и перемещает меч через свои инструменты. Почему она не будет иметь своих движений, чтобы разместить силу в человеке таким образом, чтобы ее не было ни больше, ни меньше, чем нужно? И именно так вы утверждаете в дыхании, говорите о пульсе, движение которого не подчиняется воле, как присутствие духа и меч. До этого кажется, что движение импульса является просто естественным, потому что, даже если я хочу поторопить его или остановить, оно никогда не будет ни медленнее, ни быстрее, как мы можем очень хорошо сделать с движениями меча, потому что, когда мы хотим быстро наступить с мечом, мы убираем ненужные части

и остается короткое движение, а когда что-то затягивается, мы удлиняем, пока нам не кажется, что противник сделал всё возможное со своей стороны.
Говорит Филандро. Большая трудность заключается в том, что вы затрагиваете то, что не может быть удовлетворено такими очевидными ответами на эти доводы, как переживание вещей на собственном опыте, которые происходят в нашем теле, из которых будет создана новая доктрина, которая должна быть понятна настолько верно, как ощущения опыта, которые вас представляют.
Говорит Мелисо. В чем заключается эта трудность, которая предлагается для понимания, которая породит новый свет. И это не понуждается слабыми причинами, как старается вульгарный фехтовальщик, а благодаря ясному опыту, чувству, которое нельзя отрицать, но в которое можно легко поверить.
Говорит Филандро. Трудность, которую вы затронули, и сначала Аристотель сказал в своих работах, что естественные вещи не получаются по привычке ни более или менее, прежде чем они ограничены в своих функциях, потому что, если вы хотите привыкнуть бросать камень много раз вверх, вы никогда не познаете его, также и с мечом, даже если вы очень привыкли идти с ним по своему пути, – не из-за этого вы постигните его, чтобы без помощи тела вы могли сделать это сами по себе, ни потому, что вы бросаете камень много раз вниз, зная, как опустить быстрее по природе своей, потому что у нее есть действие, столь ограниченное ее способностью, что она всегда делает всё, что может, и никогда не может сделать меньше, чем делает.
Говорит Полемарко. Какой опыт вы обнаружите против того, что вы сказали о камне и нашли в мече. Я нахожу в огне, что он не поднимается и не нагревается ни больше, ни меньше, чем может, ни реагирует на свою природу, ни вода не смачивает, не охлаждает больше, чем может, ни мы не находим вещей, которые не имеют понимания и воли, которые не ограничены подобным образом в их деятельности.
Говорит Филандро. Если бы вы хорошо смотрели, что происходит внутри нас так обычно, у вас не было бы столько сомнений, вы бы не желали так страстно, чтобы угадать, что вы ищете. Вы видите каждый час, что, если человек привык обедать восемь или десять дней, а потом забросил это дело, то аппетит будет все равно пробуждаться в одно и то же время, но если вы будете и в течение последующих нескольких дней не обедать как привыкли раньше, у вас пропадет желание, и вы увидите много тощих желудок у сеньоров, привыкших есть больше, чем необходимо, которые отличаются по качеству пищи, которую могут переваривать другие более сильные желудки простых людей, но меньше привыкая к еде, а больше, чтобы поститься за тысячу недостатков, которые есть в возможности совершения. Вы также увидите других, у которых в назначенное время выводятся ненужности из брюшной полости, у некоторых с утра,

у других во второй половине дня в соответствии с ограничениями, установленными их привычкой, которую, если они захотят изменить, – в начале будет трудно, а затем очень легко передвинуть привычку на другое время, которое легче будет соблюдать при замене мешающих движений меча, которые сначала легко предотвратить, как вы видите в демонстрации, которая с трудом выполняется после первого порыва и потому, все эти движения естественные, я не вижу в них определенных пределов.

Говорит Полемарко. Через трудности вы предупреждали меня об опыте, я вижу доктрину, которая будет результатом понимания, я очень этого желаю.

Говорит Филандро. Этот опыт заставляет нас совершенствовать доктрину, поскольку некоторые из этих опытов сделаны по собственному желанию, которые свободны от всего, некоторые естественные, некоторые ограниченные, первыми являются труды желания, такие как бег, двигать меч, и действия чувств – дышать, а вторыми – работы неодушевленных элементов и тел, например, опускать камень или поднимать, а также когда горит огонь быстрее или больше, в зависимости от того, что уместно. Но есть и другие функции и действия, природа которых является промежуточной между тем, что ни одни из них не свободны, как первые, ни также точно ограничены, как вторые, – это работы овощей, потому что, будучи притягательным желанием завода вырастить эти овощи, когда они засохнут, не будет хватать воды, – если вы нальете воду, то быстрее и больше покажется их содержание, чем когда эти овощи понурые, и большое желание будет отправить их в желудок, особенно если вы позволите голоду с большей силой привлечь их, и позже вы будете удовлетворены. И другие примеры и опыты, о которых мы говорили, также являются действиями, поскольку они не ограничены или не подчиняются воле, и не являются настолько ограниченными, что большая или маленькая привычка и необходимость не делают их главными или второстепенными из этого вида, такими, как пульс, который изменяется в соответствии с большей или меньшей силой, чем могла бы помочь.

Говорит Эудемио. Суммируйте это с помощью импульса с более легким завершением.

Говорит Филандро. Знайте, что есть три потребности, для исправления которых был введен пульс сердца и артерий тела, обоим помогает движение, которое обычно поднимает стенки сердца и артерий по кругу ко всем частям, расширяющихся с их вогнутостями и с интервалом в качестве топлива, чтобы привлечь воздух через поры, который охлаждает дух и природное тепло, с недостатком которого краснеет тело, а с его веществами обеспечивается поддержание материи для последующего поколения. Большая часть каждого момента воздуха вдыхается и потребляется, с этим движением сердце и артерии не могли выбрасывать из себя пары и губительные выдохи, которые появляются в нашем теле

от непрерывной работы тепла, прежде, чем они зацепят сердце и артерии, которые служат для привлечения воздуха. Они не могут привлекать его так просто для использования, о котором мы уже говорили, они также не приносят пары и выдохи, которые возникают в теле, которые, будучи смешенными, разрушают чистоту духов, и если они будут увеличиваться, то человек будет задыхаться от них, поэтому для природы было необходимо сделать еще одно движение, чтобы вытеснить эти пары вопреки тому, что она сделала, чтобы привлечь воздух. Это зацепило все части и переместилось из центра в окружность. И наоборот, в этом другом это угасает во всех частях и сжимается к центру, а сгибанием и сокращением вытесняется и выдавливается из тех же пор.

Говорит Полемарко. Как вы не изгоняете также духов при помощи исключения?

Говорит Филандро. Потому что их останавливает сила, которая управляет телом, а парами нет, они являются избыточными.

Говорит Эудемио. Я доволен тем, что вы сказали, но, ощущая эти противоположные движения, я не могу понять, как их делает одна и та же сила. Они, возможно, как сильное и естественное движение меча, что, хотя сделаны той же силой, они имеют такие различные эффекты, какие мы видим, и выходят из таких разнообразных мест. И мне не меньше станет нравится, если вы заявите мне, почему, если у притягивающей энергии есть сила, чтобы привлечь пищу, эта же энергия не поможет остановить ее, потому что в магнитном камне мы находим, что та же сила, с которой этот камень притягивает железо, с той же самой он останавливает его, будучи таким образом слишком большой в Природе сохраняющейся силой, потому что притягивающая сила может сделать всё.

Говорит Филандро. Отвечая вам на первое, я перестану высказывать свое мнение в этом тонком на мой взгляд сомнении, а также потому, что ученые физики в силу их профессии использовали это. Вы узнаете это как нечто, что им подходит больше, чем фехтовальщикам, и конечно, что вы сомневались во всех ученых и заседаниях, и больше в движении, потому что вы сделали лучше, чем Авиценна и почти большинство авторов, но Гален во всём старательно заметил, как вы указали, что это работа двух сил, одна раскрывает, а вторая сжимает сердце и артерии, и очень восхищается остротой вашего понимания, что в ваших сомнениях в дестрезе вы нашли одно, столь редкое в философии.

Говорит Эудемио. Вы дали повод сомневаться в своих ученых ответах, мол я не сделал большего, чем просто обнаружил туман, который был введен в понимание, которое вы полностью отбросили от всего и осветили, и то же я надеюсь получить в других более серьезных вещах, а также в этом вопросе импульсов и дыханий, как и в других, которые касались дестрезы, и не принимайте фехтовальщиков за столь невежественных, лишенных понимания книг о профессиональных вещах. Но мы видим, как движение, которое

делает меч, и то, которое делает дыхание, оба произвольные и свободные, поскольку они не собираются вместе в том же самом действии, которое делает сила, потому каждая из мышц помогает своим движением в своем пространстве, обобщая все, что было и давая нам очистить доктрину.

Говорит Филандро. Это не так, как вы думаете, потому что могут быть два произвольных движения и каждое с разной целью, это как отклонить атаку кинжалом, а ранить мечом, которые поддерживают друг друга и разделяет силу. Оба движения не могут стать сильными даже в одно и то же время, потому что для раны требуется больше силы, чем для отклонения, и требуются разные силы и мышцы, чтобы поднять меч и еще другие мышцы, чтобы опустить его. Наконец, когда мы наносим удар мечом или совершаем движение им для определенного парирования или отклонения, и применяем силу к любому из них, человек перестает дышать, не потому, что это его последняя воля, не дышать, а потому, что он отдает большую часть силы движению меча. И присутствие силы и энергии очень необходимо для естественного тепла, чтобы нагреваться, которое, как вы слышали, умножается при отсутствии воздуха, когда оно останавливается, за то, что сила была применена в другом месте. Когда человек дышит торопливо, это чтобы снабжать дыханием то, что нуждается в воздухе для естественного тепла, потому что человек остановил дыхание при формировании раны. Опыт говорит нам, что чем больше вы ждете удара ножом, тем больше потребность в дыхании, особенно если движение ног сделано для другой цели, чем движение меча, желая не уделять внимание многим частям и тратить духи на Чувства. Тогда будет намного больше необходимости в дыхании, чтобы все удары закончились по желанию только импульсом, потому что мышцы, которые служат дыханию, когда сила применяется к ударам, когда настроение изменяется, перестают приносить пользу при дыхании, и они каким-то образом уходят в конец желания, руководимого вспыльчивостью, используя то, что можно в этом действии, чтобы совершить рану.

Говорит Эудемио. Чувства также растрачивают духов?

Говорит Филандро. Да, за исключением того, что они тратят страсть, а силу в действиях оставляют на своем месте, что каждая действующая сила, делающая что-то, страдает. Хорошо, это правда, что между чувствами также есть большее и меньшее внимание, как есть в частях тела в соответствии с этой приложенной силой, поскольку человек может работать над тем, что будет смотреть на своего противника, который отвлекает слух, чтобы не замечать шум. Если бы он хотел уделять слишком много внимания ушам, то, конечно, жизнь не будет поглощать так много духов, как когда он будет с твердым вниманием в той части, которая полезна, также, как необходимо движение меча, чтобы ранить, и поэтому полезно движение тела. Так что меч обретает силу и достигает цели, соединяется одно движение с другим и в то же время человек

тратит больше духов, чем это целесообразно, становясь усталым и неспособным, если ему приходится содействовать и двигаться вперед другими движениями. Чтобы исправить это – очень важно для фехтовальщика делать только те движения ногами, телом, мечом и чувствами, которые более полезны для ран и защиты. Усердствуя, фехтовальщик всякий раз, когда хочет нанести удар, запасается дыханием, и это прежде чем он сформирует движение, потому что, когда рана парируется, сохраненный воздух выходит и входит новый, не нуждаясь в теплоте сердца или в силе. И так человек всегда будет запасаться дыханием и всегда будет выносливым во всех его движениях без ошибок, при необходимости. Наконец, с этим дыхание успокоится и будет множество духов (=энергия) для применения актов чувств, а также для движений меча и тела, не уставая, как будто человек и не дерётся вовсе.

Говорит Эудемио. Я доволен доктриной, которую вы нам дали, потому что она соответствует моей потребности, и теперь я понимаю одну вещь, которую видел, как делали, что, хотя причинить вред дубинкой, решают нанести вместе с ударом, это так же быстро, как удары. И вы увидите то же самое в тех, кто рубит дрова, и я сам много раз испытывал это, когда забываю дышать. Прежде начнется долгий период, оставаясь без воздуха, чтобы тот, кто следует, (что я едва могу говорить), знал, что теперь было бы полезней для остальных предотвратить дыхание человека, из чего я понимаю тайны, которые посредством опыта были обнаружены во всех вещах, поэтому по вашей причине вы дали нам такую новую и необходимую доктрину для жизни человека, и для вас, чтобы понять, что такое жизнь, и не иметь сомнений, потому что вам не нужно иметь их, когда вы испытываете трудности с опытом.

Говорит Полемарко. Истина заключается в том, что вы можете много раз это использовать в вещах, но, если опыт чего-то конкретного не сопровождает благоразумие и суждение экспериментатора для познания универсального, – опыт никогда не является частью поиска истины, потому что то, что соблюдается – это функция науки.

Говорит Мелисо. Мы хорошо знаем, что всё, что делает наука, имеет начало природы и опыта, из-за чего философы говорили, что вся наука — это имитация природы, и что истинная основа всех наук – это опыт, в том порядке, что из многих чувств получилась память и из многих воспоминаний — опыт, из большого опыта — наука, и отсюда вы будете знать, что отцом мудрости является навык, и память – это ваша мать. Таким образом, природа делает человека искусным, наука делает всё возможным, а навык делает его могущественным, где вы поймете, что опыт разных вещей был изобретателем различных искусств. Эта наука лучше, чем другая, поскольку она более определенная и использует лучшие вещи, но я хочу, чтобы вы знали, что только в опыте это происходит вручную, чего нет в науке, поскольку это подтверждается многими экспериментами. Для понимания того, на что вы должны обратить внимание,

это что есть три метода доктрины: первый словесный, второй умственный и третий – общий. Словесный образует софистскую доктрину, интеллектуальный создает науку и суждение о ней, и общий, если он непрерывный, делает совершенство так, что только слова сами по себе делают то же, что мы видели в диалоге о лживой дестрезе, уме, науке, как в диалоге первом и общем использовании, как в том, что торопит совершенство доктрины. И в том смысле, что здравый смысл без справедливости извлекает пользу из малого или из ничего, а справедливость без здравого смысла много, поэтому наука без навыка и применения мало извлекает пользу, а навык без науки много, поскольку она требует больше пользы, будучи такой расточительной как скупец, потому что из-за этих крайностей расточитель может легче свестись к либералу, чем к скупому, потому что он уже начал действия, которые замедляют движение и тормозят беспорядочный порыв. Он может выработать привычку быть щедрым, великодушным, чего не может сделать скупой, потому что он менее охотный и далеко находится от этого пути, он также мелочен и придирчив, когда это не сводится к действиям, хотя у него есть сила.

Говорит Полемарко. Форма моральных добродетелей, которая имеет первое место - это здравый смысл и умеренность, которую древние называли матерью всех добродетелей, поскольку у Сократа философа ее было много, и он понимал, что все добродетели являются благоразумными, таким образом, что милосердие - это форма богословских добродетелей. Как могут быть справедливость и беспристрастность без здравого смысла, потому мы уже знаем, что никакая добродетель не совершенна, как и другие не являются помогающими? Я не понимаю, куда вы направляете свое намерение, но, если вы меня лишите этого сомнения, я буду удовлетворен, и это так. Кто прибудет быстрее на вершину совершенства, очень опытный, не используя какую-либо науку, или ученый без какого-либо опыта и двух недостатков: смелость или застенчивость, что лучше или ближе к пути.

Говорит Мелисо. Вы должны узнать в сомнении, потому что святой Иеронимо говорит, что сила, мужество, смелость, отвага и постоянство - это реальный путь, такой сильный, что тот, который отходит по правую руку, приносит опрометчивость или упорство, и тот, кто находится слева - страх или застенчивость, и из этих двух крайностей смелый лучше, чем застенчивый. Но хорошо, что вы знаете, что он делает больше того, что усмиряет страх за то, что он находится дальше от мужества, которое сдерживает смелость, пока она не будет упорядочена с помощью воли. И по поводу всего остального, я говорю, что в том, что с наукой можно узнать причины вещей с действиями среднего опыта, чтобы получить привычку, также может быть очень полезно узнать причины действий, которые он совершает, не теряя при этом навыка их использования, и подтверждая свой опыт с помощью

науки. Таким образом, он может подтвердить и аккредитовать свою науку с использованием непрерывного опыта, оставаясь ученым и экспериментатором, а другой опытным ученым с одинаковыми привычками, и по этой причине целесообразным является подражать врачу, который должен стать универсальным и экспериментировать в особых вещах и стать естественно разумным, так что расположение уловок осуществляется в зависимости от времени и места.

Говорит Полемарко. Я понимаю, что экспериментаторы более искусны, чтобы действовать и легко достигать во многом того, чего хотят. Они утверждают, что они очень образованные без какого-либо опыта. Опыт согласно Аристотелю – только для знания особых вопросов, а искусство – для универсальных. Главным образом, действия и поколения связаны с единственными в своем роде, но если кто-то понял основание и причину вещи без опыта и знает всеобщее и игнорирует некоторое специфическое из того, что понимает, – то вы много раз, как и в медицине, увидите (по мнению философа), что это более своеобразно.

Говорит Эудемио. Поскольку я не рассматривал в частности эти исследования, я не полностью понимаю конец ваших умозаключений, и для этого я хотел знать, кого вы называете опытными, тех, кто играет в фехтование (печально известная вещь), или кто находится в правде (трудная вещь), потому что я убежден, что путают силу слова, как и оскверненное мужество находится в вульгарном фехтовальщике.

Говорит Полемарко. Меня воспринимают как опытного и храброго человека, которому каждый раз предлагали вытащить из опасности самую честную часть.

Говорит Филандро. Это не то, что вы думаете, ни то, как вульгарный фехтовальщик это понял, потому что добродетели находятся в человеке, чтобы сдерживать чувства, которые генерируются в чувствительном желании, а отвага и сила – это то, что регулируют вспыльчивые действия, из которых есть некоторые виды, одна — естественная смелость, которую мы надлежащим образом называем силой, о которой Хуан де Мена говорит очень хорошо, это уже называется сила, а не стойкость, которая дает членам мужество, которое состоит из быстроты, жесткости, крепости членов, как у Милона, и другая сила – естественная, которая исходит из телосложения, которое является причиной естественной склонности предпринимать опасные вещи, которые основаны на чувствительном желании, как сила льва и некоторых людей, у которых есть склонность к животным, грубым наклонностям, как тех, кого невежественный простолюдин называет храбрыми. Но они не будут называться сильными, ни воля их не будет достойна похвалы, потому что в ней не сосредотачиваются вещи, которые необходимы для истинной силы, лучше знать, когда и как, где и почему. Из чего вытекает, что нельзя назвать сильным того, кто не боится смерти при кораблекрушении или от болезни, или от чумы, потому что сила

состоит из страха перед трудными вещами, и в нашей воле терпеть их или убегать от них, что в результате приведет к славе Бога или к хорошему для простых людей и почестям человека, потому что человек другой силы не заслуживает похвалы, потому что в том смысле, что жизнь – это первая из хороших вещей, а смерть – последняя из ужасных, и, таким образом, опасность и презрение к страху, которые человек возлагает на католическую веру или на родину, – это и есть истинная добродетель, это делает человека сильным и достойным похвалы. Поэтому вы должны понимать, что тех можно назвать сильными, которые, игнорируя опасности жизни, теряют их во имя бога или добродетели, или по случаю какого-то великого добра, а не по чему-то другому. Они их перемещают, чтобы всегда стремиться к добру, которое может последовать за смертью, будучи более важным моментом, чем жизнь, как это делали мученики, смерть которых предшествует достойному отношению к жизни. Также, можно назвать сильными тех, кто боится позора и бедности. Теперь мы идем в моральную боевую крепость, которая появляется в душе и одета в тело богатого дворянства, с рассудительной смелостью, которой делаются добродетельные дела на войне. Это то, что принято называть отвагой, чей навык завоеван кучей добродетельных поступков, которые порождают ясность и твердость в духе человека. Они настолько постоянны, что ни падают, ни ослабляются с невзгодами, ни поднимаются, ни гордятся процветанием, ни в каких его действиях нет страха и дерзости, особенно когда опасность настолько велика, что можно ожидать смерти или другого серьезного урона. Затем возникает страх пройти через этот страх или дерзость, чтобы иметь возможность умалить опасность. И по этой причине человек, помещенный между этими двумя крайностями, должен выбирать в них способы, с помощью которых он вовсе не будет бояться, прежде чем он начнет говорить умеренно и действовать с умеренным страхом и готовиться делать то, что больше подходит для опасности, так что он не попадает в страх, когда отказывается от того, что в соответствии с мерой разума было удобно предпринять, ни дерзость его не поглощает, когда, не рассматривая опасность (по словам святого Григория), повинуясь порыву воли, он намеревается сделать то, чего не должен предпринимать, что-то ужасное, потому что эффекты и привязанности духов подобны тому, что происходит с тем же самым цветком, что пчела производит мед, а паук превращает все в яд. По случаю чего святой Августин говорит, что они по-настоящему сильные и не боятся быть без цели, поэтому вполне уместно, что они находятся посреди этих двух крайностей, так как истинная добродетель состоит из силы, которая является расположением духа или способностью души, которая вытекает из разума, сопровождаемого справедливостью, так что всё, что он делает справедливо. И поэтому я неоднократно говорил, что это удобно для того, кто обучает искусству дестрезы, говоря в сердцах

о действиях мужества и доверия к науке, потому что только гнев является доказательством его доброты. Недостаточно изучать оружие и фехтовать всю жизнью (как говорит простолюдин), чтобы знать, как их учить, и получить имя сильного.

Говорит Полемарко. Они хорошо говорят, что по когтям можно узнать льва, и кто с такими реликвиями остался в прошлом, многое должно было быть достигнуто в философии морали. И почему никому не кажется, что я обучаю льстеца, искренне с ним обращаясь.

Я хочу оставить это и перейти в начало, потому что мне кажется, что вы отрицаете и отвращаете использование оружия, зная, что вы должны обладать дестрезой. Тем, кто хочет понять ее, и в остальном, что вы сказали об опыте, я говорю, что понимание и знание о вещах лучше для искусства, чем для дестрезы, откуда мы узнаём, что те, у кого есть истинное искусство, – более мудры, чем те, у кого есть только опыт, в соответствии с тем, что говорит философ, потому что некоторые знают причину, а другие игнорируют ее. Хорошо, это правда, что опытные иногда знают, что это такое, но они игнорируют это, потому что это так, плюс ученые знают и знакомы с беспорядком вещей и почему они такие, и поэтому вы увидите много раз, что теоретические архитекторы мудрее и даже более почитаемые, чем те, кто работает с этим зданием своими руками, потому что они действительно понимают причины, которые знают, но другие делают, не зная их, как знает любой простолюдин, что огонь горит, и чтобы нанести рану, нужен меч, нужно двигать ногами и т.д., которые знают это из опыта, у которых уже привычки к этому, и поэтому ученые могут научить согласно знанию, которое у них есть из причин, а испытатели нет, потому что они игнорируют их, и демонстрацию этого вы найдете в той же дестрезе, где часто фехтовальщик привносит определенное предложение, высказывание только с мотивом, чему научил его опыт, и если другой изменит его, как абсолютный властелин своих движений, то потеряет уловку в одном и том же месте, не найдя в твердом противнике позицию, в которой он это уже видел раньше, и найдет, что недостает одной уловки в опасности. Но все, кто освободились от этого, кажется такие и есть. Таким образом, целесообразно, чтобы фехтовальщик советовался касательно уловок, поскольку он мало их использует, если не хватает разума и науки применения, эта ошибочность обычна. У тех, кто уверен только в опыте и происходит встреча с тем, что работает с наукой, что, хотя противник меняет принцип и не находится в той части, которая была впервые задумана, и не остается в стойке, так и ученый знает причину того, что работает, и ничего из этого противник сделать не может, он предотвращает свое действие. И произошло много раз, что противник сменил стойку, полагая, что она улучшит его и станет самым выгодным шагом для уловки, которая будет выполнена в этой позиции, что если он останется в предыдущей позиции, – это произойдет иначе, как если бы было сделано только с опытом,

игнорируя универсальную причину, которая хорошо известна. Но понимание невозможно, это часть движения, чтобы препятствовать действию настоящей уловки, потому знайте, что любое препятствие становится большим, независимо от того, насколько малы те, кто делают уловку, не зная причины. Наконец, когда появилось оружие опыта, которое имеет дело с истинами, которые не могут быть изменены или изменены каким-либо событием, - из-за невежества происходят события. И потому, что они похоже называются, нам будет полезно пойти на ужин, чтобы поддержать тело, так как души наслаждались своей пищей и продолжали заниматься делом, так что отдохнув сегодня вечером – завтра с большей силой мы закончим нашу цель, научив христианского фехтовальщика как использовать науку, не оскорбляя ни Бога подобным образом, ни ближайшее окружение.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА О ФИЛОСОФИИ ДЕСТРЕЗЫ

Автор:
Иеронимо Санчес де Каранза

Название:
Философия оружия и мастерство владения им.
Христианская атака и защита. Диалог № 3

Издатель «ФЛП Середняк Т.К.», 49000, Днепр, 18, а / я 1212
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности в Государственный реестр
издателей, изготовителей и распространителей издательской продукции
ДК № 4379 от 02.08.2012.
Идентификатор издателя в системе ISBN 7599
тел. (066)-55-312-55, (056)-798-04-00
E-mail: 7984722@gmail.com
www.isbn.com.ua

